

18+

*Жанна Даниленко,
Иван Верев*
ЛЮБОВЬ ВОПРЕКИ

Эго
ЛИТМОБ

ПРОДАМАН.RU
ПродаМАН
САМОУЧЕБНИК ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ПРОДЫ

Слово не воробей — вылетит не поймаешь!

Нельзя искушать Судьбу высказанными вслух необдуманными желаниями.

Ольга хотела найти легкий путь, а потеряла себя. Жизнь обошлась с женщиной сурово, и никто не может предугадать, к добру или к худу случайности, которые с ней происходят.

Доктор Анисимов стремился помочь Ольге, но благие намерения не ведут в Рай. Первым пострадавшим стал сам добрый самаритянин.

ЧАСТЬ 1 ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Ну, пока, я скоро вернусь...

Она тихонько прикрыла дверь, ещё минуту постояла, прислушиваясь к голосам в квартире, потом легко сбежала вниз по лестнице.

Она торопилась. Ещё немного. Надо потерпеть, не разрыдаться... Сейчас пройти мимо автомобильной стоянки, мусорных баков, дальше за гаражи, через сквер. Вот здесь обшарпанная скамейка в самом конце липовой аллеи. Вечером в этом месте небезопасно — собираются алкаши, а то и похуже ребята, но сейчас никого. Кругом на снегу валяются пустые бутылки, колбасные ошурки, смятые пачки из-под дешевых сигарет, использованные шприцы и презервативы.

Она присела на краешек скамьи, закрыла лицо руками и заплакала. Тихо, без рыданий. Теперь можно — никто не увидит. Да пусть бы и увидели, всё равно, только бы не дома.

Сегодня у них праздник. Её день рождения.

А есть совсем нечего. Так всегда получается дней за пять до Сашиной зарплаты, как ни пытается она растянуть те жалкие гроши, что составляют их доход.

Как же она устала!

Время шло, из туч посыпался мелкий колючий снег, ветер поднялся. Холодно.

Скоро стемнеет, пора уходить отсюда.

Да пропади оно всё пропадом! Спешить-то некуда, гостей не будет, праздничного застолья — тоже.

Двадцать семь лет пустой никчемной жизни. Много это или мало? Слишком много.

Перед глазами встала картина, которую она унесла с собой в этот отдалённый грязный угол городского сквера.

Квартира в хрущёвке, две смежные комнаты. То, к чему они пришли, многократно ухудшая своё жильё обмёнами. Все вырученные деньги проедались и таяли. От них не оставалось и следа, как и от квадратных метров, перешедших другим хозяевам. Ну хоть долги отдали. Теперь не висит ничего камнем на шее, и на «счётчик» их не поставили.

От внешнего мира обитатели таких неказистых домов закрываются выцветшими занавесками, но от себя разве скроешься?

Когда она уходила, муж и пятилетняя Женя играли на полу с котёнком.

В комнате побольше просторно — мебели нет, только неприбранная кровать без покрывала и вытертый ковёр на полу.

В маленькой комнате свалка всякой рухляди. Это даже и не вещи, старый хлам, но выбросить его нельзя — тогда вообще ничего не останется. А так — память.

Ужасны оборванные и изрисованные Женечкой обои, а что делать ребёнку? Игрушек у девочки нет. Так, обломки какие-то от пластмассового конструктора, кукла без ноги, цветные тряпочки, разрозненные лянляые кубики.

Когда-то она покупала дочке дорогие игрушки, подарки Александру, красивую одежду...

А теперь? Рваная мужская куртка висит на ней мешком, рукава посеклись от бесконечных стирок, джинсы на коленях совсем белые, вздуваются пузырями, на голове бейсболка со сломанным козырьком, на ногах — бесформенные кроссовки...

Вот такая она сейчас. На улице её давно принимают за парня, так и обращаются: «Молодой человек». Нет, это раньше обращались, когда Сашина куртка была поновее, теперь брезгливо сторонятся, особенно в транспорте.

Зато бомжи запросто заговаривают — считают своей. Что обижаться, выглядит она так же.

Силы воли ещё хватает на то, чтобы не начать пить. Стыд перед ребёнком останавливает.

А так... Ведь всё погибло! Всё. Прежняя жизнь рухнула. Теперь нет у неё жизни, и работы тоже нет. Нищета.

Всё было бы иначе, если бы... Нет, что себя обманывать? Всё идёт вполне закономерно. Именно так, а не иначе. И она во всём этом виновата, она одна. Ничего не смогла. Неудачница, никчёмна... Даже сидеть с ребёнком.

В доме грязь, руки опустились, все попытки наладить быт — давно оставлены. Зачем? Чистотой бедности не прикроешь.

Александр, конечно, ходит на работу, да разве можно прожить на четыре тысячи рублей в месяц плюс сто рублей детской дотации втроем? Помощи ждать неоткуда. И Саша прав, что упрекает её, только что это меняет?

А ведь была когда-то другая жизнь! Красивая, яркая, манила к себе огнями рампы. И столько было надежд, казалось — так много времени впереди...

Времени и теперь хватает — закрыться в туалете и биться головой об стену в тупом отчаянии, или убежать в сквер, чтобы поплакать не на глазах у своих.

Дома надо улыбаться и слушать упрёки молча. А то Саша раздражается, кричит, бьёт Женечку. И защищать девочку нельзя, тогда он ещё хуже лупит дочь. А ведь ей всего пять...

Ах, пропади она пропадом, эта жизнь!

Слёзы лились и лились по тонким дрожащим пальцам и капали на заплёванный снег. Легче не становилось.

О чём она плакала? О себе и своём бессилии? О маленькой дочери, лишенной детства? О муже, которого, в сущности, не за что было винить...

Все его жестокие слова — она заслужила. Заслужила, но всё равно каждое отдаётся эхом в душе, много-много раз отдаётся.

«Сама родила!» — упрекнул он сегодня. Вроде как и не отец, что говорит так. Правда, ей так хотелось малыша, тогда она не думала о последствиях. Да, конечно, сама...

Слёзы иссякли.

Она отняла руки от лица, вытерла рукавом мокрые щёки.

Надо возвращаться... Надо?

Где-то за деревьями пронзительно засвистел скорый поезд.

Решимость мелькнула в серых заплаканных глазах, плотно сжались губы.

Она встала и пошла в другую сторону от своего дома, потом побежала.

Рельсы тянулись к горизонту стальными лезвиями, поблескивали в мертвенно-белом свете фонарей, вокруг каждого плясал белым облачком снег.

То зелёным, то красным глазом подмигивал семафор на переезде, новогодней гирляндой мерцали огни на виадуке скоростной магистрали.

Страшно.

Прошел ещё один скорый, за ним две электрички, а она всё не могла решиться. Уйти? Ничего не видеть больше в этом мире?

Страшно.

Нет боли, нет пустоты... Она могла бы расстаться с солнцем, зелёной травой, первым снегом — этого не жалко. И жизни проклятой не жалко, и мужа, но Женя!

Она чувствовала тоненькие ручки, обвивающие шею, и шёпот дочери: «Мамочка, я так тебя люблю. Я скучаю, когда ты уходишь».

Полезли другие ненужные воспоминания. Родильный дом... Тот, другой страх и боль, но после такая радость... И Чудо — маленькое беспомощное тельце на казённой пелёнке с голубыми цветочками и расплывшейся чернильной печатью. Взгляд младенца, устремлённый в неведомый замкнутый мир, который не дано помнить никому из рождённых.

Нет, нельзя! Она не сможет уйти от неё.

Огни фонарей становились всё ярче на фоне вечернего неба. Совсем темно, надо домой. Саша, наверное, беспокоится, да и день рождения всё же. Как бы там ни было, они проведут его вместе, а завтра, может быть, что-то изменится.

Обратный путь казался бесконечно длинным. Сквер тянулся и тянулся. Кроссовки совсем промокли и вязли в снегу.

Скамейка уже была занята ночными завсегдатаями. Человек шесть, не меньше, лиц не видно, только разгораются и угасают светлячки зажженных сигарет да слышится гогот пьяных подростков. Завизжали девчонки. Одна заплакала.

Пройти бы мимо так, чтобы не заметили.

Вдруг запоздалый страх дрожью охватил всё тело. Несмотря на холод, выступила испарина, майка противно прилипла к спине. Она опять представила себе свистящий поезд, лезвия рельс...

Вот и сквер кончился. Слава Богу! Теперь бегом домой.

Машина выехала из-за поворота бесшумно. Водитель не смог бы затормозить на обледенелом асфальте, но и не пытался.

Боли не было, только сильный удар и невероятное ощущение долгого полёта, как в замедленной съемке, хотя на самом деле тело перекинуло через машину в несколько секунд.

В глазах завертелись огненные круги, вспыхнул белый свет, как один большой слепящий фонарь. Потом все огни разом погасли. Ещё теплилась последняя мысль: «Саша... Женечка...», но и она ушла в черноту небытия.

— Да, я была за рулём... Я не видела... Она побежала через дорогу прямо под колёса, — оправдывалась перед сотрудником ГИБДД изящная молодая женщина, которая стояла около открытой дверцы белого «Феррари», кутаясь в короткую норковую шубку. Высокие сапоги с блестящими крючками, шнуровкой и кисточками на голенищах плотно обтягивали стройные ноги, концы длинного белого шарфа, повязанного под воротником, мотались на порывистом ветру.

Женщина протянула милиционеру документы, а другой рукой набросила капюшон на голову, чтобы снег не испортил причёски.

Виновница ДТП была взволнованна. Или искусно изображала волнение. Голос срывался, тонкие пальчики с безупречным маникюром дрожали, когда она передавала милиционеру права.

Но подведенные синей тушью глаза оставались холодными, в них не было и тени страха или раскаяния.

— Сейчас разберёмся. — Милиционер уже осмотрел машину с характерными вмятинами на капоте и брезгливо глянул на припорошенное снегом тело пострадавшей. Она лежала в неестественной позе с неловко подвёрнутой под грудь рукой.

Ещё до того как приехала скорая, он определил, что помощь потерпевшей уже не понадобится.

Удар был сильный, соответствовал скорости километров сто, не меньше, женщина перелетела через машину, как тряпичная кукла. Ударилась головой. Крови нет, только маленькая струйка натекла из угла губы на лёд.

— Румянцева Мария Фёдоровна, 14 февраля 1973 года рождения... — Милиционер не спеша читал вслух паспортные данные хозяйки «Феррари». — Так выходит сегодня у вас, гражданка Румянцева, день рождения? Как неприятно вышло.

— Да, — женщина пожалала плечами. — Глупо и ужасно... Вы думаете, она...

— Тут и думать нечего, такой силы удар, да ещё она, похоже, головой о поребрик стукнулась, когда упала. Вам придётся поехать со мной, — возвращая права владелице, сказал он.

— Хорошо, конечно, я не отказываюсь. А это надолго? У меня дома гости собрались. Может быть, можно что-то сделать? А то неудобно как-то им без хозяйки.

— Протокол составим. Подпишете. Заплатите штраф. Если никто её не опознает, закроем дело. Здесь пешеходного перехода нет, так что в соответствии с законом ответственность с вас снимается.

— А если опознают?

— Тогда сложнее, придётся разбираться с родственниками.

— Но она сама выбежала — прямо под колёса!

— Я же сказал, заплатите штраф, — с нажимом повторил он, оглядывая дорожную шубку. — Разберёмся.

— Хорошо-хорошо...

— Садитесь в свою машину и подождите. Скорая пришла... Сейчас я с ними переговорю и поедем, они уже там сами разберутся с телом, а мы — с документами.

— Вот чёрт, — пробормотала женщина, когда милиционер отошел настолько, что не

мог её услышать, — надо было уехать. Подумаешь, бомжарка какая-то... И без меня под забором бы сдохла. А теперь ещё и с этим разбираться.

Дверца «Феррари» громко хлопнула, зажглись желтые противотуманные фары, в их свете можно было рассмотреть, как милиционер и врачи «Скорой помощи» наклонились над телом пострадавшей.

— Ну что там? Труп в состоянии сильного алкогольного опьянения? — спросил милиционер и сам ухмыльнулся от, как ему казалось, удачной своей шутки. — Вы забирайте тело и прямо в морг без остановок.

— Мы тела по моргам не транспортируем, — ответил ему в тон пожилой фельдшер. — Если труп — будем вызывать экспертов и ждать перевозку.

— Так бомжика же!

— А у нас инструкций по бомжикам отдельных нет. Всё по людям. Посветил бы лучше да помог.

Фельдшер дотронулся рукой до боковой поверхности шеи.

— Жива! Пульс есть, но слабый. Не довезём. Как пить дать, не довезём. И, слушай, шеф, алкоголем от неё не пахнет. Черепно-мозговая однозначно, субдуральная гематома, и явно нарастает. Не довезём, помрёт. Давай носилки, — крикнул он шофёру, вкалывая пострадавшей обезболивающее. Имобилизовал сломанные конечности. Загрузил вместе с шофёром женщину в машину. Поставил систему.

— Так, может, вы её это... сразу в морг, раз всё равно не довезёте?

Фельдшер лишь улыбнулся сотруднику ДПС, покачал головой и влез в машину.

Несмотря на позднее время, на месте происшествия собралось всё же человек пять зевак. Стояли поодаль, разглядывая «Феррари» да и хозяйку диковинки, подкрашивающую губы в автомобиле. На то, что творилось возле пострадавшей, старались не смотреть. Что с неё взять — бомжика!

— Пьяная, наверно.

— Врачи определяют...

— И документов при ней нет... Много их тут ошивается в сквере, потом гадят в подъездах, — раздавались ленивые реплики.

— А мы вот домофон установили, — вклинился в разговор бойкий женский голос, — теперь ни один алкаш войти на лестницу не может. Раньше спасения не было, подъезд у нас крайний, так просто отхожее место какое-то устроили, — полная благообразная старушка в ажурном пуховом платке легко завладела вниманием окружающих. Она остановилась и катала перед собой взад и вперёд детскую коляску, прикрытую от снега полиэтиленовым чехлом. Но посудачить на любимую тему ей не удалось, ребёнок в коляске зашелся криком. — Тише, тише, не плачь, — защёлкала она пальцами над коляской. — Агу-агу... Проснулся мой маленький от этих сирен. Ну ладно, чего уж тут стоять, увозят уже... Пора Петечке домой, кашку кушать, — с сожалением сказала старушка и пошла своей дорогой. За ней разошлись и остальные.

С неприятным скрежетом задвинулась дверца скорой, закрутилась синяя мигалка патрульной машины, взревел мотор «Феррари», и через несколько минут на улице опять стало пустынно и тихо.

Почти во всех окнах пятиэтажек мирно горел свет, ветер стряхивал с крыш и гонял по

пустой улице клубы позёмки.

Единственным напоминанием о ДТП остались кроссовки, как будто нарочно аккуратно поставленные посреди дороги под фонарём.

Её день рождения. Хорошо, что она ушла — Александр собирался сделать жене сюрприз. Ещё утром на сэкономленные двести рублей он купил три плавленых сырка, три эклера, пачку чая, полкило сахарного песка и триста грамм соевых батончиков.

А для Жени маленького плюшевого медвежонка голубого цвета. Девочка занималась новой игрушкой и не мешала Саше готовиться к празднику.

Он вымыл тарелки и чашки, вскипятил воду, заварил чай, перенёс из кухни в большую комнату стол и табуретки. Расставил угощение на бумажной скатерти. Вот, всё готово! Можно и начинать...

Раздражение привычно зашевелилось, но Саша сдержался и не стал делать замечаний дочери, которая раскидала по ковру лоскутки.

Сказала, что скоро придёт, а самой до сих пор всё нет.

Когда стемнело, Саша начал беспокоиться. Пойти поискать, что ли?

— Женя, ты посиди... На столе ничего не трогай! Я пойду за мамой схожу.

Девочка всё заворачивала медвежонка в тряпочки и так была поглощена этим занятием, что даже не стала капризничать, что остаётся в квартире одна.

Саша накинул весенний плащ — в куртке ушла жена, а кроме этого надеть ему было нечего.

Он хорошенько закрыл дверь, повернул ключ в замке на два оборота — всё же Женька одна...

Во дворе у дома уже никто не гулял. Мамы и бабушки с детьми ушли, а для собачников было ещё рано.

И спросить-то не у кого. Саша бесцельно брёл вперёд, зябко ёжась на ветру. Не кричать же в самом деле! И куда она могла пойти в такой холод?

Странный предмет привлёк его внимание. Ботинки вроде. Прямо на дороге кто-то бросил, может, подобрать? Он наклонился, стряхнул снег... Кроссовки, крепкие ещё... Да ведь это... Это её обувь! Он отпрянул и всё смотрел, не решаясь дотронуться. Что-то огромное и страшное наваливалось вместе с осознанием беды.

— Долли! — услышал он у себя за спиной. — Ко мне! — Из-за поворота с радостным лаем выбежала собака, пронеслась по улице, вернулась, остановилась и принялась нюхать обувь.

— Фу, Долли! Брось!

Саша обернулся и увидел хозяина. Они иногда встречались в магазине.

— А-а-а... — протянул тот. — Прогуливаетесь? Погода что-то не праздничная. Не для влюбленных. Да еще бомжарка какая-то под машину попала у самого нашего дома, так и вышибло ее из ботинок, — кивнул он на кроссовки. — Говорят, через машину перелетела и головой об асфальт, только что увезли. Никто не опознал, нездешняя, наверное, по урнам бутылки искала в сквере. Сам-то я не видел, как оно было, с Долли гулял на пустыре. Эх, жизнь... Тоже вот был человек... Долли! Долли! Фюить-фюить, — засвистал он, — домой!

Собака подбежала, начала с визгом прыгать и ласкаться к хозяину. Мужчина с притворной строгостью схватил ее, принялся тормошить. — Ах ты, девчонка! Домой, домой! Мамочка ждёт.

— Папа! Где мамочка? — теребила Сашу за мокрый рукав плаща Женечка. — Я хочу ей Мишку показать. А когда чай будем пить? Я ничего не трогала. Есть хочу. Где мамочка?

— Мамочка... она... — Саша присел на корточки и притянул дочку к себе. — Мама уехала... далеко... на поезде.

Девочка несколько мгновений смотрела на отца широко открытыми ясными глазами. Такими же серебристо-серыми как у нее...

— Хочу с мамой! Ма-ма-а-а... Ма-моч-ка-а-а-а... — захлебываясь слезами, во весь голос закричала Женя.

— Тише, тише... не плачь. Сейчас чай пить будем... с пирожными, — прошептал Александр, уткнулся в русую макушку дочери и беззвучно зарыдал.

ЧАСТЬ 3 ПРИЕМНЫЙ ПОКОЙ

— Анатолий Сергеич, — вошла в ординаторскую молоденькая медсестра.

— Что-то срочное, Катя?

— Ну, как сказать... Скорая едет.

— Так ведь еще не приехала. Что еще? Как прибудет — так скажешь, договорились?

— Две скорые едут, обе тяжелые. По рации передали.

— А Михайличенко где?

— Спит, от него жена ушла, он в горе.

— Много выпил? С горя-то?

— Неработоспособен. — Она безнадежно развела руками, показывая, что в этой ситуации так же бессильна, как и врач высшей категории Анисимов Анатолий Сергеевич.

— Понятно. Курдюмов в отделении?

— Он ушел, с Михайличенко договорился, ему надо. В отделении спокойно и стабильно, вот он и слинял. Так что вы один, Анатолий Сергеевич.

— погоди, ты хочешь сказать, что я один, а поступают двое тяжелых?

— Да я не хочу, я уже сказала. Нам придется самим как-то.

— Пошли встречать. Вот дела-то, вроде и праздник тихий, день всех влюбленных. Чудной праздник. Говорят, амур с людьми играет, стрелы из лука запускает, как и Иванушка, который царевне-лягушке в рот попал.

— А я слыхала, что там какой-то запрет на браки был, а этот святой женил всех.

— Да и я читал, монах он был. Богоугодное дело делал... Сирену слышишь? Едут.

— Вы в Бога верите?

— Я? Да господь с тобой!

— А в приметы?

— В закон парных случаев верю. И я тебе докажу. Нас трое должно было на дежурстве быть. Один в отделении и два врача в приемном. А по факту двое выбыло.

Их разговор прервали две машины со светомузыкой, одновременно въехавшие во двор и подкатившие к самому крыльцу. Из обеих выскочило по фельдшеру, которые с практически одинаковым скрипом принялись раскрывать задние двери автомобилей, выкатывать пострадавших и ввозить их в «приемное отделение».

Катюша резво побежала в процедурный, а Анатолий забрал оба сигнальных листа и приступил к осмотру пациенток, переброшенных с одних носилок на другие. Не особо заморачиваясь, расписался, где надо, и отпустил обе бригады. Повезло Анатолию несказанно — перед Анатолием лежали две женщины, в старой, грязной, потрепанной одежде, с переломами конечностей, обе в коме и у обеих по симптоматике гематомы головного мозга. Но это еще не все — от одной из них жутко воняло.

Как назло, перчатки для осмотра не дали. А что, дефицит же! Врач человек привычный, он в какой-нибудь группе риска да состоит. Он и без перчаток справится. Дал распоряжение санитарке вымыть пациентку, а пока занялся той, что почище.

На бомжиху она тянула только бедностью, а так чистая, пусть и неухоженная женщина с очень красивыми руками. Анатолий обратил на ее кисти внимание машинально, когда еще повреждения оценивал. Рука сломана в нижней трети предплечья, но это ничего. Мозг важнее.

Вдвоем с Катериной свозили ее на рентген и срочно подняли в операционную.

Михайличенко разбудить не удалось.

Операция шла в обычном режиме. Катюша убедила анестезиолога не сообщать руководству о том, что оперировал хирург один, без ассистента. Помогала ему процедурная сестра из приемного. Но все обошлось, гематому Анатолий удалил, источник кровотечения нашел, купировал. Правда, кость на место ставить не стал, мало ли... Лучше потом провести повторное вмешательство и дефект искусственным материалом закрыть. Ушил рану и, отдав пациентку реаниматологам, спустился в приемный.

Устал, перенервничал. Жутко хотелось курить и кофе. Пусть мерзкий растворимый индийский из жестяной банки, но все лучше, чем ничего, еще и сахар закончился. Прошное дежурство ему Катерина банку Nescafe Classic принесла. Кайф да и только, но выпили его в тот же день. Больница как большая сплетница — слухи о банке и до зама по хирургии дошли. И тот явился с бумажным пакетиком, отсыпать. Анатолию ничего не оставалось, как презентовать шефу оставшиеся полбанки. Так что от Nescafe остались лишь воспоминания.

Но сейчас о кофе, как и о куреве, оставалось только мечтать. В приемном его ждала вторая пациентка.

Санитарка вручила бланк анализа Сито на алкоголь. Четыре и две десятые промилле в крови. Очень много. Надо думать что делать, на операционный стол брать не хотелось. Но тут у пациентки начались судороги.

Усталость самоустранилась, оставив на спине липкий пот. Судороги купировали, в операционную подняли, череп вскрыли, но поздно — сердце остановилось. Реанимационные мероприятия эффекта не дали.

Сил писать ход операции и посмертный эпикриз не было. Анатолий смотрел на чистые истории, где в графе «имя, отчество и фамилия» стояли прочерки. Он понимал, что от писанины уже никуда не денется, но начать заполнять истории никак не мог.

— Ну ты и козел, Толик! — услышал он голос Михайличенко. — Это же надо — пациентку угробил. А кому отвечать? Мне отвечать.

— А ты на пятиминутке на меня все вали, объясни коллективу, что спал без задних ног, приняв на грудь исключительно в успокоительных целях, в связи с чем на операциях не присутствовал. И почему Курдюмова отпустил, тоже расскажи.

— Толь, не злись. Я этих баб, знаешь, как ненавижу.

— А я не за баб на тебя злюсь, а за подставу. Может, был бы ты трезв, вытащили бы мы обеих.

— Все равно бомжихи, так и так помрут, не под машиной, так замерзнут или отравятся суррогатом каким. Жалеть некого.

— Одна трезвая.

— Так она и живая. Все, не парься. Мир на одну алкогольчку чище стал. Сколько лет ей?

— Не знаю, обе без документов, но до тридцати. Та, что в реанимации, рожала.

— Гинеколога приглашал? Успел когда? — Михайличенко заржал.

— Нет, я по растяжкам на животе определил. Одна беременность была.

— И где-то есть ребенок... Жаль. А может, нету, как и документов. Не сдавай меня начальству, Анисимов. Я тебе еще пригожусь. Хочешь, истории заполню?

— Сам справлюсь. Как ты заполнишь, если все проспал?

— А что, я не знаю, что писать надо? Ты продиктуешь, я напишу, так, глядишь,

половину работы сделал.

— Не сдам, уговорил, но за тобой должок.

— Да без проблем. Договорились.

Анатолий все же пересилил себя и заполнил обе истории и посмертный эпикриз написал. Снова спустился в приемное отделение и попросил передать прозекторам документы вместе с телом. Санитарка Баба Нина обещала выполнить его распоряжение, а потом вспомнила, что когда складывала в мешок то, что осталось от одежды этих женщин, чтобы на помойку отнести, обнаружила паспорт одной из них. Теперь не знает, что делать.

Анатолий взял паспорт с затертой фотографией, покрутил в руках, хотел отдать бабе Нине, чтобы вместе с трупом отправить в прозектуру, а потом подумал и положил его в карман халата. Санитарка же, соблюдая субординацию, не стала задавать лишних вопросов. Не тот человек доктор Анисимов, чтобы к нему с расспросами лезть. Ответит так, что потом долго себя виноватой чувствовать будешь. Она все сделала правильно, о наличии паспорта врача оповестила, а дальше его забота, как этим паспортом распорядиться. Может быть, он родственникам позвонит или милиции его отдаст. К тому же непонятно, кому из пострадавших принадлежит документ. На неясную фотографию ни одна, ни другая в данный момент не походили.

ЧАСТЬ 4 ОПОЗНАНИЕ

Александр успокоил и уложил спать дочь, тихо вышел на кухню. Почему-то обратил внимание, что стало просторно — стол он обратно не внес, табуретки тоже. На кухне теперь торчал у окна холодильник, а у двери старый пенал. Остальное типовое «хрущевское»: газовая колонка, раковина и плита. Все.

У стены, на том месте, где стол стоял, собрались сор и пыль, не подметалось дня три, в раковине пусто — посуду он вымыл, а вот на плите стоит кастрюля с присохшими к стенкам макаронами. Сквозь застиранный тюль было видно дом напротив, уже и окна почти все погасли, вон, на третьем только одно и на первом два светятся.

Ночь.

Мысль соскальзывала в сторону от страшного. А нельзя бездействовать, надо идти искать Ольгу, узнавать про ДТП. И снова в сторону — обои бы переклеить, что-то у раковины придумать со стеной, линолеум в коридоре и на кухне перестелить. Да лучше бы во всей квартире ремонт. Потолки подправить, трещинами пошли. А в комнате обои Женя изрисовала. В последний раз, как застал ее за этим, наказал, ударил. Александр закрыл лицо ладонями, не хотел он видеть окно с нищенской шторой, кухню эту и окна напротив. И вспоминать ничего не хотел! Сесть не на что, табуретки в комнате, а ноги не держат, ну не на пол же, пылища...

Почему они с Ольгой дошли до этого? Как случилось и что делать? Извечные идиотские вопросы русской интеллигенции.

Что делать, что делать... Искать ее, вот что! Мало ли кто там под машину попал.

Может, она бродить пошла. Тоже не захотела на все это убожество смотреть. В день рождения... Александр вспомнил, как Ольга окаменела, когда увидела их квартиру в первый раз. На сохранении лежала, а он, чтобы расплатиться с долгами, судорожно менялся. Длинная цепочка участников обмена была, это он умел. Александр много чего умел, институт закончил, работал как все, зарплату получал. Но хотелось большего, а вышло вон что. Из роддома он сразу в эту хрущевку жену с ребенком и привез. Она встала посреди комнаты, малыша к груди прижала и молчит. Прежняя их квартира просторная была, потолки высокие, идеальный ремонт, мебель, сантехника, паркет. И все прахом пошло, рассыпалось вслед за бизнесом Александра. А дальше долги, долги, братки, и вот конечная станция. Кирпичная четырехэтажка на выселках. Это вместо центра на Петроградской стороне. Продал он Ольгину квартиру, а что оставалось? Иначе с долгами бы не расплатился. И то еще можно было бы, наверно, подняться, если бы не Женя, в самый неподходящий момент надумала Оля рожать. Повременила бы — он смог бы, нашел способ, выкрутился. А она ни в какую на аборт не согласилась. Александр и уговаривал, и умолял, и кричал. Нет, родила. Вот тут он узнал, что такое настоящий трындец. Чего только не приходилось делать. Сначала пытались экономить, завели книгу расходов и доходов. Но сколько ни пиши — зарплаты хватало на десять дней, как остальные двадцать жить? Александр искал подработки, разгружал по ночам вагоны, разносил товары в электричках, стоял за книжным лотком, даже бутылки на стадионах собирал. Вот до воровства не дошел, так и не смог, один раз попытался в универсаме вынести пачку пельменей, охранник на выходе тормознул, глянул документы, пожалел, отпустил. Александр запомнил этот жгучий стыд и обиду, что

докатился...

О чем он думает? О чем... Надо пойти до телефонной будки, попытаться узнать что-нибудь о ДТП. Если назвать адрес, то ответят, наверно, куда отвезли пострадавшую. Может, и обойдется еще, может, не Ольга...

И снова закрыл входную дверь, ключ на два оборота, быстро вышел из подъезда в промозглую сырость февральской ночи. До ближайшей будки на углу прямо за их домом было шагов триста. Зачем-то считал их. Чтобы не думать о последней ссоре с Ольгой. Ведь помириться хотел, прощения просить за злые слова про Женечку. Любил их обеих! Ольга красавица была, когда Александр с ней познакомился, а Женя на нее похожа. Только худышка такая, светится вся, бледная, на лице одни глаза остались. И это он виноват! Должен был предвидеть, защитить Ольгу. Да лучше бы сам, чем вот так...

Ноль-два бесплатно. Гудки, деловитый голос диспетчера, несурзные пояснения Александра. И никаких данных об этом ДТП в базе, как будто и не было его. Мысли вернуться, ждать до утра, и противный голосок предчувствия, что все плохо и очень плохо.

Ноль-три — скорая помощь, здесь толку вышло больше, и после нескольких переключений коммутатора Александру ответили, по какому адресу увезли пострадавшую в аварии на углу Комендантской и Широкой у дома номер тридцать два. В этот час в городскую больницу скорой помощи на улице Костюшко доехать можно было на такси. Но денег у Александра не было, и он пошел пешком.

* * *

За долгую службу свою в больнице навидалась баба Нина всякого, а душой не очерствела. Вот для успокоения этой самой души, что болела и ныла от страданий за других, от стремления помочь им, случалось заглядывала она и в бутылочку. Потому и оставалась баба Нина все там же, в самом низу карьерной лестницы. И не пыталась даже что-то изменить. Все ее устраивало. Без малого пятьдесят лет, переходя из одной больницы в другую, она все стелила да перестилала, подмывала, выносила утки и судна, переворачивала, уговаривала, выслушивала. И на все это ей хватало и выносливости, и доброты.

В ту ночь, когда божих привезли, она и капли в рот не брала, а потому запомнила все как было, яснее ясного. Сергеич один пытался обеих пациенток вытащить и не смог, винить его одного станут, а помогал ему кто? Да никто — вот только Катя да она сама, баба Нина, хоть и не положено это. А куда денешься, если рук не хватает. Был бы второй врач в смене, а так...

Потом все по порядку пошло, как Михайличенко проспался, только одна болезная не дождалась, померла. Может, и к лучшему — лечение лечением, а Бог знает, кому жизнь сохранить, а кого уж и призвать. Женщина сильно переломана была, и шрам этот еще от недавней операции, багровый, от пупка до лона. Перитонит, что ли? Баба Нина, еще когда мыла ее, заметила шрам, и вид был у женщины такой, что ясно — не жилица она. Лицо аж серое. Повздохала баба Нина горестно, перекрестилась. Жизнь не кончилась. Живое — живым. Мертвых — земле. Помянуть бы...

А ведь и объявился у одной из женщин родственник! Когда Сергеич после операций спать пошел, человек этот и появился, часа в три ночи, может, в четыре. Она и сама уже носом клевала, на топчан прилегла в коридоре. Так тихо было, чудно — никого не везли больше. И так же тихо вошел этот. Не то парень, не то мужик — не рассмотрела она, испугалась. Чисто привидение! Вошел и стоит, а сам белый, как полотно. Она решила, что пострадавший сам пришел, бывает и такое. С топчана соскочила, подбежала, стала расспрашивать, он молчит. Губы посинели. Откуда же знать, может, и приступ сердечный — и у молодых бывает. Она не врач разбирать. Усадила парня в смотровой, сама в ординаторскую, вернулась вместе с Михайличенко.

Но, оказалось, не больной это, а узнать человек пришел насчет женщин, что ночью привезли, одна из них вроде родня ему. Легко сказать «узнать». Та, что в реанимации, к ней точно не пустят, другую в морг еще не увезли — Катька не успела. Устала девка, вымыла все в процедурной, прибралась, чаю Анисимову отнесла и уснула на каталке. А баба Нина ее будить не стала, труп он и есть труп, никуда не денется. Решила, что ближе к утру в морг его отправят. Там бы прибрали, как положено, — тогда и смотреть можно.

Если сейчас, то по вещам только, а они порезаны все, по вещам ничего он не узнает. Михайличенко, которого зря сдернули, начал ругаться, бабе Нине тыкать, что надо в разные пакеты вещи совать. Виноватую нашел сразу, ему лишь бы на других спихнуть! А сам больше виноват, грех на нем — подставил Анисимова, спать завалился пьяный. Но опять не ее это дело, промеж собой врачи разберутся, не первый день вместе работают. Анатолий Сергеевич — святая душа, безотказный. На нем и ездят, кому не лень, теперь еще неприятности светят. А Михайличенко — ничего, не он оперировал. И жалости к людям никакой.

Родственнику так напрямик и сказал о той, что выжила:

— При такой травме выход был бы ей умереть, теперь будет в лучшем случае без памяти и речи ползать, а скорее, что овощем лежать, под себя срать. Родным не позавидуешь. Идемте, я покажу, что от первой осталось. Что здесь тряпье перебирать? Смотрите на тело, все равно же потом на опознание придется в морг идти. А так все сразу решим.

И пошли они к туалету, где у самой стенки на металлической каталке лежало под заляпанной кровью простыней тело.

Врач сухо произнес:

— Ну что, готов? Открываю? — И отвел простыню с головы и шеи.

Не зря баба Нина за ними пошла — парень глянул и обмер, узнал, видно. Как стоял, так и упал, подхватить не успели, хорошо сам не переломался.

Михайличенко хуже ругаться начал:

— Нашатырь тащи! Сейчас наблюдает еще, убирать за ним. В смотровую обратно поведем.

И как земля держит злыдня такого?! У человека горе, а он! Парня откачали, подняли, в смотровую отвели. Значит, его жена померла. Бедный, бедный...

* * *

Александр как из тумана выплыл. В нос шибанул едкий запах нашатыря. Увиденное казалось чем-то... Нет, не сном оно было — явью. То, страшное под простыней... потом мертвое лицо...

Дальше провал, голова закружилась и все, темно.

А сейчас он опять в приемном покое почему-то лежит. Доктор тот сердитый за столом все пишет, пишет.

— Очнулся? Молодец! Что за мужики пошли, трупов пугаются! Не кусаются они. Ты разглядел ее? Или еще раз посмотреть будешь? Твоя жена?

Еще раз посмотреть в ее лицо? Духу не хватит.

— Да это она. — Александр как застыл. Умерла... Как же это? Ушла и нет ее больше. Сказала «скоро вернусь»... Умерла... Почему он не плачет? Ольга умерла...

А страшное не исчезает, так и лезет в душу. То, что он видел, на самом деле ведь и не человек уже, а тело. Несуразно, не к месту вспомнил он вдруг свою собаку, еще в Твери было, где он учился. Жили тогда с матерью. Мысли путаются, мешаются. Мама не знает ничего, думает, все у него хорошо. Что устроился в Питере, живет. А собака почему? А... тело, вот почему. Собака умерла и лежала около будки, растянувшись на земле, как уснула, но когда он подошел и стал поднимать — там живого не было ничего. Душа, что ли, ушла. Закопал он Динку в лесу, только уже и не Динка это была. Шкура, кости, мясо и запах от него пошел гнилой, а живое куда делось, то что было в ней, когда она прыгала, лаяла, смотрела? Тогда в глазах ее было живое. Александр гладил Динку и чувствовал жизнь. Когда же прикоснулся к ней мертвой — ничего не почувствовал. Ушла... А с человеком так же?

Неприятный голос врача выдернул его из оцепенения.

— Все, я все заполнил. Вот вам телефон морга, узнаете, когда вскрытие, а потом забирайте и хороните.

Тут Александр и подумал об этом ясно. Зачем забирать? Жизни там нет, а похоронить стоит дорого. Где взять деньги?

Он с трудом сел на топчане, в голове шумело, язык не ворочался. И главной мыслью было — как домой возвращаться? Сил нет и денег нет. Денег нет, денег нет... Только это сейчас и важно. Где взять? Вдруг молнией мысль — Женечка! Одна в квартире. А он тут.

— Мне идти надо, ребенок дома остался.

— Подпишите и идите, — буркнул врач. — Все остальные вопросы к патологоанатому.

— А если не забирать? Мне хоронить не на что.

— А это уже ваши проблемы. Пишите отказ, что согласны на использование трупа в учебных целях.

— В учебных целях? То есть...

Но договорить Александр не успел, в коридоре загремели, затопали, в смотровую ввели человека, всего в крови. Мужчина с перебинтованной головой стонал и правой рукой прижимал к себе левую, перевязанную и окровавленную. Усадили его на топчан, сделали укол. А мужчина поднял голову, уставился на Александра и как закричит:

— Сашка Мина, ты, что ли?

— Игорь? — Александр не мог поверить! Перед ним был Игорь Симагин — его лучший друг и сокурсник по академии воздушно-космической обороны.

— Ну ты ж смотри, где встретились, — искренне обрадовался Игорь. — А меня подстрелили, гады... Ну, потом я расскажу... Больно, сука! Доктор, давай лечи уже! А ты, Саш, подожди, не уходи!

Михайличенко с Катей повели Игоря в процедурный кабинет, санитарка вздохнула им вслед и потянула Александра за руку:

— Идем, милый, в коридор, тут ждать нельзя, идем-идем, я тебя чаем напою. Согреешься, а то как по морозу пойдешь?

Пятиминутка прошла в обычном режиме, а после начался рабочий день. Анисимов сделал обход в палатах, потом перевязки, и засел за истории. Плановых операций сегодня не было.

Михайличенко и Курдюмов тоже писали, каждый за своим столом.

— Толь, спасибо, что не сдал. Ты прости, что так получилось. Ну очень надо было, судьба решалась. Если бы я знал, что эта скотина напьется, я б не ушел. — Курдюмов выглядел виноватым.

— Решилась судьба? — не поднимая глаз от писанины, спросил Анисимов.

— Решилась.

— Вот и у нее решилась, а тетке тридцати, похоже, не было.

— Да брось ты. Вон муж пришел, согласен был на опыты тело сдать, денег у него, видите ли, нет. Хоронить не на что, — вступил в разговор Михайличенко. — Может, для нее это выход, чем с таким козлом в нищете прозябать. Может, потому она и под машину бросилась? Жить ей в тягость было. Надоело все. А так напилась — и конец. Это отчаяние. Толик, а от него нет спасения. И никакая операция ей не помогла бы.

Анисимов стукнул рукой по столу.

— Оправдываешься?! Да? Свое отсутствие ее отчаянием прикрываешь?

— Не злись ты, мне тоже сейчас хреново, и рука друга требуется, а ты обвиняешь. Ну виноват, так кто ж знал... Все, хватит мне нотации читать, сам не без греха. И тебя жена бросила, так чем ты лучше? Ты пережил уже, а я в процессе. У тебя зажило, а у меня болит. И не тебе судить меня, Толик. Не тебе!

— Да я не сужу...

Разговор прервался. Из прозектуры позвонили по внутреннему телефону. Анисимов поднялся из-за стола и отправился в морг на вскрытие.

В приемном покое столкнулся с Катей. Удивился, ей бы уже давно следовало быть дома. Дежурит она сутками. В восемь смену сдает, ну пусть задерживается немного, то да се, языком зацепилась, но в девять уже и след простыть должен. А тут время к обеду.

— Ты что, у нас в больнице поселиться решила? — спросил ласково, улыбнулся.

— Нет, Анатолий Сергеевич, я до четырех, а потом домой.

— Подменяешь кого?

— Людмилу. В школу ее вызвали, вот попросила. А вы на вскрытие?

— Угу.

— Я б тоже хотела, интересно же. Вы сделали все, что могли, даже больше...

— Результат деятельности врача, моя дорогая девочка, определяется не количеством проводимых манипуляций, а выздоровевшими пациентами. Сечешь?

— Секу! Только я все вижу и понимаю. А еще работаю с разными хирургами. Потому умею сравнивать. Вот взять Михайличенко, он же сухарь, ему на человека плевать.

— Не скажи. У него период сложный...

— Жена ушла, — с сарказмом проговорила Катя.

— Ушла. И сына забрала, сына — понимаешь?

— Ну это ж не повод пить.

— Может, и не повод. Не стоит судить людей, сам порой не знаешь, что сделаешь в

следующий момент.

— Вам ее жалко?

— Кого? Жену Михайличенко? Я ее не знаю, видел пару раз.

— Да нет, умершую эту. Вчера муж ее приходил. Странный немного, бледный такой.

Нестарый вроде.

— Так она сама молодая, чтоб мужу старым быть. И опять ты судишь, Катя!

Он рассмеялся.

— Можно мне с вами на вскрытие?

— А тут кто? Нет, занимайся делом, каждый должен выполнять свои обязанности.

— К той, другой, вы заходили?

— В реанимации? Был, конечно. Она стабильно тяжелая, в сознание не приходила. Но на раздражители реагирует.

— Помочь бы. Я ж, как вы, врачом стать хотела, в медучилище пошла после восьмого класса. А тут напасть эта — развал Союза. Надо работать, а институт подождет, или не подождет. Или так в медсестрах и останусь.

— Все будет хорошо, Катя. Вот увидишь.

Он подмигнул ей и пошел.

Удивился, увидев в секционном зале Михайличенко. Но ничего не сказал. Имеет право коллега присутствовать на вскрытии. Исследование черепа и мозга ничего нового не показали. Источник кровотечения он во время операции не нашел, то есть не успел найти, во всех желудочках мозга была кровь. Но умерла она от тромбоэмболии легочной артерии.

Михайличенко похлопал Анатолия по плечу и вышел из зала, да и Анисимов покинул морг вслед за ним. Остальное его не интересовало.

Закончив с историями болезней, поднялся в реанимацию. Состояние женщины не изменилось.

Анатолий взял стул, придвинул к металлической кровати, на которой лежала неизвестная, и сел рядом. Если бы он располагал информацией как ее зовут, можно было бы обращаться к ней по имени и говорить. Очень важно и нужно говорить — может, пациент слышит. Как знать...

Для каждого человека самое приятное — это его имя. В паспорте, что отдала ему баба Нина, значилось имя Маргарита. Еще вчера он сомневался в том, что паспорт принадлежит именно этой женщине, а сегодня уже нет. Ведь ту опознал муж, и патолог что-то говорил о выдаче тела.

Аппарат искусственного дыхания шлепал и вздыхал с характерным звуком. Гармошка в стеклянной колбе сжималась и разжималась, заставляя легкие наполняться кислородом, неся жизнь органам и тканям.

Анатолий взял ее руку и сравнил ее ногти со своими. Если у пациентки они более синие, то дело плохо. У молодой женщины ногти синими не были.

Он сжал легонько ее ладонь, потом погладил.

— Рита, вы меня слышите? Я ваш врач, Анатолий Сергеевич Анисимов. Рита, вы не представляете, как мне важно увидеть ваши глаза. Я еще вчера обратил внимание на ваши руки. Вы не похожи на человека, занимающегося физическим трудом. У вас очень красивые руки. Рита, я мог бы пригласить к вам ваших родственников, друзей. У такой интересной женщины обязательно должны быть друзья. Рита, помогите мне. Давайте вместе найдем их.

Опять подумал, что успех в борьбе за жизнь больного зависит от трех вещей:

современного оборудования, наличия медикаментов и квалифицированного коллектива врачей, сестер, младшего персонала. А что есть у них? Минимум всего, вот поэтому Рита — а он был уже просто уверен, что женщину зовут Рита, — должна помочь сама себе и ему. Потому что она должна жить и выздороветь.

Ответной реакции не последовало. Ну что ж, рано, пожалуй, рано. Мозг травмирован и закрыт. Спряталось сознание, боясь выйти наружу, боясь боли физической и моральной. Вот так он думал про свою пациентку. Ничего, он придет к ней завтра, а сегодня она в надежных руках. Переговорил с врачом реаниматологом, сверил назначения, попросил медсестру не забывать приглядывать за его пациенткой и вернулся в отделение. Еще раз заглянул в палаты, которые вел, и собрался домой. Рабочий день закончен.

Молока купить не удалось, сахара тоже. А дома... Что есть дома? Анатолий рассмеялся сам себе. Дома есть килька в томате, целый ящик. Это ему Михайличенко удружил. Больной у него выписался, завскладом, вот и презентовал всем врачам отделения возможность купить по коробке кильки и два ящика кофе индийского в коричневых жестяных банках. А что, еда не портящаяся и очень нужная, как, например, сегодня. Когда о готовке не может быть и речи, да и других продуктов тоже не имеется.

Ел перед телевизором, слушая новости. Потом решил посмотреть фильм, но до его начала пошел покурить на балкон. «Астра» его не вдохновила, потому взял «Беломор».

Папиросы тоже подарок бывшего пациента. Целый блок.

Фильм он не запомнил, уснул с самого начала и проснулся от сладострастных стонов. По телевидению показывали порно.

ЧАСТЬ 6 САША В БОЛЬНИЦЕ

Александр открыл глаза. Не беспомощность владело им, нет — он спал. Сознание путалось, мысли ворочались вяло, слабость мешала подняться. Снотворным его накачали, что ли? Палата странная. Послеоперационная? Почему он тут один? В приемном покое народа было не протолкнуться, последнее, что он помнил — это препирательства врача и санитарки, а потом провал. А Женя одна дома! Сколько он тут? При попытке подняться зашелся кашлем и тогда только понял, что лежит под капельницей. Неприятная испарина покрывала все тело. Даже лежа Саша ощущал дикую слабость, и неумолимо клонило обратно в сон. Как бы позвать кого-нибудь? Должны тут быть люди. Как будто в ответ на эти мысли, открылась дверь, вошла сестра, следом, наверно, врач. Его Александр не помнил — там, в приемном покое, с ним другой разговаривал, высокий и злой, а этот низенький и улыбочивый, в очках, лысый.

— Ну вот, Сергей Николаевич, нам наконец удалось сбить температуру.

— После смены антибиотиков? Вы ему теперь лонгацеф вводите?

— Сегодня с утра ввели повторно, через двенадцать часов после первого вливания, и результат налицо.

— А под расписку я могу домой? — Александр из всего сказанного понял: валяется он тут больше суток. — Мне срочно надо! У меня там дочка маленькая одна дома осталась. Я все равно уйду, даже если нельзя!

— Успокойтесь, молодой человек, — лысый добряк вдруг превратился в неумолимого врача, — о доме не может быть и речи. Это вам еще повезло, что вовремя обратились — с пневмонией, знаете ли, шутки плохи. А вы запустили заболевание, довели себя до выраженной дыхательной недостаточности. Дочери вашей, я полагаю, живой папа нужен.

Сестра укоризненно зыркнула на лысого, замотала головой. Доктор замолчал, вздохнул, потер затылок, присел на стул рядом с кроватью. — Извините, но лечиться вам придется.

Дальше молчание, наполненное осознанием всего ужаса случившегося. Ольга умерла... Александр обратился к сестре:

— Уберите пожалуйста это, — свободной рукой он показал на капельницу, — и одежду мою верните. Я не могу тут, мне домой надо.

— Вы будете тут лежать! Сколько надо! Сколько я скажу! Безобразие какое, вчера приятель ваш командовал, сегодня вы! Но он хоть лекарство принес то, что нужно.

— Какой приятель?

— Сослуживец, или кто он там. Вы тратите мое время, молодой человек, время профессора Боярчикова. Помолчите, сядьте, я вас послушаю, — и вставил в уши фонендоскоп. — Рубашку снимите...

— Вы не понимаете, у меня дома осталась пятилетняя девочка. Одна!

Александр хотел оттолкнуть профессора и встать, но сил не достало. Боярчиков же всерьез возмутился:

— Что же это такое! К кровати вас привязывать, что ли, как буйного, вы этого хотите?!

— Вы не волнуйтесь так, — вмешалась в осмотр сестра, — с девочкой вашей все в порядке. Звонил этот... Игорь, кажется, и сказал, что он сейчас у вас, присматривает за ней, в воскресенье привезет сюда, повидаетесь. Давайте я вам помогу, — она отсоединила капельницу, оставив на руке Александра внутривенный катетер, помогла сестре и стянуть

рубашку, — вся мокрая, менять надо.

Профессор мрачнел по мере того, как выслушивал Александра. Завершив процедуру, безапелляционно заявил:

— Строгий постельный режим, назначения оставляем. Вторую подушку ему дайте, удобней будет. И ведите себя хорошо, молодой человек, вы все-таки в больнице. А то в общую палату переведем, если вам в люксе не нравится. — Он снова принял свой добродушный вид и заулыбался. — Я сегодня дежурю и зайду к вам вечером. А сейчас отдыхайте. Пospите — сон лучшее лекарство, — под занавес изрек он прописную истину, встал и деловито шагнул к двери. Сестра задержалась, чтобы помочь Александру одеться. Сменная рубашка лежала в шкафу. Только теперь Александр заметил, что палата обставлена как комната. Кроме шкафа, еще стол, стулья, холодильник и телевизор.

— Вот кнопка вызова, — показала сестра выключатель на стене, — я еще зайду. Сейчас ложитесь, докапаем, потом на физиотерапию сходим, залеживаться тоже нельзя.

Александр перестал сопротивляться, он смертельно хотел спать. Сестра поставила снова капельницу, поправила подушку, принесла вторую. В полусидячем положении дышать стало легче.

— Почему я здесь? — спросил Александр

— А это друг ваш устроил все, мест на отделении не было, даже в коридоре, так он в платную, сиделку хотел, но вам не надо, потихоньку сами все можете. Отдыхайте и не волнуйтесь.

Она явно старалась не коснуться болезненной темы смерти Ольги, но Александр спросил сам:

— Я должен похоронами заняться. Позвонить отсюда можно в... — он замялся, понимая, что не знает куда звонить, что делать. Не приходилось ему по жизни сталкиваться с этим.

— Не надо вам никуда звонить, — сестра отвела глаза, — ее увезли уже, сразу после вскрытия.

— Куда увезли? — Александр так устал, что даже не удивился своей реакции — он оставался равнодушен. Не было ни слез, ни отчаяния. Как ни странно, скорее — облегчение. Словно освободился от непосильной ноши. После того, что вчера увидел, он не мог уже воспринимать Ольгу по-прежнему, живого не было, а только то страшное нечто без души. Он не хотел вспоминать...

— Друг ваш сказал, что всем займется сам.

Проснулся снова от того, что кто-то тормозит его. Не сразу связал странные обрывочные сновидения, которых не мог вспомнить, и реальность. Его тянула за руку Женя

— Папа! Папочка!

— Женя!

— Эх, разбудили мы папу твоего, — услышал он. Оказывается, в палате был и Игорь. — Прости, Саша. Вот, я привез ее, а то все плачет дома.

— Мама уехала, тебя нет! Я дядю Игоря прошу-прошу, он и привез. Смотри, вот и Мишк со мной приехал, — она показала медвежонка, повела его по одеялу. — Топ-топ-топ. Он тоже по тебе скучал. Пап, ты домой скоро?

Александр встретился с Игорем взглядом, тот кивнул, молча подтверждая, что девочка ничего не знает.

— Скоро, Женечка, я тоже скучал, — тихо ответил он дочери и перехватил маленькую ручку. Женя оставила медвежонка и вскарабкалась на кровать, чтобы обнять Александра.

— Мы ненадолго к тебе, — сказал Игорь, — бабушку едем встречать.

— Что?!

— Я Татьяне Петровне сообщил, ты уж извини, но девочка не может одна, да и потом, после выписки, как ты справишься? Ольга же не скоро приедет...

— Не скоро...

— Ну вот я и подумал, что надо маму твою вызывать, других вариантов родина не предлагает.

Это была любимая поговорка Игоря. Александр слабо улыбнулся. Он устал от разговора, как будто мешки с солью разгружал.

— Спасибо, Игорь. — Вот тут вдруг неожиданно подступили слезы. Не от горя по погибшей жене, а от мысли, что кто-то нашелся, чтобы помочь. А может, просто от болезни, слабости. Спас приступ кашля,

— Может, сестру позвать? — забеспокоился Игорь.

— Нет, не надо... это пройдет...

— Ну, пошли, Женя, мы же на минутку заехали. — Игорь приподнял девочку, осторожно снял с кровати, поставил на пол. — Пошли, пошли, папа тут полечится и домой вернется.

— Не хочу, я тут останусь!

— Тут нельзя, Женечка, доктор не разрешает, ты иди с дядей Игорем.

— Тогда пусть Миша останется. У меня дома еще есть игрушки новые! Я тебе покажу! Там кукла и заяц.

Только тут Александр обратил внимание на нарядное теплое платье и кофточку Жени, на новые сапожки.

— Спасибо, Игорь, — только и мог сказать он, — спасибо...

ЧАСТЬ 7 НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Анисимов решительно вошел в процедурный кабинет.

— Катя, нужно поговорить.

Она растерялась и смутилась. Впрочем, она всегда смущалась при виде его. Спросила испуганно:

— Что случилось, Анатолий Сергеевич?

— Даже не знаю, как и сказать. Помощь мне твоя нужна.

— Все, что угодно...

— Так уж и все? — усмехнулся он. — Ведь не знаешь, что попрошу.

— В разумных пределах, конечно, но вы здравый человек, а потому я в вас не сомневаюсь. Говорите, что надо сделать?

— Помнишь ту ночь, когда у меня пациентка умерла? Они безымянные обе поступили, а потом мне баба Нина паспорт отдала.

— Про паспорт не помню, а ночь очень даже хорошо. Так вторую поступившую, ну ту, что умерла, муж опознал. Ее похоронили уже. Давайте, я бабу Нину позову, или пойдем к ней. Она в подсобке, пациентов нет пока, тихо, заодно чай с пирожками попьете. Я сама пирожки пекла, с картошкой и с грибами.

— Пирожки-то хорошо... — думая о своем, сказал он. — А пошли, если баба Нина нам всю правду расскажет, то я от пирожков не откажусь. Как ты все успеваешь, Катюша? Вот жена кому-то достанется, даже завидую.

— Думаете, у меня парня нет? — она спросила с вызовом, Анисимов даже удивился ее вопросу.

— Я вообще на эту тему не думаю. Надеюсь, парень у тебя хороший. Но если тебя обидит, пусть на себя пеняет — свою сотрудницу в обиду не дам, — пошутил Анатолий.

Они дошли до подсобки, где хранили чистые пеленки, белье и перевязочный материал, здесь же отдыхали медсестры и санитарки.

Баба Нина встретила, захлопотала, усадила Анатолия за стол, налила чай, пододвинула миску с пирожками. Он съел один, с удовольствием взяв второй.

— Спасибо! Вкусно до невозможности. Я что зашел, баба Нина, про паспорт ночной пациентки, что вы мне тогда отдали, вспомните подробно.

— Паспорт? Помню. Я вещи перебирала, думала, может, постирать что, ну если целое, а тут он в куртке под подкладкой, я достала. Потертый, а все документ. Вот и отдала.

— В чьей куртке он был? В чистой или вонючей? — уточнил Анисимов.

— А мне почем знать, к тому моменту все тряпье воняло, в одной куче лежало. Не помню я. А что случилось? Говорили, что женщина в себя пришла.

— В себя-то пришла, но паспорт не ее.

— Анатолий Сергеевич! — обе женщины произнесли это одновременно, всплеснув руками.

— Отек на лице спал, пусть гематомы еще не сошли, цветут, но видно, что лицо на фотографии в паспорте другое. Что делать — не знаю. Говорят, муж приходил?

— Был. Сам-то еле на ногах держался! И кашлял так хорошо, как туберкулезник.

Денег, говорил, нету и про дочку. Что одна дома, все повторял, как будто бредил. Не в себе. А каким ему быть, горемычному, при такой жене! Пропила, наверняка, все и по миру их пустила. Мне его так жалко стало, чай принесла, напоила горячим. А потом тот бандит его увел.

— Какой бандит? И «горемычный» ваш точно жену опознал?

— Точней не бывает. Плакал, вот те крест, — баба Нина демонстративно перекрестилась. — А вы сами-то с милицией не говорили?

— Говорил, дал показания, но я же был уверен, что паспорт той, что в реанимации. А на деле?

— А никто не знает, чей это паспорт, и принадлежит ли он этим женщинам вообще, — вставила свои три копейки Катя. — Его могла обронить та, помните, на которую стекло из книжной полки упало, вы ей лоб зашивали. Или тот мужчина, который пальто снять отказался, ну с работы шел и поскользнулся.

— С чего бы мужчине ронять женский паспорт? Катя, они все должны быть записаны в журнале регистрации. Давай смотреть.

Катя сбегала за журналом. Мужчина с отказом от госпитализации там значился, женщина, на которую стекло упало, тоже, две безымянные были. И все.

— Баба Нина, Катюша, где данные по бандиту? И почему вы решили, что он личность криминальная?

— С пулевым ранением? Я сама ему плечо простреленное обрабатывала. А Михайличенко голову зашивал, там ничего такого, но кровящи. Только кожа лопнула в теменной области справа. И он ушел, еще мужа покойницы с собой увел.

— Запись где?

На свой вопрос ответа Анисимов не получил.

— Дело ясное, что дело темное. Сколько вам дал Михайличенко, отвечать будете?

— Ты, Сергеич, не шуми почем зря. Время не то, чтобы от денег отказываться. А выбор у нас небольшой, мы могли взять с Катей и еду купить или не взять, тогда Михайличенко на эту сумму был бы богаче, а записи в журнале как не было, так и не появилась бы. Взрослый мальчик, понимать должен.

— Понимаю и не скажу никому. Только вот делать что? Не в милицию же паспорт нести.

— Не дай бог в милицию, — запричитала Катя, — вы сами после милиции людей оперируете. Знаете, что они там творят. А тут вас обвинят, не иначе. Я вот что думаю. Надо по прописке сходить и разузнать, вот и выясним, чей паспорт. А если повезет, хозяйке отдадим. Тоже доброе дело. Может, сходим после работы, Анатолий Сергеевич?

— Хорошо, Катюш. Хоть и говорят «послушай женщину и сделай наоборот», но думаю, что в данном случае ты права. Прогуляемся.

Анисимов зашел за Катей, как и обещал, и они вместе поехали на автобусе по Ленинскому Проспекту, до метро Московская, затем уже на метро до Невского Проспекта, от Дома Книги снова на автобусе до Исаакиевской площади, а там уж пешком по Вознесенскому проспекту, пока не свернули в Переулок Пирогова.

По дороге Катя рассказывала, как врачом стать хотела, как училась в училище, а тут время такое, что, видимо, не судьба в институт поступать. Как нравится ей работа. Анатолий слушал, не перебивал.

Почти пришли. Оставалось отыскать дома квартиру. Это труда не составило, подъезд был всего один. Сквозной. Вторая дверь вела во двор, окруженный со всех сторон стенами соседних домов.

— Люблю старый город, — произнесла Катя, — Петербург Достоевского. Тут особая атмосфера, даже дышится иначе.

— Да и Раскольников с топором. А всех недобитых бабок везут исключительно к нам на восстановление.

— Шутите? Нам по лестнице на третий этаж.

— А что остается. Мне очень не нравится вся эта история.

— Ну больная же в себя пришла?

— Да, она в сознании, отзывается на имя Рита, потому что я ее так называл все дни после операции. Но она ничего не помнит.

Он позвонил в один из пяти звонков у двери, квартира была коммунальной. Ждали долго, наконец из-за двери раздались шаркающие шаги. Открыл им здоровенный мужик в семейных трусах и тапочках. Роба помятая, небритый, вихры рыжие ершом стоят.

— Вам кого?

— Мы разыскиваем Риту. Маргариту Новикову. Здесь она проживает?

— Не проживает. А на кой она вам? Шалава.

— Вы ей кем будете?

— Сосед, за бабкой ее приглядываю, которую Риточка ваша бросила. А золотишко бабкино умыкнула.

Анатолий с Катей только переглянулись.

— И давно она тут появлялась последний раз? Может быть, вы разрешите нам с ее бабушкой поговорить?

— Не разрешу! Вы сами-то кто? Из милиции или откуда?

— Не из милиции мы, из больницы.

— Ну, если сдохла, так туда ей и дорога! А вы спрашивайте да катитесь своей. Было бы о ком! Пила Ритка сильно, гуляла, проституцией на жизнь зарабатывала, вот и спилась, как все такие. Долго не было ее, потом явилась, украшения забрала и сказала, что за границу едет, а бабка ей по барабану. Растила, кормила. У-у-у-у, шалава, все выгребла подчистую и ушла. Года полтора-два назад.

Анатолий достал паспорт и показал мужику фото.

— Это она?

Тот внимательно разглядывал лицо на фотографии. Вертел и так и сяк, листал, потом мотнул головой, вернул паспорт Анисимову.

— Данные ее, прописка, год рождения вроде тоже, а фото нет. И гуляйте вы мимо, пока я милицию не вызвал.

Дверь захлопнулась, шарканье затихло.

— Ну, что теперь делать будем? — спросила Катя

— Не знаю, наверно, ждать. Понаблюдаю за второй, пока она лежит в отделении, а там решим. Поехали, домой тебя провожу.

ЧАСТЬ 8 СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Повидав Женечку, Минин успокоился, уснул, проснулся, снова уснул. Слабость не отступала, но мысли прояснились. Было странно лежать тут, в чужом месте, в чистой постели, не думать о еде, о том, что Женя не кормлена. Александр был уверен, что с Игорем девочка и в безопасности, и все у нее есть.

С Игорем они сдружились еще в приемной комиссии, когда документы в Академию подавали. И конкурентами друг друга не воспринимали, сразу возникла взаимная приязнь, хотелось учиться вместе. Так и вышло. Правда, оказались в разных группах, но это не мешало дружить. Взглядов были разных, но и это не сказывалось на отношениях. Игорь умел сгладить, перевести в шутку Сашины максимализм и идейность. «За Родину, за Брежнева», — подшучивал он, когда Минин начинал слишком настойчиво выдвигать коммунистические теории. Не верил Игорь в светлое будущее и был прав. А Саша верил, так воспитывал его отец, до последнего дня пространные письма присылал. Потом похоронка пришла — погиб при исполнении, Саше было четырнадцать.

Про Родину отец на полном серьезе считал, что «есть такая профессия — Родину защищать...», фильм «Офицеры» пересматривал с семьей, когда оказывался дома в праздник 9 мая. Это бывало редко, в основном Саша и мама ждали. Писем, отпуска и далекой пенсии Владимира Александровича, когда можно будет не замирать в страхе при сводках из горячих точек.

Саша любил отца, доверял ему, считался с мнением, потому желание стать потомственным военным казалось вполне естественным. Насильно в ряды вооруженных сил никто его не загонял, конечно, воспитание подводило к этому, но родители не давили. Саша мог бы пойти в любой ВУЗ — учился хорошо, школу окончил с золотой медалью. Он поступил в академию воздушно-космической обороны не только по зову сердца, но и в память об отце. Потом стал грезить о Космосе. Странная мечта не отпускала, но здоровье не было настолько идеальным, отбора Минин не прошел.

Было много других специализаций, связанных с защитой и слежением, Александр выбрал предмет по душе и в Академии учился так же прилежно, как в школе. Мама радовалась и гордилась, показывала родным и друзьям зачетку с пятерками и грамоты сына. Мечтала о лейтенантских звездочках на погонах Саши, о его успешной службе. Как ни странно, страха в ней за него не было, только горячее желание, чтобы он пошел по стопам отца.

В их семье никогда не было двойных стандартов, дома за столом говорили то же, чему Александра учили в школе. Он прошел весь путь юного ленинца: октябренок, пионер, комсомолец. Девиз «Всегда готов!» не был для него пустым звуком, и воинская присяга стала святой.

В год окончания Александром академии развалился Советский Союз, началось новое время, никто не понимал еще, насколько страшное.

Мама вздыхала, что туманное, говорила: «Хорошо, что отец не дожил до развала страны», и по-прежнему смотрела с надеждой на военную форму с золотыми пуговицами.

Если бы мама знала! Но Александр ничего не рассказывал ей о своих планах.

А планы эти перечеркивали все, к чему он стремился, разворачивали его судьбу. Оверштаг, как сказали бы моряки, Игорь по этому поводу говорил «ход конем». Он любил

шахматы. И Ильфа и Петрова, полузапрещенных в СССР авторов.

А началось все с женщины. Не зря же говорят *Cherchez la femme*. В случае Александра искать надо было девушку-скрипачку, первокурсницу музыкального училища имени Римского-Корсакова.

Девушку звали Оля.

Они познакомились еще в Ленинграде. Александра за отличную учебу наградили поездкой в город на Неве. Сначала Минин честно ходил с экскурсией, но потом отстал и уже сам по себе начал прогуливаться по Марсову полю.

Была весна, всюду цвела сирень. Синее небо, яркое солнце, новые впечатления. Александр, восхищенный и оглушенный величием города, шел, шел — так и оказался в самом начале Невского, в сквере перед Адмиралтейством.

Там увидел ее. Девушка стояла у фонтана, Александр не мог не то что слово сказать, он застыл на месте, а девушка заметила, засмеялась и спросила:

— Что вы так смотрите? У меня что, нос в муке?

На что Минин ответил:

— Нет, просто я никогда не видел таких красивых девушек.

Ее густые длинные волосы, распущенные по плечам, были темными, но отблескивали рыжиной на солнце; белая кожа, серые глаза, правильные, может быть, немного полные капризные губы, но утонченные черты, необыкновенный, чуть восточный разрез глаз и мягкий овал лица скрадывали это. Стройная шея, покатые плечи, полная грудь, тонкая талия — красавица, что еще можно сказать? Девушка была одета в цветастый красно-белый сарафан, на плечах легкий шарфик, на ногах мягкие красные балетки, в руках сумочка. Яркая, весенняя, смешливая — вот какой потом вспоминал ее Минин.

— Правда, вы что же, в лесу живете? — продолжала шутить она. — Ну и как вас зовут, товарищ военный... летчик?

Девушка посмотрела на шевроны, оценивающе приподняла бровь.

— Александр, — ответил Минин.

— Не Сергеевич?

— Нет. Владимирович.

— Ну и я не Наталья Гончарова, — она снова засмеялась, — Ольга меня зовут. Не угостите девушку мороженым, — кивнула она на передвижной киоск, — а то жарко сегодня.

Вечером они целовались на набережной, потом гуляли всю ночь, встречали восход на Неве. На следующий день Саша уехал и увез с собой моментальную фотографию из фотоавтомата и адрес Ольги Моцарской. До следующего отпуска, который он опять провел в Ленинграде, они переписывались. Ольга писала Александру про свою жизнь, про занятия на скрипке, концерты, иногда о том, что скучает, и снова о занятиях, подругах, погоде. Александр ей — о службе и о мечтах снова увидеться. Это было в каждом его письме.

Александр приезжал в Ленинград еще три раза, ничто не предвещало беды, они с Ольгой гуляли по Невскому, держась за руки, смотрели фильмы в кинотеатре «Аврора», заходили в пышечную на Конюшенной. Ездили в Петергоф смотреть фонтаны, возвращались в Ленинград. И снова Дворцовая площадь, набережные Невы, новогодние огоньки и первомайские алые флаги. Страна все еще пыталась убедить сама себя, что все хорошо, что нет очередей за продуктами, обнищания, расслоения на тех, кто оказывался за чертой, и тех, кто стоял у кормушек.

И Ольга, и Александр оставались в ауре спокойствия. Артисты и военные не так остро

ощущали то, что происходило в агонизирующем СССР. Что в музыкальном училище, что в военной академии продолжали по старинке бодро, с лозунгами вести молодежь избранным курсом.

Александр сделал Ольге предложение, заручился согласием ее мамы и снова уехал до выпуска. Ему оставалось еще полгода учебы, получение диплома, звания и распределение.

Тем временем обстановка менялась, по гарнизонам и военным частям покатила волна сокращений офицеров, особенно младший комсостав, но и тем, кого чаша сия миновала, жить становилось все труднее. Повсеместно ввели продуктовые талоны, зарплата военных была смехотворно мала, а цены росли. Квартир тем, кто отслужил и уволился в запас, не давали, и вот среди офицеров закопошилось сомнение — а не выиграли ли сокращенные? Они могли начать новую жизнь, многих манил малый бизнес, кто-то мечтал промышлять в мутной воде перестройки.

Александр не знал, что бы он выбрал, если бы ему предложили вернуться в то время и переиграть. С одной стороны, во многом остался он при своих убеждениях, сформированных не столько школой и академией, сколько отцом и матерью, с другой стороны, рассыпалось все у него на глазах, рушилась привычная жизнь. Но это теперь, по прошествии шести лет, хлебнув в полной мере лиха, засомневался он, лежа на больничной койке, а тогда сомнений не было.

Ольга заявила Минину, что не станет его женой, если он собирается оставаться в армии, и решение пришло сразу.

А уволиться бывшему отличнику-медалисту, курсанту без взысканий было не так-то просто.

Александр поделился с Игорем, и вдвоем они замыслили вот какой план: дипломы получить, а там уж накурлесить что-нибудь, отсидеть на губе, доправонарушаться до суда чести. Другой схемы уволиться быстро и без проблем не было. Разве что по здоровью, но не светило — оба здоровьем отличались крепким.

И все, что было задумано, — состоялось. К добру ли, к худу? Кто теперь разберет. Минин уволился, стал гражданским, уехал в Ленинград, город теперь назывался Санкт-Петербург, и будущее рисовалось в радужных красках. Свобода, быстрые деньги, свой бизнес, красивая свадьба, молодая жена. Только все это продлилось недолго, бизнес завяз в трясине налогов, ехать с Игорем на периферию и раскручиваться там Александр не мог — Ольга категорически отказывалась уезжать, менять окружение, богемную тусовку, работу в Санкт-Петербурге концерте. Она была уверена, что достигнет исполнительских высот и однажды ее фамилия большими буквами будет пропечатана на афишах Петербургской филармонии.

А уехала б тогда, может, была бы жива.

Почему нет слез по ней? Сожалений? Нет и чувства вины за это странное облегчение, которое он испытывает сейчас. Облегчение, покой...

Незаметно для себя Минин уснул.

ЧАСТЬ 9 ПОСТОЯЛИЦА

Утро Анатолия началось с планерки. Заместитель главного по хирургии вынес мозг необходимостью экономии лекарственных препаратов, перевязочного и шовного материалов, а также сокращению койко-дней, проведенных пациентом в стационаре. В ординаторской только об этом и говорили. Михайличенко предложил читать молитвы и отпускать с богом. Курдюмов — перенять методику Кашпировского и гематомы рассасывать внушением под музыку. За разговорами время просто улетело, и сделать обход в подведомственных палатах Анатолий физически не успевал. На десять назначена сложнейшая, просто ювелирная операция клипирования аневризмы. Надо еще успеть морально подготовиться, но и больных глянуть не мешает. Зашел в мужскую палату, пересмотрел назначения, дал указания медсестрам. В ординаторской заполнил истории. Еще бы и женскую посетить, да времени в обрез — всех не осмотреть, однако поздороваться все же не мешает, заодно убедиться, что все в порядке, и тогда пациентки могут подождать. Хотя тяжелых у него нет, все стабильны.

Большая шестиместная палата была забита под завязку, у Михайличенко и Курдюмова тоже нет свободных коек. Надо думать о выписке.

Только приоткрыв двери, услышал голос:

— Я ждала вас.

Анатолий невольно улыбнулся в ответ на приветливую улыбку безымянной пациентки. Женщина была красива. Нет, не так! Она была слишком красива, несмотря на короткий светлый ежик волос, на повязку, на отсутствие косметики и три недели, проведенные на больничной койке.

— Обязанность лечащего врача — ежедневный осмотр, я не мог бы не зайти к вам.

— Знаю, но все равно жду. Целыми днями только этим и занимаюсь. Вы особенный.

— Я обыкновенный, — он присел на край кровати и взял ее за руку. — Так что вы мне расскажите нового?

— Ничего. Память не возвращается. Я представить не могу, кто я на самом деле. Так странно. Я умею читать и писать, я говорю, я слышу, я ем, но я не знаю, как меня зовут и что происходило со мной до того момента, как я открыла глаза и увидела вас.

— Увидели вы не меня, а реаниматолога Сидоренко. Я пришел позже.

Она здоровой рукой дотронулась до головы, показывая источник своих проблем и как бы извиняясь за забывчивость.

— Да, так оно и было. Я помню. Но только с этого момента.

— Я продолжу обход, затем у меня операция, а у вас встреча с приглашенным специалистом.

Анисимов встал, направляясь к двери.

— С психиатром?

— Да. Григорий Ильич очень хороший врач.

— Мне тоже нравится. Он рассказывает вам о наших беседах?

— Результат, не содержание.

Она откинулась на подушку и отвернулась, стало видно лишь здоровую левую сторону: высокий лоб, идеальный классический профиль, длинная шея, покатые плечи. Анатолий залюбовался. Аристократка из пушкинских времен да и только! Ее облик никак не вязался с

тем, что Анисимов видел при поступлении. Конечно, травмированная часть головы сильно портит внешность, но это поправимо. Надо подождать и провести повторную операцию — вместо недостающей костной пластины поставить имплант. Но это бесплатно никто делать не станет, да и направление от невропатолога обязательно. Значит, так и останется с помятым черепом. Жаль! И это не самое худшее из зол. Память не возвращается. Куда пойдет эта женщина после выписки? Кто она? Ее обаяние, красота, манеры не соответствуют тому положению, до которого она дошла. Или довели? Анисимов часто думал о ней, о том, что где-то ее ждет семья, ребенок. Она рожала, это было очевидно. И гинеколог подтвердил.

Анатолий надеялся, что память к ней вернется. Пусть не полностью, но и не так, как сейчас, когда жизнь разделилась на «до» и «после».

Григорий Ильич объяснял ее состояние нежеланием вспоминать, да и аварию считал не случайностью, а суицидом.

Что бы там ни было, прошлое этой женщины с мягким красивым голосом и необыкновенной внешностью оставалось загадкой, как и туманное будущее.

Анисимов знал, что интернат для инвалидов отказался брать ее, но выписку затягивать больше не мог — и так все допустимые сроки прошли. По совету психиатра Анатолий перестал называть ее несуществующим именем. Теперь он вообще к ней никак не обращался, но и это не давало результата.

Сложная, тяжелая операция прошла успешно. Михайличенко, глянув на время, свалил домой, а Толик остался. Через пару часов надо будет заглянуть в реанимацию, а пока появилось время выпить кофе и посетить женскую палату.

Он читал истории, рассуждая, кого можно готовить на выписку, когда безымянная пациентка постучала в двери ординаторской, а потом вошла.

— Не помешаю?

— Заходите.

Анатолий смотрел на тонкую ладную фигурку, стройные ноги, которые не скрывал короткий халатик явно с чужого плеча, на руку, еще в гипсе.

Она подняла на него глаза.

— Я пришла попросить вас называть меня Ритой. Я знаю, что это имя мне не принадлежит, но с ним я хотя бы человек. Если бы вы знали, что я чувствую все это время! Я не говорю о физической боли, она постепенно уходит, я говорю о душе. Даже если у меня нет личности — с именем, отчеством и фамилией, — душа-то есть. Григорий Ильич утверждает, что я рожала, что, возможно, у меня есть семья и ребенок. Я не верю. Я бы вспомнила. Ребенка точно бы вспомнила. Видимо, его или ее нет в живых. Понимаете?

Она приблизилась к окну, вечерний свет озарил ее классические черты.

— Рита, кроме вас, вам никто не поможет. Я готов, но что я могу сделать? Кого искать? Где?

— Вы и так очень добры ко мне. Хорошие люди все же встречаются. Эта девочка, Катя из приемного покоя, купила мне белье. Представляете? За свои деньги, простенькое очень, я почему-то уверена, что в прошлой жизни не надела бы такое, — она застенчиво улыбнулась, — но я рада, без нее у меня и этого бы не было. Правда, стирать самой трудно, я прошу нянечек. Кто-то жалеет и стирает, а кто-то считает, что я сама могу. Люди злые в основной своей массе. Понимаете?

Она снова подняла на Анисимова глаза и прикусила нижнюю губу.

— Люди? Нет, не злые, скорее — обиженные. Кто-то больше, кто-то меньше. Причем, сами виноваты, не следят за словами, позволяют себе многое, затем страдают, — ответил он ей. — А стирать вам полезно, руку желательнее не напрягать, но разрабатывать пальцы нужно.

— Я стараюсь, я очень стараюсь, и спасибо за книжку, я прочла. Вы не могли бы принести другую?

— Хорошо, постараюсь не забыть.

Домой Анатолий не ушел. Больной в реанимации был слишком тяжелый, могла возникнуть необходимость повторного вмешательства. Лучше находиться рядом, на всякий случай. Зато выписки оформил. А утром опять планерка, потом обход...

Обед врачам буфетчица принесла прямо в ординаторскую. Быстренько накрыли стол, сели за еду.

— Ты мне скажи, Толь, вот это есть можно? — спросил Анисимова Михайличенко.

— Можно, особенно если больше нечего. А чего это ты перебирать в еде стал? Меня так все устраивает.

— Да я не про себя. Я ем и спасибо говорю — горячее, сытное, желудок не болит. А вот принцесса твоя возмущалась, невкусно ей, видите ли. Еще и в воровстве буфетчицу нашу обвинила.

— Не понял, какая принцесса?

— Безымянная. Толь, она прям как из сказки про королевишну на горошине. Ей одежду собрали всем миром, принесли девчонки, кто что мог. Так то не то, это не это. В палате тетке ее подкармливают, а она норовит лучший кусок ухватить. И манеры — ну королева, не меньше. Вот как расценить такое поведение? Я понимаю, что она головой крепко приложилась, и что память ей отшибло понимаю, но вот отношения этого потребительского, величия на ровном месте осознать не могу. Ты вспомни, какую ее привезли, и погляди, что мы имеем.

— Несчастливая женщина, молодая, красивая. Без прошлого и без будущего. Ты мне лучше скажи, куда я ее выписывать буду? А ведь должен со дня на день. Потому как лежит она у нас в отделении почти месяц. И чем она там за воротами больницы питаться станет? Так что пусть ест, пока есть что. Она на улице пропадет. Все наши усилия по спасению ее жизни прахом пойдут.

— Тут ты, конечно, прав. И возразить мне тебе нечего. Я сапоги ей завтра принесу, от жены остались. Бог даст, подойдут. Жалко бабу, красивая!

Выписать безымянную пациентку Анатолий вынужден был через неделю, как только сняли гипс. На душе скреблись кошки. Куда она пойдет? Чем станет заниматься? Сгинет ведь, а выхода у него нет. Отдал ей выписку, список рекомендаций, направление в приют, но в глаза посмотреть не смог — палачом себя чувствовал. А она спасибо сказала, развернулась и пошла в никуда.

Оставшееся время до конца рабочего дня тянулось медленно. В положенные пять часов Анисимов собрался домой.

На скамейке больничного парка заметил ее, обрадовался, и решение пришло мгновенно.

— Рита, пойдите ко мне. Я один живу. Вы у меня пока можете остаться. Может быть, в домашней обстановке скорее вернется память. Или попробую по своим каналам разыскать ваших родственников.

Анисимов поймал такси и назвал адрес. Всю дорогу молчали, каждый думал о своем. Рита выглядела подавленной, смущенной, растерянной. Анатолий рассуждал, как они теперь будут сосуществовать в его маленькой квартирке. Обычная однушка в панельном доме на первом этаже. Его устраивало, одному хватало. Есть, где поспать и поесть, светло и тепло — холостяку вполне подходит, если сам умеешь сытно готовить.

Но это одному. А вот как привести туда женщину, совершенно чужую, на которую у него и планов-то никаких нет? Но слово не воробей, да и отпускать Риту просто на улицу ему не хотелось.

— Я постараюсь не быть тебе в тягость, — как будто прочитав его мысли, произнесла она, смущенно глянула на него и снова опустила глаза. — Мы же можем быть на ты, если теперь у нас будет одна крыша над головой?

— Да, конечно, не вопрос. Все приехали, пойдём.

Он расплатился с водителем, подал Рите руку при выходе из машины и они оказались перед обычной панелькой. Она вздохнула несколько разочарованно. Вид дома казался унылым и что-то смутно напоминал. Хотя по всей стране великое множество вот таких пятиэтажек, похожих, как близнецы, друг на друга.

Они вошли в подъезд и остановились у двери, тоже обычной, как у всех, обитой коричневым дерматином.

— Как странно... Я не знаю ничего о себе... Интересно, я местная или приехала в этот город? Мне так неудобно перед тобой, если бы только знал. Я благодарна тебе за спасение жизни, теперь еще за жилье. Толя... Я же могу тебя так называть?

— Можешь. Проходи.

Он открыл двери и пропустил ее вперед.

Женщина огляделась. Хоромами его жилье не назовешь: крашенные полы, простые бумажные обои на стенах, беленный потолок. Но удивляли чистота и порядок в квартире. Мебели минимум: кровать, стол, шкаф и стул у стола, телевизор, компьютер на столе. В крохотной кухне стол-книжка, плита и полка, две табуретки, холодильник и тумбочка около плиты. Все просто, по-мужски. Не было в этой квартире даже намека на присутствие женщины. Никто не заботился о красоте, только об удобстве.

— Я завтра приделаю шторку в ванну, чтобы мы не смущали друг друга. Располагайся. Сейчас перестелю постель. И можешь прилечь, ты устала, наверно.

— Да, немного. И замерзла. Давай постель отложим на потом. Может, угостишь чаем?

— Сейчас поставлю кипятить. Я не готовил вчера, яичница тебя устроит? Ты есть-то хочешь?

— Спасибо! Очень даже устроит. Я голодна.

Анатолий приготовил нехитрый ужин, разложил по тарелкам, заварил чай. Она ела с удовольствием.

— Вкусно. Ты удивительно вкусно готовишь. А может быть, я просто отвыкла от человеческой еды. Не знаю.

— Да, конечно, месяц в больнице. Хотя я там ем то же самое, что и больные. Нормально, сытно. И дум лишних о голоде нет.

— Ты так неприхотлив?

— Наверно, — пожал он плечами.

— Толь, как же получилось, что ты, такой интересный, видный мужчина, и живешь один? Давно? Ты извини за бестактные вопросы, но я должна убедиться, что не делю

комнату с маньяком.

— Как раз с маньяком, можешь даже не сомневаться. Я режу людей и ковыряюсь в их мозгах. И, самое главное, Рита, что мне это жуть как нравится. А один я живу последние три года. И в двадцать шестой работаю три года, а до того в Институте нейрохирургии Поленова. — Анатолий на несколько секунд задумался о чем-то и продолжил: — Я стану называть тебя Ритой, несмотря на то, что мы оба знаем, что это не так. Но человек должен иметь имя. Пусть будет Рита.

— Ты дома совсем не такой, как в больнице. Там ты добрее.

— Дома я отдыхаю. Я люблю ни от кого не зависеть. Люблю заниматься тем, что люблю. Наше сожителство вынужденное, и я очень надеюсь, что ты не станешь мне особо мешать. Спать ты будешь на кровати. Я постелю себе на полу. Можешь занять полку в шкафу, я освобожу. Все остальное твои проблемы. Я не романтик и заводить связи с противоположным полом не хочу. У меня все было. Теперь мне комфортно в одиночестве. Ты меня поняла? И еще, никогда не трогай мои вещи, особенно бумаги.

Она кивнула головой в знак согласия и улыбнулась, а он опять залюбовался ею. Увидел в ней женщину, желанную женщину.

Нет, никаких отношений не будет. К чему? Зачем? Тем более с пациенткой. «С бывшей пациенткой», — убеждал он сам себя. Но какие же у нее выразительные глаза, серые, почти стального цвета, наверняка, если бы на ней был синий свитер... Он шумно выдохнул, его мысли несло не в том направлении.

— Днем можешь смотреть телевизор, компьютер не тронь. В тумбочке есть килька в томате — стратегический запас, ешь сколько хочешь. Продукты я куплю завтра. Двери никому не открывай. Ты все равно не знаешь людей, с которыми я общаюсь, а остальные могут быть опасны. В выходные поедем смотреть город, может быть, узнаешь какие-то места, вспомнишь. Книг у меня мало, они остались там, где я раньше жил, я про художественную литературу, а специальная тебе не интересна. Что еще? Кофе не пей, тебе вредно. Ключи я сделаю еще один комплект и дам тебе тоже завтра. Кажется все. А нет, полотенце, стакан для твоей зубной щетки сейчас организую. Да, и не подходи к телефону.

— Кто может звонить? Твоя бывшая?

— Нет, мама. Ты мне никто, так что не будем давать ей ложные надежды.

— Вы в ссоре?

— С мамой? Нет, что ты. Мы живем в разных городах, вот и все. Но мама всегда беспокоится обо мне, звонит часто. Может позвонить и в то время, что я на работе. Она просто мечтает меня женить и обзавестись внуками. Вот и проверяет, вдруг я уже не один.

— У тебя есть дети?

— Нет, а что?

— Подумала о том, что у меня есть или был. Как можно вот так лишиться прошлого, даже воспоминаний о ребенке?! Я периодически боюсь сама себя. Что было там? Почему я не могу вспомнить? Ты меня не боишься?

— Нет. Надеюсь, что ты вспомнишь. Рано или поздно, но обязательно вспомнишь.

Анатолию ее стало безумно жалко. В действительности он сердит вовсе не на эту женщину, которую сам привел в свой дом. Он злится на себя. За то, что привел, за то, что она ему нравится, за то, что он совершает неправильные поступки один за другим. Но и не совершать их не может.

— В каком городе живет твоя мама? Я думала, что ты местный.

— Нет, я москвич. Приехал после окончания интернатуры, прошел по конкурсу в институт Поленова, да так и остался.

— Ты человек-тайна. Ну что ж, основные твои характеристики мне известны. Маньяк с темным прошлым. Не напрягайся, шучу я так.

Он ничего не ответил.

Уснуть не получалось. Анатолий винил жесткий ватный матрас, холод, гуляющий по полу и вытягивающий жизненные силы, мысли о женщине, спящей в одной комнате с ним. Груз, который взвалил сам себе на плечи, и ответственность.

Что с ней делать, с этой мнимой Ритой? С женщиной без документов. Было логично пойти на телевидение и показать ее фото, вдруг кто опознает. Но, с другой стороны, и это не выход. Кто-то же довел ее до того состояния, в котором она к ним попала. И если авария была суицидом, то он сам приведет к ней тех, кто толкнул ее на этот шаг. Нет, на телевидение он не пойдет. Она должна в домашней обстановке все вспомнить сама. Надо найти хорошего психиатра. Может быть, оплатить сеансы гипноза. И еще надо купить ей одежду. Красивую, модную, чтобы она могла любоваться собой. Через пару месяцев он проведет повторную операцию. Его Рита должна быть красавицей...

Вот так, представляя ее улыбающейся, с длинными светлыми волосами, в платье цвета морской волны, обязательно шелковом, струящемся, облегающем ее стройную тонкую фигуру, Анатолий уплыл в царство Морфея.

Проснувшись, не мог понять, где он. То ли на работе, то ли... Еле встал, ощутил сильную боль в пояснице — все-таки его продуло. Кое-как добрал до ванной, держась рукой за спину, и встал под душ. О Рите больше не вспоминал — спит себе и спит.

Пока закипал чайник, бездумно смотрел в окно, радуясь отсутствию мыслей. Сделал кофе и с удовольствием вдохнул терпкий запах, но не успел сделать и глотка из чашки, как в кухню вошла Рита.

— Такой аромат, просто потрясающий. Можно мне хотя бы глоточек?

— Нежелательно, но если так хочется...

— Налей, будь добр, поухаживай за дамой.

Всю дорогу на работу Анатолий вспоминал ее потрясающую улыбку и живые серые глаза.

ЧАСТЬ 10 Исаак Прокопъич

Пребывание в больнице только в первые дни не напрягало. Мучила слабость, и все хотелось спать, спать, спать. Но к концу недели это прошло, и время определяемое завтраком, обедом, ужином, обходам и процедурами начало тянуться медленно. Нечем было его занять.

Мысли? Вот их-то как раз Александр и боялся. Особенно той, что приходила чаще других.

«Что дальше?» Нет, не как жить без Ольги, ее исчезновение он принял равнодушно, сомнениями и угрызениями совести не терзался. Разве что на себя удивлялся за подобную черствость. Все-таки не один год вместе прожили, вот и Женя...

Женя! Мысли о дочери были иными. Александр горячо раскаивался в отношении к девочке. Срывал он на ней раздражение, от слабости, от бессилия руку поднимал на ребенка. Потом проклинал себя. Но такое разве замолишь? Одна надежда — мала еще дочка, не запомнила. А он больше никогда! Минин уверен был, что как бы жизнь не сложилась — девочку он больше и пальцем не тронет. Исчезновение жены... А почему исчезновение? Ведь она умерла, он видел, узнал. То, страшное... это ведь она была. Но помнил он ее живой. Как из дома ушла, потому и думает так — «исчезла».

И не все равно теперь? Важно одно — ее больше нет в их с Женей жизни. Что дальше?

И так по кругу, между обходом, процедурами и обедом, а потом до ужина и после ужина и ночью. Постоянное желание спать сменилось бессонницей. А температура все не спадала, поправлялся Минин медленно, кашель его мучил. Проводимая терапия дала некоторое облегчение, но до выздоровления было ох, как далеко. Профессор Боярчиков ругался, что у Александра нет воли к выздоровлению и он сам себе не хочет помочь. Заставлял Сашу вставать, двигаться. Утверждал, что Минин плохо поправляется, что все лежит. А надо ходить.

Куда тут ходить? От печки до порога? Коридор до самого сестринского забит каталками и на них лежат больные, при каждом стул вместо тумбочки, вещи в пакетах или сумке — внизу, под каталкой. Уборщица вещи туда-сюда каждый день кантует. Матерится цветисто, мужики смеются.

Уборщица Зоя, испитая, высохшая, но жилистая, тягает больных одна — Минин видел, когда «гулял». В одну из таких прогулок познакомился он с Исааком Прокопьевичем, седым бородатым стариком. Чем-то на священника похож — благообразный, в очках. Все с книжкой у окна сидел. Прокопъичу тоже места в палатах не хватило и обретался он в коридоре, почти у самой входной двери. А там еще и лифт был рядом, за лифтом комната, где посуду мыли, около нее тележки с бачками и грязными тарелками парковали. От такого лечения с ума сойти можно, а Исаак знай книжки читает. На Александра с участием поглядывал, может, и сестры что нашептали, в больнице персонал любит пациентов обсуждать — кто, что, с чем поступил.

Так или иначе, именно Прокопъич оказал на Минина благостное воздействие. Хоть и не был священником, а занимался делом близким к очищению — пусть не душ, так улиц. Дворником был Исаак. И заболел по дурости — это Минин потом узнал, когда, проходя в очередной раз мимо ложа за баррикадой из каталок, подумал о том, что в его одноместной палате пространства хватит еще как минимум на два спальных места, а на одно — так уж

точно.

И протолкали они Исакову каталку прямым к Минину в палату-люкс. К тому времени, как появилась Зоя и начала орать: «Не положено! Заплатили за тебя, так лежи и радуйся», Исаак уже обжился. На тумбочке и на столе разложил чашки-ложки, бумагу и салфетки в ящик посовал. Еще туда отправились сахар, заварка, вторые очки «для близости» и стопка книг. Дворник оказался с высшим образованием.

Зоя покричала да и успокоилась, видно, в душе сочла справедливым. Профессор Боярчиков тоже против не был. Может, пожалел Исаака, или понял, что Минину одному в палате тяжело.

Александр не привычен был к такому — особые условия в казарме не предоставляли. Он даже заскучал по армейскому быту, когда личного пространства нет, зато и мыслей лишних — тоже.

Исаак Прокопьевич был не только домовит, как Василий Теркин, но и словоохотлив. И все с шутками-прибаутками. И политику любил. Сразу в ход пошли обсуждения новостей из газет, заработал телевизор, который Минин и не включал, и снова на Александра обрушилась неотвратимость жизни, что ждала его за больничными стенами.

Ольге это уже не грозило... избавилась.

В их ссорах она не раз говорила: «Не хочу так жить», — вот и сбылось.

Страшно, страшно, что нет сожалений о ней! И опять тянет лечь, отвернуться к стене и молчать. Но Исаак не даст. Тянет бродить по коридору.

— Это надо, мил человек, движение — жизнь. Я еще в журнале «Здоровье» читал. Хороший был журнал. А передача какая! Доктор Белянчикова вела. Смотрел? Или нет, ты тогда маленький был еще. Ты какого года?

Саша отвечал, Прокопьевич удовлетворенно кивал и продолжал свои монологи.

— Хорошо было, сытно. Никто про еду не думал. А теперь что? Собаку не заведешь. Я было подкармливал бездомных, а как настали талоны — самому есть нечего. Тогда уж стал живодеров вызывать, а что делать? Не должно быть бездомных на вверенной мне территории. Так ведь? Да и что за жизнь у них? Каждый пнет. Ни будки, ни ласки.

Когда жить было еще терпимо, Ольга захотела собаку. Александр не приветствовал, но спорить не стал. Он просил только не крупную. Но убедить Ольгу не смог, она твердила:

— Комнатные собачки — это ни о чем. По улице пройти хочется с псом, чтобы все оборачивались: «Вот это да-а-а-а», — и просила подгалянца.

Любила она показуху. На подгалянца Минин категорически не согласился, Ольга уже была беременна. Завели немецкую овчарку, кобеля — дурашливого и беззлобного. От носа до кончика хвоста черного. Назвали Мухтаром. И он начал расти гораздо быстрее, чем Ольгин живот. К рождению Жени по квартире уже разгуливал семимесячный щенок. И выводить его на улицу было некому. Ольга — с ребенком, Саша — сутками на работе. А денег на еду все меньше.

Он не любил вспоминать то время — само вылезло, когда Прокопьевич про собак заговорил. Не надо было заводить. Почему-то в мыслях об Ольге только плохое, а об умерших плохо нельзя...

Ольга щенка этого наказывала. За то, что ссал в коридоре между входными дверями. Так и не приучили к чистоте. Заниматься надо собакой, а не лупить. Ольга была — сильно,

наотмашь, поводком, а чтобы не кусался, перед тем как наказать, надевала намордник.

Пса не отдавали. И не усыпляли. И весь этот ужас тянулся и тянулся, как и их с Ольгой совместная жизнь.

Соседка по площадке Мухтара жалела, приносила из кухни детсада, где работала, бачки с остатками супа. Пес хлебал и ссал еще обильнее. Потом Ольгину квартиру поменяли, переехали на выселки, в Лигово, приплату отдали за долги.

Пса тогда определили жить на лоджию. Он выл. И, наверно, сдох бы от голода, уже припадать на передние лапы начал, но Саша по случаю пристроил его охраннику на продуктовый рынок. Сторожить. Больше он Мухтара не видел.

Прокопъич оказался заботливым. Если Александр уходил на процедуры, а в это время привозили обед, Исаак брал на себя и на Минина, потом шел, грел в микроволновке и потчевал.

— Ты ешь, ешь, выпишут домой — там на халяву никто не покормит, — и виновато прикрывал рот ладонью. — Прости, прости, мил человек, не подумал. Ну, ничего, у тебя дочка осталась. Для нее надо жить.

Минин ничего про себя не рассказывал, но, очевидно, что Прокопъич знал. И много раз потом вспоминал Александр это краткое знакомство и повторял про себя слова Исаака:

«Для нее надо жить».

Игорь навещал не часто, но звонил, сообщал, что все в порядке.

О подробностях не распространялся, но ясно было о каком «порядке» говорит. Саша не спрашивал о похоронах Ольги, даже если бы мог, он, наверно, не пошел бы. За то время, что лежал в больнице, он по косточкам разобрал и собрал свою жизнь с ней. С самого начало было ясно — не пара они. Зря Александр заговорил с Ольгой тогда в сквере Адмиралтейства. Зря не послушал маму, которая была против этого брака. И что он теперь матери скажет? Ведь многое скрывал все эти годы. А теперь она тут, сидит в их раздолбанной квартире. Чем оправдаться, что вот так, в никуда, жизнь свою слил?

ЧАСТЬ 11 Неуставные отношения

К телефону приемного покоя Анисимова пригласили, когда еще и шести утра не было. Баба Нина раз десять извинилась за то, что разбудила врача, который прилег только пару часов назад, но женский голос на том конце провода уж очень просил. Пришлось вставать, брать себя в руки и идти. Кто ему может позвонить в такую рань, он представлял слабо, а потому от звонка ничего хорошего не ждал. Боялся, что с мамой что-то могло случиться, хотя буквально позавчера он говорил с ней из дома и все у нее было нормально. Ну как нормально... Человек она пожилой, и потому то одно, то другое, но все вроде в пределах разумного.

Трубка лежала на столе, за которым сидела Катя и что-то записывала в журнал.

— Да, Анисимов слушает, — произнес он.

— Толь, это я, — услышал голос Риты. — Ты не волнуйся, ничего не случилось, просто мне не спалось и я вспомнила, что вчера хлеб забыла купить. Зайдешь в булочную по дороге с работы?

— Хорошо, зайду, но раньше четырех дня не освобожусь. Может, сама сходишь? До четырех есть тебе наверняка захочется.

В ответ он услышал, что оставленные им на продукты деньги уже закончились и она не виновата. Что старается ему угодить, а он...

Разговор оборвал фразой «Поговорим вечером» и посмотрел на удивленную Катю.

— Что, Катюша, так и не удалось тебе поспать? — с улыбкой спросил девушку.

— Нет, работы много, пока все журналы заполнишь, пока каждую ампулу спишешь. Но я-то в восемь уже освобожусь, если все успею, а вы до вечера.

— Я до вечера, — как эхо повторил он и посмотрел на гремящую каталку с биксами и мешками белья, увозимыми в прачечную и в стерилизационную. Потом буквально следом загремела следующая каталка, потом еще одна.

Больница пробудилась и зажила своей обычной каждодневной жизнью, где практически все повторялось изо дня в день по одному и тому же расписанию, где стояли одни и те же запахи, по коридорам ходили одни и те же люди в белых халатах, менялись лишь пациенты. Они-то и были личностями с собственной судьбой, со своей неповторимой болью и индивидуальными обстоятельствами травмы. Ради них все крутилось и функционировало.

Большая кружка горячего крепкого растворимого кофе вернула работоспособность, и, не дожидаясь утренней пятиминутки, Анисимов засел за истории.

Отвлек его от этого процесса Михайличенко, явившийся на работу часом раньше.

— Как дежурство? Спал? — спросил он участливо.

— Только под утро с часик. А всю ночь шил и даже оперировал, но так, по мелочи. Какая нелегкая тебя в такую рань принесла?

— У меня план, Анисимов, по борьбе с моим глобальным одиночеством. Сейчас приступлю к выполнению.

— Удачи. Как объект зовут-то?

— Катюша, ага, сестричка из приемного. Хорошая девочка, ни в каких порочных связях не замечена. Так что приступаю к взятию ее бастионов.

— Прав, девочка хорошая. Зачем она тебе? — раздражение в душе странным образом нарастало.

— Не задавай глупые вопросы, Анисимов! А то ты не знаешь, зачем мужчине нужна девочка. Или ты того? Так говорят, что дома у тебя женщина живет. А про Катю... Сам не гам, так не мешай другим.

— Не понял, а я к Кате каким боком?

— Ты к Кате, слава Богу, никаким! Слепой, глухой и, как мне кажется, уже не мужчина.

Разговор прервал появившийся раньше положенного времени Курдюмов. А потом закрутилось: пятиминутка с отчетом дежурного врача, обход зам главврача по хирургии, проверка журналов списания наркотических и сильнодействующих медикаментов списка «А». Лекция о перерасходе этих препаратов, об экономии, потому что брать неоткуда, резервов нет. Слушать возражения врачей главный не хотел. Да если бы и хотел и услышал, что он мог сделать? Ничего, потому что как врач прекрасно понимал, что недообезболить больного — это все равно, что не обезболить совсем. Но как чиновник должен был выполнять распоряжения сверху. А именно сокращать и сокращать все виды расходов на здравоохранение.

День тянулся ужасно медленно и нудно. Хотелось вернуться домой и никого не видеть и не слышать, а тут еще за хлебом надо.

Вышел на остановку раньше, заглянул в булочную, взял буханку черного хлеба. Память перенесла его на три года назад, точнее — на три с половиной года назад. На улице стоял мороз, он вышел из института Поленова после выволочки у заместителя директора по науке. И дело было вовсе не в написанной им статье, которую он отправил в *Russian Neurosurgical Journal*. Проблема состояла в том, что он себя поставил единственным автором, указав лишь, что работа выполнена под руководством доктора медицинских наук и т. д... Да, ни зама по науке, ни самого директора он в соавторы брать не стал. Конечно, статью не пропустили. А его не допустили к защите кандидатской диссертации, развернули на апробации. Не стерпел, на следующий же день подал заявление об увольнении. Так сломалась карьера. Обо всем произошедшем позже думать не хотелось вообще. И вспоминать никакой тяги не было.

Подходя к своему подъезду, невольно глянул на окно кухни и удивился: на подоконнике красовались цветы в горшках и вместо простых белых шторок висел ажурный тюль с оборкой. Толик даже остановился от неожиданности, усмехнулся сам себе, раздражение исчезло, как не бывало, и он вошел в подъезд, а затем в квартиру.

У двери на полу вместо привычной тряпки из старого полотенца красовался новый коврик, а из кухни доносился дразнящий запах жареной курицы.

Рита стояла у дверного косяка в темно-синем платье — в том, что купили вместе неделю назад в Гостином дворе.

— Толь, ты хлеб купил?

— У нас гости? Запах невероятный.

Она закусила губу, пожала печами и улыбнулась несколько виновато, глядя ему в глаза.

— Нет, я старалась для тебя. Мой руки и за стол.

Дважды Анатолия просить не пришлось. Он ел с удовольствием, нахваливая. Она рассказывала, как по случаю купила занавески, пока гуляла с соседкой из квартиры напротив по ближайшим магазинам. И они так оживили кухню и комнату, что она сама очень удивилась. А соседка сказала, что на подоконниках должны стоять цветы, они уют придают, только их не забывать поливать надо, и продала Рите три горшка за умеренную плату. Затем они обе испугались, что Толик ругаться станет за неразумные траты, и, справедливо решив, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, взяли деньги в секретере и в ближайшем

ресторане купили цыпленка табака и пять порций салата оливье на вынос.

— Деньги ты спустила не все? — спросил он с раздражением.

— Нет конечно. Я же не дура. Вернее, дура, раз ничего не помню, но я для тебя, чтобы дома уют был... чтобы приходил — и жить хотелось. Мне-то все равно, как тут у тебя, а Таня говорит, что нормальные люди так не живут. А то ты из одной операционной в другую, иначе ведь твою квартиру не назовешь. Что же ты злишься? За что? Чем я провинилась? Чтс умного человека послушалась? Так я ж только для тебя! Все ради тебя!

Она уже почти кричала. А потом расплакалась, отодвинула свою тарелку и убежала в комнату.

Анатолий более трех лет прожил один, отвык от скандалов, женских слез, да и, если честно, не особо сталкивался. С женой они разошлись мирно, пришли к выводу, что совместная жизнь радости не доставляет. Разменялись, разъехались. Бывшая даже и при обмене не вредила, Анисимов мог выбрать и лучший вариант, не хрущевку. Он сам предпочел этот — было удобно, близко от больницы.

Фактически он жил на работе, а домой только ночевать приходил, когда не оставался на дежурстве. И не воспринимал дом как важное место. Крыша над головой — и только. Чтобы ни дождь, ни снег. И стены — чтобы посторонние не вмешивались, не лезли в душу.

Рита постаралась из его безликого жилья сделать что-то похожее на дом. Вот и еду приготовила, а он так по-свински грубо. Подумаешь, деньги потратила! Они на то и деньги, чтобы тратить, еще будут. Вон премию обещали к праздникам.

С Ритой нехорошо вышло, надо пойти извиниться.

Легко сказать! А сделать — не очень. Анатолий был смущен. Не знал он, как за это взяться! Не операция же, этому в институте не учили. Человеческие отношения гораздо сложнее, чем отрезать и зашить.

Рита лежала ничком, лицом в подушку, плечи вздрагивали. Волосы еще торчали ежиком, и была видна обезображенная сторона черепа. И так жалко стало эту женщину, не по-врачебному — по-человечески! Анатолий присел рядом, тронул за плечо и одновременно заговорил.

— Рит, ну ты прости, я... действительно хорошо в доме стало, мне понравилось все!

— Правда? — она привстала и развернулась к нему, теперь они сидели близко, смотрели глаза в глаза. — И ты не сердись?

— Нет, с чего бы мне?

— Тогда сердился, когда мы только пришли сюда. Я же лишняя, да? В этом дело? — Она смотрела прямо, не отрываясь, не отводя глаз. И вдруг закрыла лицо ладонями, всхлипнула. — Не помню, ничего не помню!

Не мог же он сидеть, как пень бесчувственный. Обнял, стал утешать. Тут и случилось это. Рита прижалась к нему, прильнула тесно, и Анатолий понял, что хочет ее.

С пониманием пришла и страсть, непреодолимое желание соития. Рассудок отключился.

До этого Анатолий касался ее как врач, видел обнаженной, более того — он резал это тело, руки его совершали необходимые действия машинально. Да он ее мозг видел, был в святая святых со скальпелем и отсосом!

В то время она была не женщиной, а задачей, которую необходимо решить путем оперативного вмешательства. Задача по устранению страдания. Спасение жизни.

Сейчас он касался Риты, привыкнув и к этому новому ее имени, и к тому, что вот она, здесь. Он допустил и позволил, и нет никаких причин, которые бы могли помешать ему взять ее.

Должно быть, она почувствовала перемену, отзывалась вздохами, стонами, трепетом, приоткрытыми губами, прерывистым дыханием. Оставалось только избавиться от одежды, лечь рядом, на нее... и войти.

Он не хотел целовать ее, никогда целоваться не любил, но Рита сама потянулась к его губам, и достаточно было один раз попробовать это, чтобы приникать снова и снова.

Анатолий осторожно раздвинул ее бедра. Рита была горячей, влажной, не тесной, но обхватывала его собой, когда кончала. Хватило нескольких глубоких ударов, чтобы она забилась в оргазме. И еще, и еще...

Он вышел, чтобы не рисковать на пределе, она тут же накрыла член рукой, сжала, потом извернулась и обхватила губами. Анатолия скрутило, обожгло, как электрическим разрядом. Сдержаться было невозможно, освобождение чуть не лишило сознание. Он сразу же возбуждился снова и вошел.

Уснули они часа через два, обессиленные.

ЧАСТЬ 12 Возвращение домой

— Ну, прощай, мил человек, — Исаак Прокопьевич поднял руку, вроде как благословил, что ли, потом протянул Александру. Минин пожал.

Недолго они вместе пробыли, и многому научил этот старик. Или не старик он еще? Седой, а так крепкий. На ум пришел Платон Каратаев. Да, вот жизнь, и в книгах про такое не напишут. Тогда война была с Наполеоном, а сейчас сами все развалили. Много они с Прокопьевичем за эти дни перетерли за политику, а к выводам никаким не пришли. Только Прокопьевич все сокрушался, что Минин из вооруженных сил ушел, повторял:

— Вот это ты, Саша, зря, погодил бы чуток, может, наладилось бы. Все же военная пенсия — она надежная.

Надежная... А сколько на глазах у Александра без пенсии вышвырнули при сокращении, без обещанных квартир.

— Ладно, пойду, там в приемном покое меня Игорь, наверно, ждет, — не стал затягивать прощание Минин.

— Иди-иди, — закивал Прокопьевич, — а я в коридор, значит, вернусь. Долеживать. Не выписывают еще, — вздохнул он.

С Исааком они никакими координатами не обменялись. Зачем? Случай свел в больнице, да и закончилось знакомство. Вряд ли снова встретятся.

А Игоря в приемной не было, задерживался. Минин присел на лавку напротив окна регистрации. Туда-сюда сновали санитары, работники скорой в форменных жилетах. Ковыляли болезные пострадавшие, кто мог — на своих ногах, кто не мог — тех возили в инвалидных колясках или на каталках.

Саша снова пережил этот муторный приступ, именно здесь он Ольгу увидел... тело...

Скорее бы уже отсюда! Вот рвется, а ведь лежал, плевал в потолок. Кормили, поили. А за забором больницы прежняя собачья жизнь, грязь, нищета, что-то надо делать.

Может, и прав Прокопьевич, зря ушел, служил бы где-то по распределению, глядишь, и не сократили бы. Профессия у него редкая, академию окончил с отличием. Еще и дипломы с соревнований по снайперской стрельбе получил. И все пошло прахом здесь, в Петербурге. Не надо было ему менять план родителей, сворачивать с намеченного пути. Мама, конечно, обижена. Это она еще и десятой доли всего не знает. Теперь догадается, достаточно увидеть в каких условиях они с Ольгой и Женечкой живут... жили.

— Саша! Ты чего тут сидишь? А я тебя на улице жду, — возник перед ним Игорь, вытянул из привычного жевания мысли «надо было, а если бы».

— Не знаю, я не подумал, что на улице. Извини.

— Поехали-поехали. Женя-то ждет! С утра нас с мамой на уши ставила: «Где папа, где папа». Любит тебя до безобразия. Славная девочка!

— Да, Женька хорошая у нас... у меня... Все привыкнуть не могу.

Игорь промолчал, кивнул только и сгреб пакет Минина.

— Давай, поехали. Дома и помянем, и поплачем.

А о чем плакать? Вот о чем?! Как ни искал в себе Минин тоски и боли по Ольге — не находил. Плохо! По любви ведь поженились. Он первое время в ослеплении был, сделал, как

Ольга хотела, пытался свой бизнес начать, вернее, начал и успешно, вместе с Игорем они с академии так и держались. Но потом Игорь потянул Минина на периферию, там легче было раскрутиться, земля дешевая, власти гибкие. Сельсоветы кое-где оставались. В девяносто третьем, как частную собственность на землю объявили, многие бросали города, уходили в натурхозяйство, мини-фермы поднимали. Если на чем и можно было заработать и стабильно держаться, так это на жратве. Все остальное в стране с продуктовыми карточками — обесценилось. А Ольга наотрез отказалась уезжать из Питера и Минина не отпустила. К тому времени она уже беременна была.

Оставался еще криминал, теневой бизнес, бандитские группировки, почти армейская иерархия от низших братков к высшим. Вот где снайперские навыки ценились! На вес баксов. Александра приглашали «на работу», он отказывался. А бизнес его уже катился под гору, много было причин, главное с крышей не угадал. И честный был слишком. Ольга все чаще попрекала:

— Неужели ты никак не можешь себе применение найти? Одни пуговицы золотые? Учился же чему-то!

Вот тогда он в первый раз на Жене и сорвался. Не мог же Ольге сказать, что его в киллеры звали, что заказчики хорошо платят, что жизнь могла бы разом наладиться. Не мог... А Женю ударил. Подлец! На ребенке выместил...

Ольга виновата, что все так! Только она! Любовь-то куда же девалась? Или без красивой жизни на нет сошла? Ольга о выступлениях мечтала, скрипачкой она была хорошей, но не очень ей везло.

На конкурсах не пыталась играть, готовиться усиленно, за участие платить не хотела. Отучилась и думала получить красивую жизнь сразу. Все по каким-то тусовкам, по презентациям моталась. Там ее любили, приглашали часто. Красивая, яркая, в общении свободная, за словом в карман не лезет. Веселая она была — это да, любила посмеяться, пошутить. Иногда зло. Тем и врагов себе наживала.

А дома шутки ее становились все острее, юмор переправлялся в сарказм и издевки. Начались скандалы. Александр уже не мог позволить себе отпуск в Турции, про Италию или Францию нечего было и мечтать.

Бизнес сыпался, разваливался на глазах, без Игоря ничего у Минина не выходило, новый партнер его пробросил не хило и слинял за границу. На Минина повесили долги, заработал счетчик. Грозилась отыграться на семье.

Александр вывернулся, хватило воли и умения держать удар. Права была Ольга, чему-то в армии его обучили. Но квартиру жены пришлось продать. Так оказались они в Лигово. Без долгов, но и без работы, без перспектив и, похоже, без любви.

Обо всем этом Минин думал и мрачнел по мере того, как приближались они к дому. Вот уже машина покатила по Ленинскому проспекту.

— А ты за рулем... Чья машина? — спросил Александр.

— Да моя, перегнали ребята, пока ты в больничке отлеживался. Хорошо тебя хоть залатали? Кашлял, как чахоточный.

— Нормально

— О! Сашку Мину узнаю, твое коронное «нормально» — не хорошо, не плохо, а хрен его знает как.

Оба рассмеялись, непостижимым образом вернулось к ним то время, когда только

выпустились из академии. И понятно стало, как им друг друга не хватало. Не ржавеет мужская дружба, что говорить!

— Сейчас поворот будет налево и дальше до упора, еще минут двадцать пилить, — сказал Александр.

— Да знаю, накатался уже. В жопе мира живешь, выбираться отсюда надо. Отстойный район.

— Куда выбираться, Игорь?

— Подумаем куда, я бы квартиру на продажу выставил, но тебе решать, можно пока сдать — деньги будут на жизнь мало-мало, остальное заработаешь.

— Где же я заработаю?

— Говорю — подумаем. Ну, приехали, вылазьте. Вот у твоего подъезда и остановимся.

Вышли из машины, услышали сверху:

— Папа, папа, дядя Игорь! Бабушка, приехали!

Минин поднял голову, увидел в окне третьего этажа Женю, помахал ей — дочка прилипла носом и ладошками к стеклу, рядом показалась и мама. Дальше бежал, пока не оказался в кольце родных рук, не вдохнул знакомый запах.

— Мама...

— Сашенька, сынок...

Рыдания, поцелуи, гладит по голове, как в детстве, только не достать ей, как будто ниже ростом стала. Шесть лет не виделись!

— Мама...

Ком в горле, говорить нет сил, плакать стыдно. Только дышать глубоко сквозь стиснутые зубы.

— Ну что мы тут толчемся в прихожей, в комнату проходите, — тянет его за руку мать.

— Папа, папа, у меня игрушек сколько новых, — за другую руку тянет Женя.

— Сейчас-сейчас, Татьяна Петровна, — отзывается Игорь, — разумеется только, у вас чистота!

— Да вот, после ремонта только убрала все.

— После какого ремонта? — приходит в себя Минин и понимает, что квартиру не узнать. Обои переклеены, окна покрашены, побелка свежая, отциклеванный пол в комнате, в коридоре и на кухне новый линолеум. Светильники другие. В комнате диван, кресло-кровать, телевизор, уголок детский с большим ящиком на колесиках — для игрушек. На полу ковер.

— Игорь, — резко оборачивается к другу Минин, — ты...

— Потом, Саша, потом, — Васильев кладет ему руки на плечи. — Это все мелочи, и говорить не стоит. А мы есть хотим, — заявляет он. — Как там фирменные пельмени, Татьяна Петровна?

— В самом деле, я же воду в третий раз кипячу. Что вы так долго? Тапки под вешалкой, надевайте и проходите уже.

— Да пробки на Ленинском, к вам пока доедешь, — оправдывается Игорь.

— Ну, давайте руки мойте, а я сейчас на кухне.

Татьяна Петровна с трудом отрывается от сына, смотрит с любовью. Ничего не говорит. Зато Женя прыгает и кричит.

— Папочка, идем, ну скорее-е-ей! Игрушки!

— Идем, солнышко. Я так по тебе скучал! — подхватывает дочку на руки Минин.

ЧАСТЬ 13 Помощь бывшей

— Сергеич, тебя опять женщина к телефону, но не Киса, другая.

Курдюмов положил трубку на стол рядом с аппаратом и, подмигнув Анатолию, пошел к двери.

Толик отставил кружку с горячим кофе и ответил.

— Что ты меня искал? — спросил с той стороны несколько уставший женский голос.

— Ничего личного, мне нужна твоя консультация. Я могу рассчитывать?

— Толя, мы с тобой были всегда друзьями, и если семьи у нас не получилось, то уважение-то осталось. Не вставай в позу, давай встретимся и обсудим. Чем смогу — помогу. Когда заканчиваешь?

— В четыре двенадцать, если ничего не случится.

— Я подъеду к больнице.

Он вернул трубку на место. Усмехнулся. Конечно, она всегда готова помочь — ради дружбы и уважения. Ему стало немного обидно, встречаться с ней не хотелось, слишком живы еще воспоминания, да и простить ее он до конца не смог. Но он сам звонил ей на работу и просил секретаря передать, что нуждается в ее помощи. В своем деле она была лучшей, так что выбора у него не было.

Ничего экстраординарного за день не произошло, и в четыре пятнадцать он вышел из приемного покоя во двор.

Она ждала его, стоя рядом со своим автомобилем — новеньким Audi ярко-красного цвета.

— Привет, Анисимов! Выглядишь уставшим.

— Здравствуй, Вера, работаю, однако. А ты цветешь, впрочем, как всегда. Машина твоя?

— Да! Нравится? Видишь, я и на машину заработала, и цвету, как ты выразился. Проблема в чем? Иначе бы и не позвонил, только по делу. Садись в машину, поедem ужинать в ресторан, я угощаю.

— В ресторан мы не поедem. Гулять тебя по значным местам нет ни желания, ни денег. А за твой счет я ни в жизнь.

— Гордый?

— Принципиальный.

— Тогда давай ко мне на работу. Там поговорим. Секретарь ушел, а кофе я сама сварю. Вернее, у меня растворимый, так что справлюсь. Не лезь в бутылку, Толя, я ничего плохого тебе не сделала.

Всем своим видом она старалась показать, насколько рада их встрече. Он усмехнулся и сел в машину.

Доехали не так быстро, как хотелось бы, офис располагался в самом центре города, на Большой Посадской.

Помещение впечатляло. Белые стены, диван с кожаной обивкой, мягкое кресло и кушетка для пациентов. Дубовый письменный стол с новейшим компьютером, книжная полка, экзотические растения в кадках на полу и орхидеи на окнах. Все дышало роскошью и достатком.

Вера усадила его на диван, пододвинула журнальный столик, поставила чашку и налила кипяток из электрического чайника, давая Толику возможность кофе и сахар добавить в

чашечку по вкусу. Сама устроилась в кресле напротив, закинула ногу на ногу и откинулась на спинку, демонстрируя расположение и готовность выслушать и помочь. Он оценил заученный жест, равно как и дорогой дефицитный кофе.

— У тебя Nescafe GOLD? — смакуя кофе, поинтересовался он.

— Ну, я не бедствую, могу себе позволить. Пей, не стесняйся. И шоколад бери, ты любишь, еще помню твои предпочтения. Рассказывай.

— Сейчас расскажу. Так чем ты занимаешься?

— Психотерапия, гипноз. Я защитилась.

— Я помню.

— Нет, я про докторскую, получила лицензию на частную практику, из института Бехтерева практически ушла. Но не совсем. Там я работаю для души, а здесь — на хлеб с маслом.

— Молодец!

— Анисимов, ты мог жить так же, но предпочел... А что ты, собственно, предпочел? — высокомерно вскинула брови, улыбнувшись.

— Свободу и чистую совесть, — он улыбался ей в ответ.

Она рассмеялась, явно гордясь зубами. Высокая, стройная, надменная, знающая себе цену женщина. Всегда была такой, даже тогда давно — после окончания института. Она позволяла себя любить. Королева! Только любил ли? Судя по ежедневному сексу, наверно, любил.

— Не будем препираться. Каждый выбрал свой путь сам. Рассказывай, — обрубил она малейшую возможность уйти в воспоминания и выяснение отношений.

— Вера, у меня есть пациентка после трепанации, с тотальной амнезией. Она сохранна во всем, то есть интеллект, способности, навыки — все осталось, кроме воспоминаний. Допустим, краниопластику я ей сделаю, череп восстановит форму, но память от этого не вернется. Я хочу ей помочь.

— Она красива?

— Да, очень.

По лицу Веры пробежала тень. Конечно, она понимала, что у бывшего мужа будут другие женщины, но его забота о пациентке и восхищение ею неприятно задела.

— Ты хочешь вернуть ей память или убедиться в том, что память к ней никогда не вернется? — с вызовом спросила она.

— Попробуй гипноз, — невозмутимо ответил он.

— Давай я сама решу, что буду делать.

— Я оплачу.

— Нет, позволь помочь тебе просто так. Я много думала о тебе. Не перебивай! Я виновата и была не права, если я что и доказала, то именно то, что я виновата перед тобой, я не имела права так с тобой поступать, с нами... — Вера жестикулировала руками, говорила пафосно, пытаясь объяснить.

— Вера, наш брак был ошибкой. Вот и все.

— Был ошибкой, но то, что я сделала — подлость.

— Прекрати, в результате развода выиграли мы оба.

— Как знать, Анисимов, как знать... — она пыталась встретиться с ним глазами.

— Вера, вернемся к проблеме. Я привезу Риту сюда?

— Да, давай я запишу ее на выходные. Суббота тебя устроит? Говори данные.

— Я не знаю. Женщина лет двадцати пяти, может быть, чуть старше.

— То есть документов нет?!

Он лишь покачал головой из стороны в сторону.

— Как ты собираешься ее положить на краниопластику? Без документов-то?

— Это вторая проблема.

— Первая, Толя, первая! Человек есть только со справкой, что он есть. Это уголовно наказуемо. Дорогой мой, тебя могут обвинить в похищении, удерживании силой, в проведение незаконных экспериментов. Живет она у тебя, так?

— Да, у меня. Не выкидывать же человека на улицу?

— Конечно, особенно если это молодая и, как ты сказал, безумно красивая женщина. Ей документы нужны, прежде чем ты ее сюда приведешь.

— И где я их возьму? У меня есть паспорт, с которым она поступила, но он не ее.

— Чей?

— Ничей, я ходил по адресу, думал, родственников найду, а говорят, что фото уже переклеено.

— Так давай переклеим снова.

— Это уголовно наказуемо.

— Толя, вот то, что она находится с амнезией у тебя — точно наказуемо. А фальшивый паспорт у девушки с амнезией... Чувствуешь? Кто что докажет? Ну не помнит она, где паспорт взяла, и как он у нее оказался — тоже не помнит. И ты ни при чем, и документ будет, и делай ты ей краниопластику, и живи, как хочешь. Да хоть женись.

— А если вспомнит?

— Тогда объяснишь все свои благие намерения. Поймет — твое счастье. Поэтому постарайся сделать так, чтобы поняла. Так что начнем мы с паспорта.

— Вера, как? Ты умеешь переклеивать фото на документах?

— Ну да, это тема моей докторской, — усмехнулась Вера. — Переработал ты, дорогой, совсем крыша едет. Просто есть у меня нужные люди, те, что сделают и вопросов не зададут лишних. Ты думаешь, все это, — она обвела пространство руками, — за мой счет? Нет, спонсоры имеются. А у них возможности почти безграничные. Жду вас в субботу, сделаем фото твоей ненаглядной в парике, я позабочусь. Заодно и поговорю с ней, определюсь, как ее лечить лучше.

— Я могу подумать?

— Нет, не о чем. Послушай умную женщину хоть раз в жизни. В субботу к трем подъезжайте. Паспорт с собой. Все, поехали по домам. Тебя подвезти?

— Нет, я доберусь, тем более что тебе в другую сторону. До субботы?

— До субботы, и не опаздывайте.

ЧАСТЬ 14 Прошлое и настоящее

Посидели за обедом по-семейному, Александр себя словно бы и не в своем доме чувствовал. Чистота, достаток, много еды. Вот дожил! Да не дожил, а сам до такого довел, что ребенка кормить стало нечем.

После того, как заглох его малый бизнес и истаяли сбережения, Минину везти перестало, а может быть, пока они с Игорем вместе раскручивались, все получалось, а один он не потянул.

За какие работы не брался — как печать неудачника на нем поставили. То одно, то другое. В охране был — склад сгорел, или конкуренты подожгли, а случилось на дежурстве Минина. Присудили возмещение, чтобы расплатиться — заложил квартиру. Думал выкрутится, снова устроился неплохо — поскольку знал два языка, то в турагентстве даже ценным кадром стал. Но закрыли турфирму, хозяева денег нагребли и свалили за границу. Начались суды-разбирательства с обманутыми клиентами. Минину пришлось нанимать юриста и платить, платить, платить. Иначе получил бы он «желтый билет» на всю оставшуюся жизнь, оказался бы в проклятой базе данных о судимостях. Этого удалось избежать, но семья снова увязла в больших долгах.

А Ольга привыкла жить красиво, не задумываться о тратах. Она хотела блистать, но в театральных тусовках оказалось мало проку. Успешные, высокооплачиваемые подписывали контракты, работали в хороших коллективах, ездили на гастроли. Им в компаниях время проводить было некогда.

Однородный монолит социалистической реальности начал давать трещины, расслаиваться. И часть его пошла на дно. Вместе с такими, как семья Минина, не успевшего вцепиться в кормушку или встать при легких деньгах. Хорошо хоть мама не знала — тогда он совсем ей писать перестал. А приезжать она не хотела, даже когда Женя родилась. Не могла простить Ольге, что та разрушила жизнь Александра, пустила под откос все планы. Все, о чем Татьяна Петровна мечтала.

Сейчас она с любовью смотрела на сына. Суетилась, подкладывала ему и Игорю лучшие куски. Пирог испекла свой фирменный с мясом. Борща наварила, котлет нажарила — Минин сто лет так не ел. После обеда в сон потянуло. Или это он в больнице привык все спать и спать?

При Женечке ничего про Ольгу не говорили. Минину и не хотелось. После аварии его жизнь с этой женщиной с каждым днем отступала, отдалялась, и отпускало то неправильное, что все эти годы было между ними.

Вначале он любил ее, страстно. Это, как болезнь, сжигало его изнутри. После третьего приезда в Петербург он уже ни о чем другом думать не мог — только о ней. Но тогда мысли эти побуждали к достижению цели, он хотел отлично окончить академию и сделал это. Ради Ольги. Чтобы она гордилась. Как выяснилось, ей это было безразлично, она стремилась к яркой жизни актрисы, жизнь в гарнизоне никак ее не привлекала. А распределили Минина далеко, на северные рубежи, и, можно сказать, повезло — там можно было выслужить год за два, наверняка бы и квартиру дали. Потом. Через пятнадцать лет, а Ольга хотела сразу.

Она уговаривала Александра, упрашивала, плакала, жаловалась, что не сможет жить на севере.

— Кому я там стану на скрипке играть? Моржам и белым медведям?

Конечно, про медведей это она зря, военный городок был не так плохо благоустроен. Но само место — дыра.

Если бы ни события в стране, Минин еще посомневался бы, но полный развал, казалось бы, незыблемых устоев подталкивал к действию. Тут и Игорь был с Мининым заодно. Их распределили в одну и ту же часть, и тогда у друзей созрел план.

Комиссоваться по здоровью — долго, да могло и не получиться, а вот после суда чести из армии выгоняли на раз. Но надо было как следует проштрафиться, сесть на гауптвахту, а тогда уж и суд.

Купили они водки, нажрались, не явились на развод, а вместо этого, шатаясь по военному городку, разбили стеклянную витрину единственного магазина промтоваров. Вроде как драку устроили. После этого их в комендатуру и сопроводили. Ну а дальше все по Уставу.

Отсидели на губе, на суде чести вели себя непотребно, командир части только головой крутил, да руками разводил, а старпом — тот понял и потом, когда уже все закончилось, Александру сказал:

— Что ж, осуждать не могу, сейчас многие так поступают. Вот и просрали Россию.

А через неделю Саша уже звонил в дверь Ольгиной квартиры в Петербурге.

Возможно, если бы он слушал Игоря, если бы поехал вместе с ним на Кубань разрабатывать ферму и табачную плантацию, то все бы иначе повернулось. Но Минин никого не слушал кроме Ольги, а у той было семь пятниц на неделе. Единственное, чего она хотела всегда и постоянно, так это трахаться. Возбудима была, как кошка: тронь — и уже извивается, не знает, каким боком притереться.

— Пошли у подъезда на лавочке покурим, — предложил Игорь, — а то вон Женя глазки трет.

— Она разве стала днем спать? — спросил Минин у матери.

— Да, хорошо спит, я ей сказочки читаю.

— Удивительно, а я никогда уложить не мог. Вечно со слезами. Мы пойдем на воздух, поговорим.

— Идите-идите. Вернетесь — я чайку вскипячу.

И Татьяна Петровна особой печали по поводу гибели Ольги не выказывала. Причем очевидно было, что мать Минина нисколько это не тревожит. И то, как Игорь отнесется к подобной черствости, ее не волнует.

Лавочка у подъезда оказалась пуста. Соседки Минина утреннюю вахту отстояли и рассосались по квартирам — обедать. Следующее включение сарафанного радио происходило часов в пять вечера. Это если погода была хорошая. А то, случалось, одна бабулька, та, что с первого этажа, как раз под Миниными жила, внизу сидит, а две с балконов с ней переговариваются. Тогда последние известия весь подъезд в открытые окна слышал.

Игорь присел, закурил, Александр стоял, рассеяно разглядывая клумбу.

Все та же старушка с первого этажа, Эльвира Ивановна, пыталась устроить под окнами «собственный садик» на манер царскосельского, но вышло у нее больше похоже на собачье кладбище. Продолговатые клумбы частично были обложены поставленными на угол

кирпичами, частично огранены врытыми горлышками в землю пластиковыми бутылками. На самих клумбах цвели желтые и фиолетовые анютины глазки.

— Ты теперь в Питере останешься? — спросил Минин.

— Нет, что ты, какой там! Мне в станицу возвращаться надо скорее. Там у меня дел невпроворот. Во-первых, ферма, я сюда приехал контакты наладить, сейчас только на еде да куреве заработать можно, ну или уж на водке, только с акцизой возни, поэтому я остался при мясе. За эти годы хозяйство разрослось, — с гордостью сказал Игорь. Затянулся, выпустил дым. — Это, конечно, все не те доходы, с нашими уменьями, особенно с твоей специализацией, можно было бы такие дела завернуть, уже не здесь бы сейчас жили. И Женя твоя в частный детский садик ходила бы где-нибудь в Германии. И Ольгу бы пристроили... Извини, сдуру брякнул.

— Ничего, — Александр сел рядом. — Ты знаешь, странно мне это. Вот нет ее, а во мне как будто облегчение. Хреново на самом деле это. Разве можно так?

— А кто его знает, Саша. Ей-то можно было тебе жизнь ломать, я же помню, как Татьяна Петровна убивалась. Плакала, меня просила, чтобы отговорил тебя от девушки этой. Ты же как помешанный был. Один раз в Петербург съездил — и все, как околдовали тебя.

— Но Женя-то есть!

— Женечка славная, вот ради нее ты и должен все заново начать. Слышишь, Минин? Возьмемся и сделаем! Думаешь, я не проседал? Когда в первый раз с табаком завелся, все вроде сделал правильно, рассадили, а он морозов боится — и вдруг похолодало. Надо было костры жечь, дымом посадки укрывать, а тут рыба пошла. Побросали казаки костры и все на реку. Погиб табак, убытки еле покрыл. В другой раз с местными вязаться не стал, гастарбайтеров привез, в сельсовете сговорился, поселил их в бараки. Поил, кормил, досматривал. Тоже народ непростой, но чему-то нас в академии научили, вот я командные навыки и применял, — усмехнулся он. — Гастеры у меня и на табаке, и на ферме работали. Потом женщины из станицы в доярки потянулись. Казачки — работницы ответственные. Сейчас и сыроварня есть. Можно бы хорошо подняться, если бы не конкуренты. Пуля мне не случайная прилетела. Повезло, что не в голову.

— И что теперь?

— Наводку мне дали, на кого здесь выходить. Я еще не успел. В городе три больших группировки по молочным и мясным делам, все как в аптеке распределено. На самом деле в навозе ковыряться мне надоело, я другое задумал, и ты мне просто подарок судьбы, не зря же мы в лазарете столкнулись.

— Да, наверно, не зря.

— Вот, если выгорит у меня бизнес мой мясо-молочный махнуть не глядя на дружеские связи с китайцами, то сразу другие доходы пойдут.

— Слушай, Игорь, ты же потратился на ремонт, квартира убитая была совершенно, — без перехода начал о своем Минин.

— Да брось ты мне про это сейчас! — возмущился Игорь. — Я важное говорю, а он — квартира. Ремонт закончили, теперь продать надо, в дело вложиться.

— А жить где же? — опешил Александр.

— Жить есть где, я сам сейчас там обретаюсь, а места в этих хоромах на пять семей, как ваша, хватит. Воздух свежий, красотища, Финский залив рядом. Это я тебе все потом расскажу. Сейчас о главном, ты мне вот как нужен в управляющие, — и Игорь провел ребром ладони по шее, показывая степень необходимости. Не давал он Минину опомниться,

втягивал в свои невероятные проекты.

— В управляющие фермой, что ли? — не понял Александр. — Так я в сельском хозяйстве смыслю, как осел в системах противоракетной обороны.

— Не фермой, а фирмой, — отмахнулся Игорь, — личным составом. У меня тут в Питере образовалась контора, вроде бюро по трудоустройству военнослужащих. Уволенных и пенсионеров. Без своей команды, Саша, не пробиться, один в поле не воин — сам знаешь, кулак нужен, люди. Так вот, все у меня есть, и агенты, которые по работодателям ходят, и картотека приличная собралась, бухгалтер опытный, а руководителя нет. Кого я поставлю? Надежный человек должен быть, чтобы я ему как себе доверял. Не могу же с Кубани сюда туда мотаться. У меня там конвейер молочный и табак, опять же. Вот продам все, тогда... Ты же понимаешь, фирма — это так, для прикрытия, главное — ребят годных собрать, наших из ВС, а там посмотрим, кто кого раком поставит. Я эту пулю им припомню! — погрозил он кулаком невидимым конкурентам

Игорь говорил быстро, с одного на другое перескакивал, но Александр его понимал. Так и раньше было, мало что переменилось между ними.

— Хорошо, конечно. Скажи что надо — я все сделаю, — без размышлений согласился он.

Из подъезда выплыла Эльвира Ивановна — маленькая, кругленькая, в плюшевом халате и чунях, обшитых мехом. На голове у нее был накручен цветастый платок, но не по-бабьи, а каким-то необыкновенным способом, наподобие чалмы. А на плечах красовался оренбургский пуховый — темносерый, весь в дырках.

— Добрый вечер, Эльвира Ивановна, — вежливо поздоровался Игорь.

— Добрый, добрый. Ну что, закончили с ремонтом? — она тут же вцепилась в него взглядом, надела с расспросами. Александр был ей не так интересен, ему она давно все косточки перетерла в своих балконно-лавочных посиделках.

— Закончили, больше шуметь не будем.

— Вот и хорошо, — закивала она, — спать могу спокойно.

Игорь загасил сигарету об отвернутую крышку консервной банки, которая заменяла курильщикам пепельницу.

— Ну что, пойдём, Саша, — предложил он, — чаю еще выпьем. Дома я тебе доскажу.

ЧАСТЬ 15 Киса

Прошло еще две недели. Суббота, выходной день. Анатолий шинковал морковку, а на плите в это время в казане шкварчало мясо курицы, порубленное на мелкие кусочки. В кастрюльке рядом варился бульон из остова все той же птицы, под струей холодной воды в миске промывался рис.

Рита сидела за столом, подперев руками голову, и наблюдала за процессом приготовления пищи.

— Толь, теперь у меня есть настоящий паспорт. Я больше не человек без имени, я — просто человек. Ты рад?

— Рад, но это не твой паспорт.

— Почему ты просто не умеешь радоваться? Толя, тебе меня совсем не жалко? Это потому, что ты не любишь...

— Люблю!

— Скажи громче, скажи так, чтобы я услышала и почувствовала. Мне очень важно знать, насколько ты меня любишь.

— Киса, я тебя люблю! И я рад, что у тебя есть паспорт, но еще больше был бы рад, если бы мы узнали, кто ты на самом деле. Лук почисти.

— Толь, у меня от него слезятся глаза, я плачу и становлюсь некрасивой. А некрасивую ты меня разлюбишь. И что было бы, если бы мы узнали? Ты сам утверждаешь, что я рожала, значит, где-то там, неизвестно где, есть мужчина, с которым я жила когда-то, но люблю я тебя, зачем мне эти воспоминания? Или ты хочешь от меня избавиться вот так — найти мое прошлое и закрыть передо мною свою дверь?

— Киса, мы сделали тебе паспорт. Теперь ты можешь спокойно лечь в стационар и снова стать красивой.

— Сам чисти свой лук! Можно было бы приготовить что-то попроще плова. Или пойти погулять. И не тратить время попусту. Я так ждала этого выходного, надеялась провести его с тобой, пообниматься. Я так люблю с тобой обниматься и все, что потом, и хочу, чтобы это не кончалось.

— Так не бывает, это противоречит физиологии.

Она подошла к нему и обхватила со спины, заскользила руками по груди, животу, поглаживая, лаская, пытаясь пробраться под ремень джинсов. Анатолий же заводился и раздражался одновременно. Делать два дела сразу никак не получалось, и желание обладать ею — пересиливало.

— Ну и что ты творишь? Киса, я готовлю обед.

— А я соскучилась. Я так ждала этот день, я хочу тебя чувствовать всего-всего. Выключи газ и пойдем.

— Киса-а-а! погоди, дай запустить рис, и тогда я почти свободен, ты сама потом есть захочешь.

— Нам не хватит времени, ты будешь думать про свой рис, а я не хочу ограничений. Забудь про этот дурацкий обед! Разве я тебе не нравлюсь? Довольствуйся мной одной, не дели меня с пловом, я — лучшее из удовольствий.

Толик поддался на уговоры, она утянула его в постель, где все получилось у них просто замечательно, хоть он и не настроен был сначала. Но на то и сладкая женщина, чтобы забыть

обо всем. Анатолию секс с ней казался наваждением. Они двигались в едином ритме, они были единым целым. Никогда ни с кем до нее он не испытывал такого дикого удовольствия. Эту женщину хотелось снова и снова. Даже после того, как они ссорились, а не ссориться с Ритой не получалось, обладание ею сносило крышу.

Потом она что-то говорила ласковое и томное, лежа у него на груди, а он уснул под звуки ее голоса.

Проснулся оттого, что что-то упало и разбилось на кухне. Застал Риту, вылавливающую ложкой кусочки курицы из казана, а на полу валялись осколки его любимой чашки, которую мама дарила, когда приезжала в последний раз.

— Я проголодалась, — она пыталась оправдаться, продолжая жевать и повернувшись к нему. — Вот, пришла перекусить и крышкой чашку задела... Прости, я бываю совсем неуклюжая, но это ведь после операции, да? И из-за травмы? Оно же пройдет, когда ты вторую мне сделаешь? И вообще, я не виновата, чашка сама соскользнула со стола и разбилась, я теперь шевельнуться боюсь, выскочила босиком, могу порезаться. Толя, ты ведь не хочешь, чтобы я поранила ножки? Что ты с таким сожалением смотришь на осколки? Это всего лишь чашка, подумаешь, купим новую, я могу выбрать. Будешь пить и думать обо мне.

Он подошел к ней, она отложила ложку, которой ела, и обвила его шею руками.

— Сейчас возьму тебя на руки и отнесу в постель, только давай договоримся... — глядя с улыбкой ей в глаза, произнес он.

— Не буду я с тобой ни о чем договариваться! Лучше полежим еще немножко, а потом поедем к твоей противной Вере. Если бы ты знал, как я ее ненавижу!

— Киса, тебе не за что ее ненавидеть, она пытается нам помочь. И именно она пришла на выручку с паспортом. Ты можешь лежать, а я уберу осколки и доделаю ужин.

— Я наелась, мне больше не хочется. Ты ведь поедешь со мной?

— Я хотел почитать.

— Вот так всегда. Ты просто не хочешь ей показывать наши чувства, ты стесняешься меня, — ее глаза заблестели от подступивших слез.

— Киса, я не стесняюсь, и она знает, что я люблю тебя.

— Но не одобряет твой выбор, ты же предпочел меня ей.

— У нас с ней давно нет никаких отношений, мы не сошлись характерами. Прекрати ревновать. Мы с Верой с детства были друзьями. Ну, как друзьями... Она с родителями жила в Ленинграде, а я в Москве. Отцы наши дружили, когда ездили на конференции, детей, то есть нас, брали с собой — погулять, посмотреть город. Вот мы и встречались иногда, а после института я переехал сюда и мы поженились. Даже не встречались, просто решили, что наш союз выгоден нам обоим. Перспективная пара молодых ученых. Родители купили квартиру вскладчину. Вот так и жили. Говорят, мы смотрелись очень даже.

— А что потом? Толь, ты ее совсем не любил, что ли? Она же красивая.

— Любил, наверно. Я работу любил. Много оперировал, часто дежурил. Я был плохим мужем.

— Так ты со мной к ней поедешь? — Рита резко сменила тему, боясь услышать нечто лишнее для себя.

— Поеду. Сейчас соберусь.

Она вдруг разрыдалась.

— Зачем ты мне про нее рассказываешь? Я не хочу знать про твоих бывших!

— Рита, — Анисимов не ожидал такого взрыва эмоций, — не было у меня бывших,

только Вера.

— Так я тебе и поверила, насмотрелась на сестричек в больнице, они к тебе чуть в штаны лезут. И подкармливали, и ублажали...

Что будешь с ней делать? Анатолий не знал — смеяться или сердиться. И по-любому она возбуждала его, вот и слезами своими тоже. Как это получалось, что даже плакала Рита привлекательно? Хотелось утешать, трогать и трахать.

А почему нет? Успеется к Вере...

— Киса, ну что ты? Перестань, иди ко мне...

Он привычно обнял, она с готовностью прижалась.

— Я тебе сейчас рубашку испорчу слезами...

— Ничего, постираем...

Он гладил ее смешные короткие волосы. Отрастут. А руки Риты уже тянулись к его ремню, добирались до члена. Достаточно было одного прикосновения, нет, даже мысли, что она дотронется, и все — пелена вожделения туманила разум.

— Киса, хочу тебя! — Они уже добрались до кровати, сбросили одежду, легли. Все это с нетерпением, как в первый раз, обрывая пуговицы...

— Дай мне его скорей, — прикрыв глаза и разводя бедра, прерывисто вздыхала она.

Поднимаясь над ней, еще до того, как войти, он знал, что будет. Помнил об этом, о ее упругой глубине, трепете, сильных оргазмах, от которых сносило крышу. С каждым разом он все сильнее впадал в зависимость от этого и как наркоман хотел все большей дозы. А Рита давала, ее и просить не надо было, достаточно раздеть и пощекотать соски, сжать рукой влагалище. Как врач он прекрасно понимал, что с ней происходит, это заводило еще сильнее. Анатолию нравилось возбуждать ее до такой степени, что она не стонала, а подвывала позвериному, кусалась, царапалась, изгибалась, как при столбняке. Тогда он поднимал ноги Риты себе на плечи и входил резко и глубоко, с первого удара ловил кайф от частых содроганий ее лона, от крика, рыданий, невнятных слов, от метания рук. И всего этого было мало, мало... Он вбивался в нее снова и снова, отпускал себя, срывался, кончал, изливался весь. Любви не было, нежности не было. Страсть дикая, безумная, неутолимая.

Из соития выныривал, как с большой глубины, задыхаясь, с замутненным сознанием, полностью вытряхнутый эмоционально, опустошенный, в звенящей легкости частого биения пульса.

* * *

Анисимов не поднялся в кабинет Веры, остался на улице, обосновавшись в одном из соседних дворов. Время у него было, не менее часа длился каждый сеанс. Длился, но не приносил ничего, кроме все учащающихся приступов ревности Риты. Она просто ненавидела Веру. Вера же с невозмутимым спокойствием проводила один сеанс за другим. И деньги у бывшего мужа спокойно брала.

Ему же приходилось брать дополнительные дежурства, соглашаться на левые консультации по протекции все той же Веры. Необходимо заработать, чтобы тут же эти деньги отдать.

Иногда он чувствовал себя загнанной лошастью. Корил, что перестал помогать матери. Той приходится жить на одну пенсию. Раньше посылал немного с каждой зарплаты.

Отложить не получалось, все как в прорву. Даже то, что лежало на черный день, улетело среди белого. Но деньги — это всего лишь деньги. Так говорила Рита. Они созданы для того, чтобы их тратить. Что жалеть? Они обесцениваются, но если приносят удовольствие, то и потрачены не напрасно. Говорила, что после второй операции, когда восстановится здоровье — пойдет работать, чтобы помочь ему.

Он верил. Бежал домой с работы, заскакивая по дороге в магазины, закупая продукты, чтобы приготовить, накормить и увидеть блеск похоти в ее глазах. Правда, про похоть он не думал, ему казалось, что вот это и есть настоящее чувство, когда все скандалы заканчиваются жарким сексом, когда не обращаешь внимания на ее колкости, на обиды. Все это кажется проявлением любви. Потому что любить, как она, не может никто.

Никто никогда не реагировал на него, никто не заводился от малейшего прикосновения или незначительной ласки. Ему думалось, что он важен ей. Что она вся для него, что принимает его уставшего и разбитого, что выслушивает все про работу, про операции, про больных. Что скандалит и ругается только потому, что сама из тех же его пациентов, что сочувствует и понимает, что скучает и ждет.

Рита стала его идеалом, той самой женщиной, о которой он мечтал всю жизнь. Настоящей женщиной, его женщиной.

Нет, он не хотел чтобы она вспоминала. Потому что если к ней вернется память, то она уйдет...

Он слишком привязался к ней. Он больше не жил без нее. И допустить ее ухода из своей жизни никак не мог.

ЧАСТЬ 16 Новая жизнь за кирпичным забором

Минин осторожно высадил Женю из машины, не отпуская руки дочери, вытащил из авто корзинку с куклой и захлопнул заднюю дверь. Замок он заблокировал раньше, вдавив вниз собачку на стекле. А ключи-то остались на переднем сиденье! Вот тебе и погуляли...

Джип стоял на парковке. Теоретически, открыть его было нельзя, но Минин хорошо знал, какие бывают умельцы, и рисковать новой машиной не хотел. Ключи на виду, стекла не тонированы, а место проходное.

А жара такая, что в темной машине, даже с кондиционером невозможно дышать, Женя измучилась, начала капризничать. Не самая лучшая была идея тащить девочку с собой, мама предупреждала. Минин вздохнул, дочка уже и глаза терла — привыкла спать днем.

— И что же теперь нам делать, — спросил он вслух.

— Па-а-а-ап, пойдем уже, — потянула его Женя к воротам с чугунными лошадиными головами, на территории конного клуба ничего интересного для себя она не находила.

Лошади казались ей страшными, огромными. Минин тоже не приветствовал иппотерапию и прочих новомодных теорий, животное оно и есть животное, в любой момент может взбрыкнуть. Потому на родителей, которые подсовывали чад «пообщаться с лошадками», смотрел скептически.

Тем более жара такая, начало июня, а градусов под тридцать, дождей нет, влажность высокая — все как шальные. Но деваться некуда, по работе ему надо было решить важные вопросы именно сегодня. До открытия кафе на территории конного клуба оставалось три дня, а реконструкцией, ремонтом и подбором персонала заведовал он — Минин Александр Владимирович.

За четыре месяца жизнь его круто изменилась, Игорь, как и обещал, выставил квартиру на продажу, и она ушла так быстро, что Татьяна Петровна даже не успела пожалеть о только что сделанном ремонте. Потому что, по сравнению с тесноватой хрущевкой, место, в котором они теперь жили, можно было назвать дворцом.

Двухэтажный особняк на побережье. Обустроенный по первому разряду, наполненный всем необходимым для комфортной жизни. Татьяна Петровна про такое только в кино видала, в сериалах про «новых русских», и вот сама оказалась за трехметровым красно-кирпичным забором и каменными стенами. Хозяин недвижимости отсиживался за границей и по каким-то причинам нуждался в том, чтобы в доме была видимость жизни. И желательно, чтобы семья с ребенком.

Игорь сто раз повторил Минину, как тот должен себя вести на новом месте — не охранником, не арендатором, а хозяином. С тем же обратился и к Татьяне Петровне, просил поддерживать эту игру, а с соседями особо не общаться. Сказал, что это нужно для хорошего друга и компаньона, который в Россию пока возвращаться не собирается, но даже если на время и вернется, то остановится в гостинице. Светиться в доме ему нельзя, опасно.

Александр не был посвящен во все дела Игоря, но для себя решил, что полностью доверяет этому человеку. Помимо студенческой дружбы, их связывали и деловые отношения, и бесшабашная общность взглядов на риск. Игорь строил свой бизнес не на воровстве, не на лохотроне, он вкалывал по восемнадцать часов в сутки. Часто ходил по краю, но закон не нарушал, ну или самую малость.

Минин встал рядом, друзья — значит, друзья. Ничего против совести Игорь делать не

предлагал, а для Александра это было главным.

Вырученные от квартиры деньги пустили в ремонт кафе, прописку Александру и Жене сделали через друзей Игоря, а квартиру Татьяны Петровны поменяли на строящийся в новом районе кооператив. Жилье светило лет через пять, не раньше, но Игорь смог уговорить и мать Минина, она совершенно была очарована энергией и добротой Сашиного сослуживца. И тоже безраздельно доверилась ему. Женя считала его дядей и членом семьи. Игорь привязался к девочке, баловал ее. Своих детей у него не было, да и не предвиделось, он говорил, что семья не для комбинаторов, вот остепенится — тогда.

— Ну, па-а-а-ап, пойдем уже!

— Сейчас, Женя, сейчас, я, видишь, ключи в машине захлопнул.

А прямо за оградой пышно цвели кусты, конный клуб был встроен в территорию заброшенного санатория, и остатки сада манили тенистыми аллеями и цветниками, где все еще радовали взгляд многолетники. Уже распускались люпинусы, а шиповник благоухал малиновыми, розовыми и белыми цветами.

В открытом манеже вываживали по кругу лошадей, на другой половине поля семь всадников занимались в «смене», конный клуб был не столько спортивным, сколько прокатным, для этого тут держали дешевых покатушных лошадок с потертыми спинами и разбитыми бабками. Дорогих хозяйских лошадей содержали в хороших стойлах в отдельных корпусах, там за приличные деньги хозяева лошадей арендовали место, а с ним и конюха, и жокея. Для прокатных лошадей покупали дешевый фураж, для хозяйских заказывали элитный.

Все это Александр узнал от разговорчивого шорника Матвея Федоровича, он помогал в обустройстве интерьера в кафе, дизайнер предложила сделать нечто вроде салуна, как на диком западе, Минин идею поддержал. Собирали не из подручных средств, а по-настоящему. И седла были на подставках, и распашные деревянные двери, и панели на стенах, уздечки, стремяна, кожаные шляпы, барная стойка, стулья, столы — все стильное, как павильон ковбойского фильма в киностудии. Александр к делу подошел серьезно, не поскупился на расходы, и результат превзошел все ожидания. Оставалось только привлечь клиентов, для этого нужна была хорошая рекламная кампания. Этим Минин и занимался. И вот же незадача с ключами. Надо же так попасть по-дурацки!

Выручил все тот же Матвей Федорович, на конюшне его звали «дядя Мотя».

— Ксан Владимирыч! — издали завидев Минина с дочкой, приветствовал Матвей. — Ты что тут на солнцепеке загораешь? А мы ждем. Дело есть!

— Матвей Федорович! Добрый день! — обрадовался Минин.

— Пошли я покажу кой-чего, я там планчик набросал, — звал шорник.

— Не могу, форсмажор у меня.

— Форс чего?

— Непредвиденные непреодолимые обстоятельства.

Матвей подошел, улыбнулся Жене.

— А это кто к нам пожаловал? Лошадок ходила смотреть?

Женя смутилась, спряталась за отца, вцепилась в него, отрицательно замотала головой.

— Ну ты чего? Напугал бородатый дядька? — А борода у Матвея была окладистая, черная, хоть косички заплетай. При этом череп лысый, шорник брился наголо, чтобы скрыть изрядную плешь. — Так чего тут у вас?

— Ключи в машине захлопнул.

— Вот те раз! Ха-ха... молодец. А это часто бывает, погоди, я инструмент принесу, вскроем без проблем.

Матвей ушел, Минин поставил корзину на капот, запоздало подумал, что он же и барсетку с документами в машине захлопнул. Вот как?! «Что за невнимательность такая!» — ругательски ругал он себя.

Слева от открытого манежа были скамьи. Машина останется в видимости, если пойти посидеть там.

— Идем, Женя, смотри, там интересно.

— Не хочу-у... не пойду-у-у-у...

Раньше бы Минин рассердился, прикрикнул, а то и шлепнул бы, но со дня гибели Ольги все изменилось. Пришло осознание, что кроме Жени у него никого нет. Конечно, мама, но это другое. А Женя — только его, он не мог толком объяснить, но и в этом Ольга теперь не мешала. Женя быстро поняла, что отцом можно крутить как хочешь и беззастенчиво пользовалась новыми возможностями. Минин смеялся и потакал. Даже Татьяна Петровна, при всей любви к внучке, ворчала. Но он отмахивался и продолжал баловать дочку. Никакие ее капризы больше Александра из себя не выводили.

— Сейчас, малыш, видишь, что я натворил. Давай пойдем на скамейку, ты там немножко поиграешь, а я...

— Пап! Смотри!!! — Женя дернула его за руку, и он обернулся в том направлении, в котором указывала дочка.

Увидел он нечто странное. Из длинного, похожего на барак корпуса конюшни вывели рослую, черную от ушей до хвоста лошадь. Можно сказать, клячу. Попона на ней была легкая и обрисовывала страшно выпирающий хребет. Лошадь свесила голову и еле плелась за невысоким жокеем в темных бриджах, сапогах и бейсболке.

— Что за одр? — не выдержал Минин. — Не могли же тут так заморить.

Жокей и лошадь, вернее, вороной жеребец, прошли мимо парковки к тому самому манежу, где были скамьи. Женя сейчас же изменила решение «не хочу идти» на «идем скорее» и потащила Минина следом.

Вороной с жокеем вошли в манеж, Минин с Женей поднялись к скамьям. Некоторое время они смотрели на то, как коня водят по кругу. Через три круга он встал, как раз напротив зрительской трибуны. Минин не успел удержать Женю, девочка соскочила со скамьи и побежала в манеж.

— Женя, стой, — Александр поспешил за ней. — Стой, нельзя тебе туда!

— Да, лучше не надо. Пока Лакрейм один, еще можно, а если еще выведут лошадей, то опасно.

— Его так зовут — Лак...

— Лакрейм, — повторила девушка-жокей, теперь Минин хорошо рассмотрел ее.

А поначалу за парня принял. Молодая, не очень красивая, лицо в веснушках, нос курносый, губы полные, сама невысокая и худая, как жердь. Что конь, что жокей — подумал про себя Минин.

— Извините, мы не будем вам мешать, — он подоспел вовремя и не дал Жене подойти близко. Жеребец так низко свесил голову, что девочка запросто могла потрогать его длинную черную челку, что она и собиралась сделать.

— А вы и не мешаете. Мы с Лаки только шагаем, ездить на нем нельзя.

— Болеет? — Минин поддержал разговор, отчасти, чтобы взять под контроль ситуацию, просто так увести Женю не удастся — это было очевидно. Ну и сам он хотел узнать, что же за лошадь такая затесалась в элитный конный клуб, где ухоженные сытые питомцы сияли идеально вычищенными шкурами и красовались в дорогих седлах и уздечках.

— Болеет, — вздохнула девушка, — по хозяйке скучает.

— А она что, бросила его? — Женя все тянулась к челке, жеребец стоял понуро.

Минин подумал, а вдруг болезнь какая-нибудь заразная у него, еще к Жене прицепится. Чем там лошади болеют?

— Погладь, не бойся, — как назло разрешила девушка. — Нет, не бросила. Так вышло... И если точнее, то у Лаки есть хозяин, только он не здесь, в Германии он живет.

— Ксан Владимирыч! Эй, ты что ушел-то? — дядя Мотя торопился к машине с набором каких-то инструментов в руках. — Иди сюда, поможешь.

— Женя, пошли.

— Не-ет! Я хочу тут.

— Ну, Женечка, детка, нам надо машину открыть.

— Не пойду!

Девушка с улыбкой смотрела на них. Потом спросила:

— А ты чего не слушаешься? Надо идти.

— Хочу его погладить!

Минин был удивлен. Не замечал он раньше в дочке особой любви к животным. Женя боялась не только собак, но и кошек. А тут конь.

— Пусть погладит. Вы идите, дядя Мотя вон машет, — кивнула в сторону машины девушка, — я за девочкой вашей присмотрю.

Минин стоял в нерешительности. Как доверить ребенка незнакомому человеку, и конь еще этот больной.

— Вот, ты иди, папа, иди. А я тут с лошадкой постою.

— Его Лаки зовут, — подсказала девушка.

— А вас? — спросил Минин.

— А меня Ася.

— Очень приятно. Александр.

— Я вас знаю, вы директор нового кафе.

— Ну... можно и так сказать.

— Ксан Владимирыч, ну что застрял-то! Иди поддержи! — кричал Матвей.

— Идите, не беспокойтесь. Я посмотрю за Женей. Ведь ты Женя?

— Да! Пусти уже меня, па! — Женя выдернула руку и подбежала к жеребцу. Стала теревить челку. — У-у-у, жесткая какая... Ой, а губы мягкие, — и она вдруг обняла коня за голову, прижалась к храпу. Жеребец отозвался тихим ржанием.

— Женя, осторожнее, — дернулся было к ней Минин.

— Нет, стойте, вас испугается. Не подходите, — остановила Ася. — Заговорил! Вот чудеса. Ведь он давно молчит уже. Женя, иди сюда, я дам тебе корочку, угостишь его.

Девочка отлипла от коня, вернулась к Асе и отцу. Конь переступил с ноги на ногу, приподнял голову и шагнул за ней.

— Просто чудо! — повторила Ася.

С машиной провозились дольше, чем рассчитывали.

— Автопром бы на раз открыл, там делов-то, — комментировал Матвей, — резинку снять со стекла и проволоку подсунуть. А импортные эти одноразовое дерьмо, ничего не разберешь. Сейчас ручку попробуем снять и подцепим собачку.

Минин помогал Матвею, а сам краем глаза все следил за Женей. Ничего особенного в манеже не происходило, сначала Ася учила Женю, как дать хлеб с ладони, потом они вдвоем ворошили гриву Лакрейма, потом Женя сбегала к скамьям и принесла Асе свои игрушки. В манеж стала собираться смена. Минин опять забеспокоился, но Ася уже уводила Лаки и Женю, девочку она крепко держала за руку. Так и дошли до машины. Тут Матвей наконец справился с замком.

— Папа, а можно я пойду посмотрю, где Лаки живет?

Минин вопросительно взглянул на Асю, та кивнула.

— Ну... если Ася разрешит, то я не против.

— А пусть идут, там у Аси хорошо, чисто, а мы с тобой ко мне в мастерскую пойдем. Дело-то! Я же говорю, планчик набросал, посоветоваться надо!

— Да про что? — Александр все не мог решиться. Хоть Ася и вызывала у него доверие, но все же...

— А про летнее кафе, надо помост, Ксан Владимирыч, и зонты или навес. В лучшем виде все будет! Как во Франции. Сразу и народ потянется, летом кому охота сидеть внутри.

— А снаружи что? Слепней кормить?

— А мы сетку повесим. Идем, я покажу. Материалов много не надо, из подручных соорудим, красота будет, пальчики оближешь!

— Ну, тогда пошли ко мне? — разрешила сомнения Минина Ася и повела Женю и Лаки в сторону конюшни. — Как освободитесь, приходите к нам чай пить.

— Ты не беспокойся, Аська досмотрит, — заверил Матвей.

Женя на отца даже и не оглянулась, так она была увлечена новым знакомством.

Вечером дома только и разговоров было, что о Лаки и Асе. Женя не умолкала, она сто раз пересказала все, что узнала и увидела в конюшне. Как лошадки едят, как пьют, как спят.

— Они, бывает, стоя, а бывает, лягут. Лаки ложится, потому что он болеет. Но Ася сказала, что раз заговорил, то поправится. Мне к ним надо еще! — И все спрашивала отца: — А когда мы снова к ним пойдем?

И не успокоилась и не уснула, пока Минин не пообещал:

— Завтра.

ЧАСТЬ 17 Визит Веры

За последние три недели у Анисимова с Катей первый раз совпало дежурство. Так получалось, вернее, Михайличенко старался, договаривался с заведующим приемным отделением, чтобы ее вместе с ним ставили. Потом хвастался сотрудникам, как Катю обхаживает, и что влюблена она в него по уши. Он ей лапшу, а она млеет.

Анатолия это злило. Не верил он, что Катя клюнет на Михайличенко. Не одного они поля. Кате учиться надо. Толковая она, сообразительная и быстрая. Врачом бы отличным была и пользы принесла б больше...

Припомнил тот случайный визит к ней в гости, когда они ходили по поводу паспорта Риты. И как накормили его тогда Катя с мамой горячими вкусными пирогами, еще и с собой дали. Съел он неприлично много, хозяек нахваливал, маму свою вспоминал — она тоже готовила знатно, вкусно очень и придумывала все что-то новое. Вот и борщ оценил в гостях, оказалось — Катя варила. Как она смущалась тогда. Хорошая девочка, жаль, если ее Михайличенко соблазнит. Сломает, не сумеет он оценить такую, как Катюша. А для нее счастья хочется. Толик всегда думал о Катюше с теплотой и всегда желал ей счастья. Была бы она постарше лет на шесть... так о ней и для себя помечтать можно было бы.

Вот совпало их дежурство, и обрадовался. Ночь длинная, успеет он поговорить с девочкой про Михайличенко. Может, не поздно еще. Надеялся, что услышит — вроде уважает его.

С бабой Ниной тепло встретился, тоже давно они не пересекались. Она с Катей всегда в одну смену, нравится ей так. Обещала чайком угостить, как народ схлынет. Спросила, не заболел ли, а то выглядит уставшим, да и похудел заметно.

Ответил шуткой про то, как женщины достали. Баба Нина от души посмеялась. Но как только Анисимов устроился в ординаторской с журналом, его выдернули в смотровую — прибыла скорая. Резаную рану головы зашили, больной от госпитализации отказался.

Пока заполнял журнал, слушал щебетание Кати. Она в лицах рассказывала, как на прошлом дежурстве Михайличенко еле уговорил родственников пациента не подавать на него жалобу. А дело было так. Поступившему мужчине он в назидание сказал, что такой подход к организму дорого тому обойдется. Мужчина тут же обвинил врача в вымогательстве. Катя обхохотывалась оттого, что взяточника Михайличенко попытались поймать там, где виноват он вовсе не был. Толик тоже посмеялся и уже совсем было собрался тему взаимоотношений Кати с Михайличенко развить, как снова прибыла скорая.

На этот раз дело было серьезным. В затылочной кости пациентки застрял шарик четырех миллиметров, выпущенный из пистолета «Корнет». Мать несчастной девушки наседала, требуя немедленно вытащить «снаряд» из головы дочери. Из обстоятельств получения травмы следовало, что младший брат потерпевшей играл с пневматическим оружием и в шутку выстрелил в сестру с расстояния трех с половиной метров. Девушка от операции категорически отказывалась. Мать настаивала, чтобы шарик вытащили пинцетом. Она лучше знает — как, что стоит его поддеть и достать, потому что это, в сущности, мелочь. Анатолию пришлось рявкнуть на обеих. А после объяснять, что рана инфицирована. Что снаряд прошел затылочную кость практически насквозь и находится между костью и мозговой оболочкой, что операции девушке не избежать. Рисовал, как удалит поврежденный участок кости вместе с инородным предметом, а дефект закроет металлической пластиной,

затем ушел на операцию.

* * *

Она явилась после десяти. В приемном покое было тихо — новые пациенты не поступали, с матерью девочки Анисимов переговорил и отправил ее домой. Он задумался: что это — просто затишье перед бурей и ему присесть за ночь не удастся, или, может, ночь так и пройдет, спокойно и тихо, и все, что могло, уже произошло? Катя заварила чай и устроилась со своей чашкой возле подоконника, боялась пропустить подъезжающую скорую. Он расположился на диване, расслабился, вытянул ноги. Но вместо скорой к крыльцу приемного подкатила красная «Ауди». Катя наблюдала в окно, как женщина закрыла машину, как поправила платье и прошла в сторону приемного.

— Анатолий Сергеич, у нас гости. Вся из себя дама. Может, проверяющая? — Катя сказала со значением, как бы спрашивая, что делать.

— И черт с ней, — махнул рукой Анисимов. — Что теперь, дорожку ковровую расстилать среди ночи?

Катя засмеялась, он улыбнулся в ответ. Но тут без стука двери ординаторской открылись и в проеме показалась Вера. Всем своим видом она демонстрировала, насколько готовилась к этому визиту. Идеально уложенные волосы, платье с достаточно глубоким декольте, подчеркивающее стройность фигуры. Сумочка и обувь из одной дизайнерской коллекции, воздушный шарф на шее под цвет туфель на высокой шпильке. Тонкий шлейф дорогого парфюма... Она как будто сошла с подиума и контрастировала с тем местом, где оказалась.

— Толя, надо поговорить, попроси девочку выйти.

— Вера?! Что-то случилось?! С Ритой? Что с Ритой? — в его голосе была паника.

— Успокойся! Я пришла поговорить. Поздно? Может быть, но лучше поздно, чем никогда. Попроси девочку выйти.

Катя, растерявшаяся сначала, выскочила из кабинета, прикрыв за собой двери. Вера же не заговорила, пока не расслышала звук удаляющихся шагов.

— С твоей Ритой ничего интересного. Эффекта от терапии нет, и ты это прекрасно знаешь. Думаю, что кроме раздражения и ненависти ко мне я вызвать у нее ничего не могу. Я присяду, да? Ты, если хочешь, можешь курить, ничего против не имею.

Она пододвинула стул, на котором сидела Катя, и устроилась напротив Анатолия.

— Хорошо, давай прекратим визиты Риты к тебе. Ты хочешь сказать что-то еще? Вера, ну не затем же ты приехала, чтобы сообщить о неэффективности терапии.

Вера жестом заставила его замолчать.

— Она тебе не пара. Выслушай меня. Я пришла извиниться, — ее голос дрогнул лишь на какое-то мгновение, но она взяла себя в руки.

— За что?

— За то, что я сделала с нами три года назад или, может быть, раньше. Толя, я считала, что секс без любви — это не измена. Это плата за некоторые услуги. У меня не было денег на подарки и взятки, а просто так диссертации не защищаются, ты и сам знаешь. Мне нужен был рост. Я не думала, что ты так отреагируешь, это была сделка. Всего лишь сделка! К тому же, когда мы с тобой поженились, мы не любили друг друга. Да, была симпатия, но не

больше. Ты знал, что и до тебя у меня были мужчины, а я прекрасно понимала, что не первая женщина в твоей жизни.

— К чему все это, Вера?

— Ты не понимаешь? Я состоявшийся человек, доктор медицинских наук, а вошла сюда и завидую этой девчонке, твоей любовнице, которая смотрит на тебя щенячьими глазами и раздвигает ноги по первому требованию. Не возражай! Не рассказывай мне сказки, что у тебя с ней ничего нет! У каждого хирурга есть своя медсестра. У тебя — эта. Я по глазам ее вижу. Я даже Рите твоей полоумной завидую, потому что у нее есть ты, потому что ты делишь с ней постель и кров. Потому что вы едите за одним столом. Потому что ты собираешься на ней жениться!

— Вера, тебе нужно обратиться к психологу... И с медсестрой у меня нет никаких отношений, она в дочери мне годится.

— Зачем мне к психологу?

— Лечиться от зависти, наверно.

— Чему мне завидовать? У меня есть все.

— Если бы у тебя было все, ты не сидела бы сейчас при полном параде напротив меня и не теребила бы нервно шарф. Хочешь меня соблазнить? Ты красива, только нет у тебя ни души, ни совести.

— Не простила? — произнесла она еле слышно.

— И не думал прощать. Вычеркнул из жизни и пошел дальше. Хорошо, что наш брак не был скреплен любовью, так хоть не так больно. И детей нет, что тоже просто замечательно в данном случае.

— Ты хотел детей? Толик, ты серьезно? Ты говоришь о детях как о компоненте семьи? Да если бы они были, об отце знали бы только по моим рассказам. Ты же всегда на работе, у тебя операции, тяжелые больные, наука, статистика, вскрытия, вечное чтение журналов, конференции, доклады, статьи, снова больные. — Она вновь стала прежней — уверенной в себе.

— Вера, я рад, что у нас нет детей. Семьи тоже не случилось. Моей женщине ты помочь не смогла, но пыталась. Спасибо тебе за это.

— Толь, я хочу, чтобы ты знал. Я скучаю по тебе. Не ценила, когда имела, а как ушел... Я на стены лезла. Любила я тебя, а может быть, и сейчас еще люблю.

— Ты же психолог, знаешь, что и как объяснить. Вот на своей шкуре прочувствовала. Это синдром отмены, не любовь.

— Ты жесток.

— Я жесток?! В чем?! Что не могу закрыть глаза на подлость? Вера, я ВСЕ помню, я не простила и не прощу никогда. А ты помнишь тот день?! Я рано пришел с работы, я уволился как раз, а тут вы в однозначной позе. Не я изменил тебе. Я верил и радовался твоим успехам. И да, я хотел детей. Чтобы семья как семья. Чтобы жизнь не коту под хвост.

— Толя, я же только ради нас, ради карьеры... Да не было у меня к нему чувств! Не измена это! А ты?! Как ты мог уволиться? И вообще так поступить. У меня в голове не укладывается: поставить крест на будущем перед самым финишем!

— Уходи, Вера. Лучше уходи.

— Толь, а ведь Рита твоя... Или как ее там? Ты даже этого не знаешь! И думаешь, что она лучше меня?! Думаешь, семью тебе даст? Нет, Толя. Нет! Ты шило на мыло меняешь. Она потребитель, пиявка. И чувств к тебе у нее нет. Ты для нее пустое место, средство к

существованию. Жалость тебя погубит. Зачем ты пустил ее в свою жизнь? Уж лучше бы девочку эту, с которой ты на работе кувыркаешься. И не возражай. Я лучше знаю. С ней все можно — и расслабиться, и кайф словить. А эта малышка тебя, идиота, любит. Как она на меня глянула! Да она за тебя убить может! Или грудью от пули закроет. А ты... Мужчины... Все, уйду! Черт с тобой! Но я рада, что сказала тебе все, что хотела. Надумаешь вернуться — возвращайся. Я, может, и сильная, но всего лишь женщина. И я люблю тебя!

Анатолий ей ничего не ответил, проводил до дверей приемного покоя. Смотрел, как села она в машину, как стукнула ладошками по рулю, как завела мотор и рванула с места.

На душе было хреново. Восемь лет прожил он с этой женщиной. Восемь!

Еще постоял на крыльце, выкурил сигарету, вернулся в приемный.

— Кто это приходил, Анатолий Сергеевич? — спросила баба Нина.

— Жена бывшая.

— Бывшая?

— Ага! Бывшая, и этим все сказано. Катюш, дело у меня к тебе, пойдем поговорим.

* * *

Вернулась Катя не в настроении. Налила себе горячего чаю, присела рядышком с санитаркой и задумалась.

— Ну что, Катюш?

— Ничего, прилег доктор. Пусть поспит, пока можно.

— А звал зачем?

— Да там по больной одной вопросы были. Баба Нина, он слепой, глухой или бесчувственный?

— Судя по бывшей жене, он просто битый.

— Ну да, куда мне до нее. Да и не хочу такой быть.

Баба Нина взглянула на девушку с состраданием. Знала о чувствах Кати, да что поделаешь... Не видел доктор Анисимов в ней женщину. Симпатизировал, ценил, питал, скорее, отеческие чувства. А девушка ждала, ловила каждое слово, взгляд, мечтала, отвергала всех, кто пытался ухаживать за ней. Михайличенко же просто ненавидела. Как радовалась Катя, когда Анисимов был у нее в гостях. И ничего ж особенного в том, что они с мамой накормили его обедом, не было. Но возникла сопричастность. Ради Анисимова Катя пошла бы на многое. И пусть Анатолий и не давал повода, но она любила. Мечтать не запретишь!

ЧАСТЬ 18 Хозяин чужого дома

Уложили Женю, вернулись на кухню. Татьяна Петровна выставила на стол пироги.

— Духовка тут, оказывается, есть, Сашенька, я разведала наконец. Представляешь, там внизу, в подвале, основная кухня. Сегодня я пошла и случайно совершенно в дверь ткнулась, думала, кладовая, а то кухня. Потом пришел этот охранник, Федор, мне показал, где управление, — мать Минина всплеснула руками, — так подъемник там, и вот в это окошко подает! — Она раскрыла дверцы встроенного буфета, за ними была шахта подъемника. — Чудной дом какой. Сколько средств вложено!

— Зачем оно все? — Александр думал о своем. Вот — богатство, мифический хозяин дома не знал, как выпендриться. И что? Сам он где? По заграницам прячется. Конечно, там у него может быть пять таких домов.

— Кто же его знает зачем, Сашенька. В подвале там... бункер! Идем, я тебе покажу! Знаешь, как я испугалась сегодня! По лестнице спустилась, дай, думаю, погляжу, что там, знать-то надо. Ну и вот, сошла, а дверь и прикрылась! Я со страху не поняла, что надо ручку вниз опустить, дергаю, дергаю — захлопнула! И страшно мне стало, стены там толстые, кричи не кричи — не услышат. Аж сердце затрепыхалось. Думаю: ты меня не найдешь!

— Ну что ты, мам, конечно нашел бы. А зря пошла. Мало ли что тут.

— Но знать же надо! Как я могу жить в доме и не знать, что в соседней комнате?

— Зачем? Вот есть у нас жилой этаж. А в подвал и на верхний не надо ходить. Двери закрыть, там, Игорь показывал, есть электронные замки везде. Заблокировать, и все, как будто нет этих помещений.

— Нет, Саша, ты не прав. Нельзя блокировать. А если там пожар?

Татьяна Петровна говорила, продолжая заниматься ужином. Видно было, что ей нравится, что она совершенно счастлива рядом с сыном.

Минин сел во главе стола, «кухня» больше напоминала гостиную. Большие окна в сад, выход на террасу.

— А что так задержался сегодня? Женя все про лошадей болтала, а ты ничего не рассказал. Как дела в кафе?

Мама Минина была в курсе всех дел, жила ими больше, чем Александр. Как ни странно, ее, до мозга костей просоветскую, убежденную в старой идеологии, да еще и жену офицера, вдвойне воспитанную в духе социалистической морали, увлек малый бизнес. Александр только диву давался, как мама загорелась идеей. Многие из того, что он осуществил, было предложено Татьяной Петровной. Сам он не то чтобы тяготился работой — он любую делал бы исправно и не за страх, а за совесть, ну, а тем более ту, что Игорь поручил, — и все же не чувствовал этот бизнес своим. Не лежала душа...

— Знаешь, я столько лет в гарнизоне просидела, там или только семья, почетное домохозяйство, или куда-нибудь в парикмахерскую иди работать. А Володечка же не пустил бы. И вот оно — хозяйство, хозяйство. В гости друг к другу ходили. Ты помнишь, как у нас собирались? Полгарнизона. Скучаешь по армии, Саш? — без перехода спросила она, присела напротив, полотенчико кухонное сложила вдвое, потом вчетверо, разладила на полированном деревянном столе.

— Да где она, армия, мама? То, чему нас учили, развалилось все, а что там новое? По делу настоящему я скучаю, но разве можно жаловаться? Ты же видела, — он помрачнел, —

когда приехала...

— Все я видела, Саша! Так это Ольга твоя виновата! Я же говорила, умоляла тебя, зачем ты с ней связался!

— Не надо, мама, об умерших или хорошо, или никак... Нет Ольги. И вина на мне.

— Да ты тут при чем?

— При том...

— Даже не говори мне, я слышать не хочу! Придумал, — Татьяна Петровна отбросила полотенце, встала, отошла к раковине, пустила воду. Мыть было решительно нечего, на кухне все и без того сверкало чистотой. — Вот прямо ты меня разозлил, Саша! Хоть и просишь или хорошо, или никак, а я скажу! Ольга тебе жизнь сломала! Ее Бог за это и наказал.

— Мама!

— Да, а что? Ты же до чего себя довел? Мне Игорь рассказал, как тебя в больнице встретил. Это уму непостижимо. Ты такой специалист прекрасный, академию с отличием закончил. Ведь служил бы сейчас, не всех сократили, Саша, ты бы точно служил. Пусть на Севере или еще где-то. И что такого. Подумаешь, ей понадобилось в столице жить. Вот и дожилась! — Татьяна Петровна в сердцах крепко завернула кран.

Минин молчал. Он и сам часто думал об этом, что, возможно, и не сократили бы, что служил бы на рубежах, что не навсегда эта неразбериха, а без космической обороны страна не проживет...

— Что было бы, того нет, мама, а Ольга... Без нее Женя не появилась бы. Она Женина мать, и не надо ничего говорить, ладно? Ни плохого, ни хорошего. Сорок дней прошло, мы не помянули даже. И на кладбище я не был.

— А что тебе туда идти? Все там нормально, Игорь все устроил, ограду, раковину, все что надо. И земля ей пухом. Все, забыли. Больше ни слова не скажу! Обещаю.

— Знаешь, мама... я... неправильно все это, я по ней и не плакал даже. Ушла она, и все, и нету. А ведь любил.

— Что ты знаешь о любви, сыночка? — Татьяна Петровна подошла, обняла, притянула к себе, гладила по голове. — Не было у тебя с Ольгой любви. С такими, как она, и быть не может.

— А с кем тогда?

— С хорошими. С правильными. Найдешь ты себе еще настоящую.

— Нет, — Минин освободился из ее рук, встал из-за стола, — мне хватило и любви, и всего прочего. Вот есть Женя, и все — это и хорошее, и правильное, и настоящее. Идем бункер смотреть, если не блокировать, то надо напротив все двери отключить от автоматики. Чтобы ты не пугалась, да и Женя может.

— Все да не все, а бассейн?

— Бассейн — это проблема.

— А может, восстановить его? Федор говорит — несложно. Или хозяин заругает? — она оглянулась на дверь, как будто хозяин коттеджа мог сейчас войти.

— Хозяину вряд ли до бассейна и в целом до дома, ему бы свою задницу прикрыть. А может, и правда восстановим, поплавать бы не плохо. И Жене полезно, плавание укрепляет.

— Так пошли посмотрим. И с дверью придумай что-нибудь. И про кафе не рассказывал, что там новенького?

— Матвей предлагает летнюю террасу. Поехали завтра со мной — посмотришь,

посоветуешь. И за Женей присмотришь, а то у меня сегодня глаза в разные стороны. Она к лошади рвется, меня Матвей в кафе тащит. Хорошо Ася помогла, заняла Женю, пока мы там обмеры делали.

— Кто это — Ася? — задержалась на пороге Татьяна Петровна и глянула на сына.

— В конюшне работает, жокей вроде, — уклонился от подробностей Минин. Этим ему почему-то с матерью делиться не захотелось. — Показывай бункер.

— Папа, у нас есть морковка?

— Что?

— Морковку надо с собой. Бабушка поедет с нами, да? Я ей Лаки покажу. Ася разрешит?

Вопросы сыпались один за другим, Минин не успевал вставить слово.

Женя прибежала в комнату отца еще не причесанная, босиком и в пижаме. За девочкой следом вошла Татьяна Петровна.

— Женечка, вот что ты босиком?

— Не холодно, ба!

— А косу заплетать?

— Давай тут, — Женя уселась на кресло за рабочий стол, выпрямилась, скрестила руки на груди. — Я начальник.

Татьяна Петровна и Александр засмеялись. Женя долго не усидела, потянулась к бумагам на столе.

— Женя, не трогай, — успел остановить Минин, она отдернула протянутую руку, как будто обожглась. Александр осекся. Все еще боится, стоит сказать чуть строже — сжимается в комочек...

Татьяна Петровна сгладила ситуацию.

— Мне в кресле неудобно заплетать. Пойдем-ка к тебе, начальник, там у нас и заколки остались, и резинки. А папа тут пусть собирается. Чем быстрее соберемся, тем быстрее поедем.

— А ты правда с нами?

— Да. Но после завтрака. И ты приходи, Саша, поешь. А то потом на работе закутишься и будешь голодать, точно как отец.

— Бабушка, а у нас есть морковка? — вспомнила главное Женя. — Мне надо для Лаки.

— Все у нас есть, детка.

— Тогда побольше возьми. Он, знаешь, какой большой, во-о-о-от такой! — Женя развела руки в стороны и растопырила пальцы.

— Да что ты говоришь, такой огромный? — Татьяна Петровна поймала девочку за руку, ссадила с кресла, повела за собой. — Ну идем, идем, пусть папа тут сам. Саша, мы тебя ждем завтракать.

ЧАСТЬ 19 Лакрейм и Женя

На конюшне было оживленно. Открытый манеж разгородили препятствиями, жокеи тренировались в прыжках. Смотреть было интересно, но и страшновато. Минин немного посидел с Женей и мамой на трибуне, но долго не мог оставаться, его присутствие требовалось в кафе.

— Иди, иди, Саша, мы тут сами справимся, — заверила Татьяна Петровна, — а потом я твою документацию бухгалтерскую посмотрю. И надо же думать о наборе персонала.

— Сейчас, там еще стройка вовсю, на открытой террасе и конь не валялся.

— А кони разве валяются? — удивилась Женя.

В это время одна из лошадей, ближе к их краю на манеже, заартачилась, не стала прыгать, взбрыкнула, встала на дыбы, заржала визгливо. Минин покачал головой.

— Не знаю про лошадей, а вот всадники точно валяются. Может, мы уже пойдем отсюда? Вместе...

— Не-ет! Папочка, я хочу смотреть. И к Лаки хочу.

— Ну, Лаки мы тут точно не увидим, он болеет и вряд ли прыгает, — ответил Минин.

— Что же это за Лаки такой? — спросила Татьяна Петровна.

Минин собрался ответить, но в одном из жокеев узнал Асю. Из-под шлема выбивались ее длинные волосы. И что-то еще в облике его зацепило и дало понять, что это она. Девушка сидела на высоком вороном коне. Вот они разогнались, она приподнялась на стременах и легко взяла препятствие. Конь перелетел препятствие без всякого труда, словно и не чувствуя на себе всадницы. Но именно Ася управляла им. Это было красиво! Позабыв, что собирался уходить, Минин снова сел рядом с Женей. Тут и девочка узнала Асю.

— Папа, смотри! Вон там, это Ася! — закричала она, немногочисленные зрители, что сидели ближе к манежу, обернулись.

— Тише, Женя, тут кричать нельзя, — остановил Минин, он правда встревожился вдруг, что лошадь испугается, шарахнется и причинит Асе вред. — Тут или тихо надо сидеть, или пойдем со мной.

— Я буду тихо, — прошептала Женя и зажала рот ладошками.

Минин наклонился и поцеловал ее в щеку.

Они высмотрели всю тренировку. Потом подошли к Асе, когда она вела жеребца в конюшню.

— Мы видели! Я тоже так хочу! — без приветствия начала Женя.

— Ну вот, — укорила Татьяна Петровна, — а поздороваться?

— Здравствуйте, — девочка притихла.

— Здравствуй! — Ася стянула перчатки, протянула Жене руку, другой удерживала повод. — Сейчас я только Наполеона конюхам отдам и вернусь. Вы тут подождете? — спросила она у Минина.

— Да я-то... мне идти надо, — непривычно смутился он. — Вот, это моя мама, Татьяна Петровна, — представил Александр, — Женю вы уже знаете. Они очень хотят посмотреть Лаки.

— Я думаю, он будет рад Жене, — улыбнулась Ася.

— Ты иди, иди Саша, мы тут сами, — повторила Татьяна Петровна. И встречно

улыбнулась Асе. — Мне про вас Женечка вчера весь вечер рассказывала.

На прогулках Лаки бродил понуро свесив голову, безучастный к окружающим. И только при виде Жени оживлялся. Прядал ушами и тихонько ржал. Или вздыхал шумно. Брал у девочки морковку, яблоки. Постепенно жеребец начал проявлять интерес к жизни.

Ася просила Минина приводить Женю так часто, как это возможно. Понятно — за коня переживала. От прямых объяснений, что случилось с Лакреймом, уклонялась. Отдельвалась общими фразами. Упоминала хозяина и какую-то трагическую историю. Минин не настаивал. Какая разница, не хочет говорить — и не надо.

Но случилось нежелательное, заботы Аси о Лаки переросли в нечто другое. Девушка радовалась Александру и не пыталась скрывать этого. Расцветала улыбкой и смотрела на Александра с обожанием. Стоило Минину появиться рядом, она вокруг уже ничего и не замечала. Девушка по неопытности своей не догадывалась, что происходит, но Минин-то прекрасно понимал! Он не хотел сближения, а втягивался и втягивался.

Вот уж глупость, снова на те же грабли наступать. Помнил он пресловутый отпуск в Турции — чужая страна, навязчивый турсервис, неподходящий климат, в завершении всех неприятностей у Минина тогда еще и деньги украли. Он все, что было с собой, в барсетке таскал, вот и срезали на базаре, куда молодая жена потащила его за сувенирами. Насилу вернулись домой.

Теперь он вдовец, слово унылое, но по существу правильное, совершенно другая должна быть жизнь. Ради Жени. Так он постановил!

А Татьяна Петровна, как назло, масла в огонь подливала. Познакомившись с Асей в один из своих приездов в конный клуб, она тут же потянула девушку в дом, в гости. Зачем? Минин и думать не хотел, что мать сводит его с Асей. Разве что бессознательно.

Но Татьяна Петровна уже и о том заговорила, что одновременно помогать с бухгалтерией в кафе и справляться с таким большим хозяйством дома — тяжело, а вот если бы Ася взяла подработку. И Женечка с девушкой так ладит. И Асе лишняя копейка не помешала бы. Все только выиграют, если...

Александр категорически отказывался даже думать об этом. Но Татьяна Петровна наседала активно, она умела быть упорной. И сына своего знала хорошо. Потому продолжала по принципу «вода камень точит», используя капризы Жени как оружие массового поражения.

С матерью Минин еще справился бы, а вот с Женей — никак.

Девочка рвалась к Лаки. Минин опасался этих контактов, во всяком случае, когда Аси рядом не было, то он дочку к жеребцу не подпускал. стыдно признаться, сам побаивался непредсказуемости лошадей. Ну а что тут позорного? Не на кавалериста же в военной академии учили!

За все время пребывания в конном клубе у Минина и мысли не возникло подняться в

седло и проехаться в смене. А вот Женя просилась. И не на низкорослом пони, а на Лаки. Только на Лаки, ни на какой другой лошади.

Ася останавливала, говорила, что жеребец еще недостаточно поправился. Женя смирялась. Но через десять минут опять начинала свое.

«Лаки, Лаки, Лаки...» — только и слышал Минин.

Непостижимым образом именно Лакреим явился связующим звеном между Женей, Асей и самим Александром.

Кто бы мог сказать, почему Лаки потянулся к Жене?

А она, всегда пугливая — на улице от маленькой соседской собачки шарахалась — и вдруг жеребец, в холке больше полутора метров высотой, в пет любимцах...

И сразу такая взаимная привязанность. Просто обожание.

Женя рвалась на конюшню, капризничала, плакала, требовала. Лаки, как сил набрался, тоже начал выдавать капризы, беспокоился, копытами в стены грохал, стоя в деннике, есть отказывался, если Женя не приходила.

Кончилось тем, что Минин чуть не каждый день стал брать дочку с собой.

Сам он не вылезал со стройки, Матвей Федорович завелся не по-детски, фантазия у него была ключом и все по бюджету. Минин вздыхал, отписывался Игорю, тот не спорил, давал добро, переводил деньги на счет.

Федорович довольно потирал большие натруженные шорным промыслом руки и посмеивался в бороду:

— Дела идут, контора пишет, — и все устраивал и благоустраивал их детище.

Под неусыпным надзором новоявленного дизайнера и прораба в одном лице, уже и подиум для уличных столов соорудили, и полосатый тент, как на Монмартре, натянули. А Федорович свое:

— Чего-то не хватает. А, вот что сделаем...

Придумали еще ограждение с цветами в ящиках. Балясины резные, все в стиле салуна. Потом и близлежащую территорию облагородили. Выложили плиткой, насадили цветов в альпийской горке, дорожки забутили в цветнике. Получился уютный островок для отдыха. Необычно, романтично. Внутри кафе у стойки — музыкальный аппарат, вот это экзотика!

Дирекция клуба хмурилась, жокеи и конюхи ворчали, что скоро негде будет тренироваться и лошадей вываживать, все займет «общепит».

Но это до открытия, а потом сами в кафе потянулись.

Хозяева лошадей тоже полюбили после тренировок в салуне посидеть, а уровень крутизны у них был немалый. По машинам на парковке можно судить, ниже Мерина не опускались.

Когда встал вопрос о названии кофейни — идею подала Ася. Они с Женей в процессе бесконечной возни с Лаки так подружились, стали не разлей вода, как сестры. И все обсуждали.

Вот прибегают Женя к Минину, с порога кричит:

— Папа, папа, а давай назовем кафе Лаки? И лошадку на вывеске нарисуем, как через барьер прыгает.

В тот момент и Татьяна Петровна рядом была, Минин возразить не успел, а она уже поддержала.

— Почему бы и нет, Саша? Хорошее название. В переводе с английского — это будет «Счастличик». И станут говорить: «Идем у Лаки посидим».

Минин с матерью спорить не стал. Лаки так Лаки.

И ведь прижилось! Именно так и стали говорить.

Ася потом обмолвилась, что историю жеребца все в клубе знают. И жалеют и его, и хозяина. Почему жалеют — не уточнила. А Минин не расспросил. Отложил и это на потом. Поинтересовался только, почему хозяин не появляется, приехал бы хоть раз коня проведать.

На что Ася ответила:

— Александр Сергеевич в Германии живет.

* * *

В Деннике было пусто, так показалось Александру. Низкое закатное солнце шло поверху через небольшое окно, слепило глаза, потому Минин не сразу рассмотрел, что делается внутри. Приятно пахло свежим сеном и лошадьёю. Минин уже привык к этому запаху, в конном клубе он был почти на всем — на амуниции, егерях и жокеях.

Присмотревшись, он испугался! На соломе лежал Лаки, а рядом с ним, у самой его морды сидела Женя, она склонилась к лошадиной шее и спала.

Минин замер, первой мыслью было кинуться и вытащить девочку, но если жеребец встанет, то может затоптать. Одного его шага достаточно, чтобы нанести Жене травму.

Минин не двигался, не шевелился и Лаки. Конь и человек смотрели друг на друга.

Лакрейм как будто понял то, о чем его безмолвно просил Минин. По коридору конюшни быстрые шаги, кто-то бежит вдоль денников. Лошади фыркают и ржут призывно, значит, не чужой — узнали. Но Александр боялся оглянуться и посмотреть, не мог отвести глаз от Лаки и Жени.

— Вот она где! — услышал он за спиной. — А я ищу, ищу. Татьяна Петровна по двору бежит... а я так и думала, что Женя к Лаки вернулась.

За спиной Минина остановилась Ася.

— Женя, — позвал Минин.

— Пап! — девочка проснулась и терла глаза. — Ты уже освободился?

— Да, дорогая, иди сюда, мы тебя ищем везде, — отвечал Минин, стараясь говорить тихо и как можно спокойнее.

— А я спала. Лаки теплый! Я ему про нас рассказывала. Ему можно к нам прийти? С Асей?

— Можно, — Александр протянул руку к дочке, — а сейчас иди сюда.

— Сейчас, — девочка обхватила морду Лаки, — я приду к тебе завтра. Жди! — и поцеловала храп и потом верхнюю губу. — Он теплый и мягкий. Иди погладь его, иди...

Минин обернулся на Асю, та едва заметно отрицательно качнула головой. Он понял,

глазами показал ей «да».

— Нам надо идти, Женечка, а то конюшню закроют. Пойдем. Сегодня к нам Ася в гости.

— Да, Татьяна Петровна меня звала, — подтвердила Ася.

Женя сейчас же оторвалась от Лаки и подошла к отцу, Минин тут же подхватил ее на руки. Только тогда Лаки с трудом встал.

Александр облегченно перевел дух.

— Мы сначала пошли в конюшню вместе, покормили Лаки, Женя побыла с ним, и Татьяна Петровна все время смотрела, а потом... потом на улицу вышли, из клуба к лесу, там по дороге есть около детского садика площадка с лесенками и горкой, разговорились. Смотрим — Жени нет. Испугались, что она в лес... Про конюшню я не подумала.

Ася как будто извинялась, видно было, что она испугалась не меньше Минина.

— Она бывает упрямится, мама говорит, я избаловал...

— Татьяну Петровну теперь надо найти, а то она бегаёт по территории, Женю зовёт.

— Это я виноват, не место ребёнку тут. Мала ещё.

— Нет, папа, я хочу, — тут же встряла Женя, — я и завтра пойду, а сейчас Ася к нам, ты же сказал...

— Женя, наверно, уже поздно, может, я в другой раз? — попробовала отговориться Ася, вероятно, ей неловко было, скорее всего, девушка подумала, что слова Минина про приглашение в гости только ради того прозвучали, чтобы Женю убедить подойти.

— Нет, Ася, мама будет рада, и я, конечно, тоже. Пойдемте к нам, тут близко совсем. Потом я вас отвезу, куда скажете. Вы в городе живёте?

— Нет, в Огоньках. Это далеко.

— Как же добираетесь?

— На автобусе.

— Вот я вас и отвезу, а сейчас идем маму мою искать. Что же все растерялись сегодня? — засмеялся он, прижимая к себе Женю. Напряжение отпустило.

— А Лаки бы не наступил, — читая его мысли, сказала Ася, — лошади чувствуют. А Лакрейн очень умный.

— Расскажите про него?

— Долгая история и грустная.

— Из-за этого он заболел? — перебила отца Женя.

— Да, — ответила Ася. — Я расскажу. Только сначала Татьяну Петровну найдем.

ЧАСТЬ 20 Все не так

В это воскресное летнее утро шел дождь. Он шел вчера и позавчера, но сегодня серое мрачное небо особым образом давило и наводило тоску, и ее холод пробирался в самые дальние уголки души...

Как же паршиво! Анатолий не раскрыл зонтик, дал каплям намочить волосы, лицо, затечь за ворот и так уже мокрой рубашки, которая противно липла к телу. Все к черту. После таких ночей понимаешь всю тщетность бытия и свою никчемность.

Смерть победила в этот раз...

Он снова и снова прокручивал в голове ход операции. Что и где пошло не так, почему вдруг резко начался отек и мозг просто выдуло в операционную рану? Боролись до последнего, анестезиолог сделал все, что мог, но слишком поздно. Так и стояли потом над телом, смотрели в лицо этой красивой девочке, у которой уже никогда не будет завтра, а было только вчера. А может, самой смерти в лицо, ведь она там в каждой уже распадающейся клеточке, во всех обменных процессах, направленных не на созидание, а на разрушение...

Вот так, был человек — и нет его больше. Осталась память и горе, которые пойдут теперь рука об руку с матерью, отцом, еще не осознающими всю полноту утраты. Они ищут виновного, жаждут справедливости в столь неоднозначном мире. И находят, в первую очередь — хирурга, проводившего операцию. Орут, ругаются, обещают засудить и посадить или плачут, воют у него на груди...

Никто не думает о его мыслях и чувствах, никто не понимает, что для него это тоже утрата и горе, ведь он был там, боролся и проиграл битву со смертью...

Домой добирался пешком. Продрог совсем, но привел мысли и эмоции в порядок. Мечтал о чае с коньяком и теплой постели. Выспится, примет ситуацию как она есть, потому что завтра рабочий день, будут новые больные, и он обязан вернуть самообладание и способность мыслить трезво. Прийти домой, рассказать все Рите. А она поймет! Она же его женщина, любимая женщина...

Открыть двери ключом не удалось, изнутри оказалось заперто на задвижку. Пришлось звонить. Рита впустила, глянула и отшатнулась, как от прокаженного.

— Ты пьяный, что ли? Какого черта зонтик не раскрыл? Теперь стирать все придется.

В ее голосе слышалось раздражение, а хотелось сочувствия. Хоть бы спросила, все ли с ним в порядке. Почему он не раскрыл долбаный зонтик! Нет, ее волнует промокшая и грязная одежда. С какой стати ее это беспокоит, он тоже не понимал, она не стирала ничего, разве что свое белье. Утверждала, что от порошка шелушатся руки, особенно от индийского голубого.

— Постираю, — грубо ответил Анатолий. Он только хотел, чтобы она замолчала и перестала придирааться.

На кухне слышалась возня, а значит, в доме кто-то был и явно не свой.

— Я спать, кто у нас? Я просил не приводить в дом посторонних! — Толик попытался отодвинуть Риту и пройти в комнату.

— Нет уж, мы тут с Таней готовили, тебя ждали. И дело у нее к тебе, вернее, к нам. Толя, это серьезно, — последнюю фразу она проговорила шепотом.

Но с кухни раздался голос соседки.

— Проходите, Анатолий Сергеевич, мы сейчас с Риточкой вам чай организуем. Да поговорить надо.

— О чем? — он встал в дверях.

— Так вы за стол присаживайтесь, чашечка которая тут ваша?

— Начнем с того, что и кухня моя, а что вы тут забыли — непонятно.

— Ну что ж вы так грубо, Анатолий Сергеевич! Вроде бы врач, образованный человек, должны быть выдержаны и тактичны.

— Я у себя дома. А вас в гости не звал. Или путаю что-то?

— Да нет, не путаете, вот я о вашей гостеприимности и пришла поговорить. Риточка у вас проживает на каком основании? Это я у вас как старшая по дому спрашиваю. Паспорт она мне показала, так там прописка на Пирогова, вот и скажите мне, кто за воду, газ, мусор вывезенный платить за нее должен? И в каких вы отношениях, разрешите полюбопытствовать? Человек вы солидный, а живете с женщиной вне брака. Так?

— Коммунистическая мораль не позволяет жить без брака? Послушайте, соседка, старшая по дому, идите-ка вы на хрен, к чертям собачьим. А я с чашечками сам разберусь.

Татьяна подхватила и выскочила из кухни. По дороге задела мокрого Анатолия, брезгливо поморщилась гавкнула: "Я вам этого так не оставлю", и вылетела из квартиры.

— Толя, ну что ты так с ней? Иначе никак нельзя было?

— Киса, я просил никого чужого в мой дом не пускать, — он повысил голос.

— Твой дом! Да, я поняла, я здесь никто! Твой дом! Твоя жизнь! А кто я здесь? Киса? Котенка ты подобрал бездомного, хочешь — кормишь, не захочешь — выкинешь. Ты, когда трахаешься со мной, хоть за человека меня считаешь? Я живая, Толик! Я чувствую, я переживаю. Я с работы тебя жду. Но я лишь Киса. Никто, даже имени человеческого у меня нет и жизни нет. И ребенка нет, ты меня убеждаешь, что был ребенок, потому что я рожала. А я не помню!!! Слышишь, о самом дорогом не помню! Или жизнь у меня была такая, что ее вспоминать не хочется. А теперь что? Лучше, что ли? Я ж не человек, я Киса! И соседка прийти может документы потребовать, спросить, на каком основании я воду пью и чайник грею? Неужели мои мать с отцом, что меня на свет произвели, доли мне такой хотели? За что мне все это? За что?!

Она сползла по стенке на корточки, обхватила голову руками и рыдала в голос. Выла, как животное, а он смотрел на нее не шевелясь, думал. Потом подошел, поднял за плечи, прижал к себе.

— Прости, я мокрый, но горячий, согрею сейчас. Ну что ты?.. Не плачь. Я понимаю. Киса, я правда понимаю, и ты для меня человек, женщина, любимая женщина. Не плачь, пожалуйста. Давай искать твое прошлое, может, жив ребенок.

— Нет! Толечка, был бы жив — я бы не забыла. Ты не отпускай меня, держи вот так, грей, ты горячий, родной. Я же с тобой, не уйду, не ищу ничего лучшего. Хоть и не подарок ты. Характер вон какой грозный, взял управдомшу выгнал. Я знаю, почему она на тебя злится. Она виды имела, думала вот тут на груди твоей греться, а тут я. Пусть дефектная, но постель с тобой делю. И сердце твое забрала. Ведь забрала же? Ну скажи, честно-пречестно. Скажи, что любишь меня.

— Люблю, ты ж знаешь, — он целовал ее ежик, гладил руками плечи, спину, а потом губами коснулся ее губ.

А потом его потянуло в омут. Он и не сопротивлялся, вздохнул обреченно или радостно, черт его знает! Не важно! Не имеет значения то, что осталось за стенами этой квартиры, где теперь живет она. Рита. Его Рита! Или Киса, или другое имя, какая разница — главное, что его. Сейчас он возьмет ее.

Вождеделение захлестнуло до боли, вымело из головы все мысли кроме одной — войти в нее скорее. Войти, чтобы она обхватила ногами, руками и мышцами внутри себя. Он знал что так будет.

— Киса...

Рита поняла, рванула у него на груди рубашку, стала сдирать ее с плеч Анатолия. Мокрая ткань липла, не слушалась.

— Толик, ну Толик же... идем... сними это...

Она подалась вперед и терлась об него, нащупывала собой твердость члена, стонала, тряслась.

Невменяемая. Возможно, это нарушения, связанные с травмой... Дурацкая медицинская мысль мелькнула и потонула в жгучих вспышках вождеделения. Чем больше Анатолий знал о том, какая Рита в постели, тем зависимее от этого становился. Он подсаживался на нее, как на наркотик. Страшно и притягательно.

Рубашка трещала, рвалась, ползла с плеч.

— Дай я сам, быстрее будет, — выдохнул он, сбрасывая одежду. А руки ее уже там. Там! На его возбужденном члене.

— Ты хочешь меня, Толечка, хочешь...

Она поползла по нему вниз, подтолкнула руками, чтобы привалился к стене, а дальше ее губы вобрали его весь. Исчезло все, кроме ощущений — касания ее губ и языка.

Только что рыдала, теперь смеется. Трогает, возбуждает.

— Идем, Толя, идем, я так хочу... Дай мне его!

И он давал и отдавался. Все было так. Знакомо, предсказуемо, невероятно. И сверху, и сзади, и ее ноги у Анатолия на плечах... И снова, снова, снова...

Сколько раз? Он не считал, может быть, три или больше. Потом тесные объятия, забытье рядом с ней, потной, обессиленной, удовлетворенной, принадлежащей только ему.

Проснулся Анатолий от телефонного звонка. Встал, пытаясь не потревожить спящую Риту, добрался до телефона.

В голосе матери сквозили слезы. Удивился, что она звонит в необычное время, выслушал о внезапно навалившейся тоске и чувстве беспокойства. Объяснил, что у него все хорошо, зря она так волнуется. Вроде бы успокоил. Подобрал разбросанные в коридоре вещи, выкинул в ведро порванную рубашку. Постирал и повесил сушить брюки.

Прошел на кухню и открыл бар. Непочатая бутылка «Белого аиста» оказалась как нельзя кстати. Налил в стакан на треть, согрел ладонями. Пил маленькими глотками, смакуя. Сначала за душу отца, так не вовремя покинувшего этот мир, потом за девочку, умершую на операционном столе. А дальше просто захотелось еще.

Он наливал понемногу янтарную жидкость и пил. Постепенно отпускало. Пришла внутренняя свобода, желанное и давно забытое ощущение. Анатолий попытался еще раз прокрутить ситуацию в операционной, но мысли вязли. Он отмахнулся от них, наливал снова и снова пил.

— Да какого черта?! — Рита стояла перед ним, завязывая пояс халатика. — Ты с ума сошел, почти бутылку приговорил.

— Знаю! Тебе не налью, тебе алкоголь нельзя. Ты живая, Киса, а она нет. Пуф... и нет человека. А ведь молодая, красивая была... Понимаешь?

— А я есть! Сам говоришь. Зачем пьешь? Что я с тобой пьяным здоровым мужиком делать буду?

— Да ничего не будешь, сейчас допью, пойду прогуляюсь, и все выветрится. Мне на работу завтра.

— А если б не красивая была, меньше сожалел бы?

— Ты о чем?

— Да вот думаю. Провожу параллели. Она красивая была, умерла, жалко. Горе в коньяке глушишь. А меня, красивую, но живую, в дом взял, трахаешь в свое удовольствие. Сколько хочешь и как хочешь. Только кто я тебе? Кукла? Игрушка? Ты меня украл, Толик, в доме своем заточил. Говоришь, что я человек? А нет, сам так не думаешь.

— И что я думаю, по-твоему?

— А ничего, вообще обо мне не думаешь. Даже предохраняться думать забыл. А если рожу?

— Не родишь! Тебе нельзя.

Она рассмеялась ему в лицо.

— Вот оно, твое отношение! Любил бы — сказал бы: женюсь я на тебе, Киса. А ты что? Рожать нельзя? А кончать в меня можно?

— Сейчас все исправим.

Анатолий встал и выкинул недопитую бутылку, оделся и вышел на улицу. Беременность Риты он допустить пока не мог. Надо пережить вторую операцию, а уж потом... Человек она, конечно, человек. И горе в коньяке глушить не дала, и пожалела, и посочувствовала той девочке. А главное — ему. Потому что любит! Нельзя ему ее от себя отпускать. Никак нельзя. Где он еще найдет такую. Но права она в том, что было у нее прошлое, и даже не имея о нем никакого понятия, со счетов его списать невозможно. Значит, надо узнать и раскопать все. Но тут он подумал, что, узнав, может потерять ее. И принял решение. Да, он женится на ней, потом восстановит череп и найдет ее бывшую семью. А пока его задача сделать ее счастливой. С этими мыслями он добрал до аптеки, купил Постинор в таблетках для Риты и активированный уголь для себя. Погулял немного по улицам и вернулся домой. Заставил ее принять таблетки у него на глазах, а потом долго думал, правильное ли решение принял...

Утро встретило похмельем, скандалом с Курдюмовым, переносом плановых операций, выговором главного и отклонением его кандидатуры на должность заведующего отделением.

ЧАСТЬ 21 Ася и Майя

Так и вернулись в коттедж втроем. Ася не скрывала восхищения.

— Красиво у вас как! Я ни разу в таких домах не была, — простосердечно призналась она с порога. — А места сколько! И обставлено все, как в музее.

— У нас еще и бассейн есть, — потащила Асю за руку Женя, — идем, я покажу. — А потом оглянулась и для проформы поинтересовалась: — Папа, можно?

— С Асей можно, — ответила за Александра Татьяна Петровна, — а одной — нет. Опасно.

Минин промолчал, ему все больше становилось неловко за обман, пусть и невольный.

До того как он пригласил в дом Асю, Александр не сильно задумывался о своем положении. Ну, живет и живет, в конце концов, можно и как гостиницу рассматривать. И средства от продажи квартиры они с Игорем в дело вложили, пусть не на равных: Игорь — большую часть, но была и Минина доля. Да и не считались они рублями.

Деньги теперь странные стали, мешками их возили, миллионами зарплаты начисляли. Дурдом.

— Саша! — От дурацких мыслей его отвлек голос матери. — Ты что же не реагируешь вообще? О чем думаешь?

— Извини. Устал немного.

— Я хотела поговорить про бухгалтерию, там разбираться надо. Пусть я не большой спец, но вижу огрехи, училась же. Ты мне и остальные документы дай, завтра я все просмотрю. И отчет составлять придется. Отчетов никто не отменял. А налоги? Мы же не будем в серую людям платить?

— Каким людям? — не понял Минин.

— Ну как! Официантам, повару, посудомойке, охраннику... Кто там еще в кафе по штату планируется? Или ты сам за стойкой собираешься?

— Нет конечно. Где же мы работников найдем?

— Так приходили уже, просились. Но мне не понравились. Давай этим тоже я займусь, тебе и со стройкой хватает, а Игорь ждет, что ты главным займешься, в городе. Ты ему обещал.

— Да я помню. Хорошо. Мне все не ухватить. Пойду я душ приму, переоденусь после конюшни. А ты Асю не отпускай.

— Да уж не отпущу, мы с ней сейчас на кухню. Там найдем, чем заняться. Хорошая она девочка, а судьба тяжелая какая. Без родителей росла, она ведь детдомовская. Никогда бы не сказала, я же помню, у нас были в городке. Они все ожесточенные, на жизнь обиженные, а Ася — нет, светлая... Ну иди, иди, что я тебе мозги туманю, и сам разберешься.

«И сам разберешься...» В чем тут разберешься? Жизнь с ног на голову встала.

Он вернулся к прерванным размышлениям. Жизнь чья? Как будто и не его. С того дня, как они с Игорем встретились, у Минина в голове словно обратный отсчет включился, как на космодроме перед запуском ракеты. Только дни, месяцы, годы. А стартом всех неудач выходила его встреча с Ольгой. Не так бы все сложилось, не так, если бы он со службы не ушел. Там надо было оставаться, искать себя, своим делом заниматься, а не этим вот...

Минин зашел в гардеробную, захватил чистое белье, домашнюю одежду понес в ванную, там разделся, включил воду, встал под душ. Усталость смыть можно, как и запах лошадиного пота, а вот сомнения так просто не смоешь. Не было дня, чтобы они его не одолевали. Отодвинуть их в сторону Минин мог, а вот изменить что-то...

Ощутимо сегодня резануло, когда Ася с восторгами своими начала. Да разве одна она? В клубе его не за того принимают. Считают хозяином. А на деле-то? Какой из него хозяин? Чужой жизнью живет, свою пропустил сквозь пальцы. Надо что-то делать с этим...

На кухне мама с Асей затеяли какую-то готовку. Замесили тесто. Женя тут же крутилась — нос и руки в муке.

— Папа, мы вареники лепим! С ягодами.

Минин хорошо помнил вкус из детства — вареники с вишнями, густо политые сметаной. Мать бывало наготовит, и набьются в гости сослуживцы отца. Хорошее было время. Не часто собирались, но когда получалось, то одна большая семья. Неправда это, что в гарнизоне жизнь собачья. А Ольга так говорила. Не хотел Александр сейчас о ней думать!

— Вареники — это хорошо, — ответил он. — А что же главный повар у нас в муке? Идем умоемся.

Долго сидели за столом, разговоры все около кафе крутились. Потом, на историю Лаки перешли.

Ася рассказывала про свою подругу Майю. И чем дальше, тем выходило печальнее.

— Мы с ней вместе в детском доме были, как сестры. Тут недалеко в городке интернат. Но она позже меня попала, в шестом классе, а я с первого там. — Ася рассказывала об этом просто, без надрыва. От этого становилось страшнее. Она продолжала: — Местные в город не выбиваются, тут оседают, у нас так и говорят: «пятидесятый километр», в городе кому нужны? Раньше работы в округе много было, по берегу здравницы, дома отдыха, базы, детские сады летние, потом еще гостиница. И услуги везде требовалось. Вот местные и устраивались. Родители Майи так даже домик получили в Александровской, мои — нет. Меня тетя взяла в Огоньки, но это уже потом, после детдома, когда я выросла. А у Майи родители то ли погибли, а может, сами отдали ее, она не рассказывала, толком никто не знал. Еще брат у нее был, служил где-то, воевал, вот он точно погиб. Это все неинтересно, росли, учились. Потом к лошадям бегать стали, нас наказывали, а мы все равно. Прилепились к конюшне. Клуб тогда только начинался, не так было, как теперь. Мы и денники чистили, сено разгружали, за лошадьми смотрели. Чего только не делали. За это можно было взять лошадь из смены. Тренер Наташа с нами занималась. У Майи гораздо лучше выходило, чем у меня, и лошади ее чувствовали. Но нельзя ей было, никто не знал, кроме меня, а я не выдавала. Она просила...

— Что же нельзя? — Татьяна Петровна перемыла тарелки и кастрюлю и только тогда села за стол. Она категорически не хотела пользоваться посудомоечной машиной.

— Сердце у нее болело, врожденный порок. Может, если бы операцию раньше сделали, то она бы и жила, а так... — Ася с трудом сдержала слезы.

— Пойду я Женю уложу, — вздохнула мать Минина.

Девочка не противилась, после долгого, наполненного впечатлениями дня она засыпала на ходу.

Когда Татьяна Петровна увела Женю, Минин спросил:

— Это Майя ездила на Лаки?

— Да, — кивнула Ася, — он норовистый был. Никто, кроме хозяина, с ним сладить не мог, а хозяин редко появлялся. Купил Лакрейма для развлечения, или подарили, и поставил у нас. А с такой лошастью заниматься надо, Лаки красавец был, он бы призы брал — это точно. Если бы Майя была здорова! Она когда в больницу на операцию шла, то мне его передала, сказала, что если не вернется, то... чтобы я с ним продолжала заниматься. Она предчувствовала, наверно...

Ася замолчала, но Минин ждал, он понимал, чего-то девушка не договаривает. И не ошибся. Она вздохнула и продолжала.

— Про Майю болтали всякое, только это неправда. И если вам кто скажет о ней плохое — не верьте. Ничего у них с Александром Сергеевичем не было.

— Это хозяин Лакрейма?

— Да. Он с Майей познакомился, и у них... они гуляли вместе. Домой он ее отвозил на машине. Один раз заночевал. Вот и начали болтать. Думаете, про меня не начнут? Татьяна Петровна зря уговорила, я если останусь у вас, то и начнут.

— Не начнут, Ася, путь только попробуют, — Минин встретился ей взглядом. Долго смотрел. — А что же дальше было? Что этот Александр Сергеевич? Не мог ей помочь?

— Она скрывала от него, что больна. Он мог бы. И с собой ее звал.

— Куда?

— За границу, он дипломат. Только не поехала бы она по-любому. Он женат, и дочка у него или сын, я точно не знаю. Майя не стала бы семью разбивать. Это нельзя...

— Это нельзя, — задумчиво повторил Минин. — Да, жалко Майю.

Ася хотела сказать еще что-то, но тут вернулась Татьяна Петровна.

— Саша, иди ты. Никак я не могу с ней сладить! Не засыпает.

— А можно я? — вызвалась Ася и сама же своих слов испугалась. А мать Минина обрадовалась.

— Правда, давай попробуй ты, а то Женя с Сашей полночи будет колобродить, я их укладывания знаю. Идем.

Минин остался один и все думал об этой истории, о Лаки, о Майе, но больше все-таки об Асе.

Татьяны Петровны долго не было, когда вернулась, то сказала шепотом, как будто могла разбудить:

— Ну вот, обе и заснули, Ася там прямо в кресле. Что делать теперь?

— Не буди, пускай спит. А в гостевой постели, я же там рядом с Жениной комнатой буду, в кабинете. Скажу Асе, куда идти, если проснется.

— А сам не ляжешь разве?

— Договоры надо проверить, еще Игорю сообщение послать. А ты иди, завтра тогда вместе поедем. Только вот Женю опять с собой не хотел бы. Что она, целый день в конюшне проболтается?

— Да уж лучше, чем одной дома сидеть. Я ее тут не оставлю. Если бы няня была... а так лучше с нами.

ЧАСТЬ 22 Переломный момент

Последнюю неделю неприятности сыпались одна за другой. Старшая по дому, та самая соседка Татьяна, написала заявление в домовый комитет. На должность заведующего отделением был назначен Курдюмов. Анисимов злился, не понимал, высказал все главному в глаза и бросил на стол заявление об увольнении. Тот только головой покачал. С Курдюмовым Толик не разговаривал, с Михайличенко — тем более. Плановые операции пришлось отменить, у него дрожали руки. Сначала психанул, затем решил, что разницы нет, все равно он уже не работает. Переоделся на глазах удивленных коллег и ушел домой.

Рита спала.

Будить ее он не стал, сел рядом и смотрел. Конечно, нехорошо, что перед подачей заявления в ЗАГС он потерял работу, но ничего, в поликлинике место осталось, а в стационар устроится, пусть не в этот, так в другой, и если не хирургом, то невропатологом так уж точно. Конечно, он уже тысячу раз пожалел о содеянном. Но с несправедливостью надо бороться. И если его не ценят, то... То без любимой работы ему не жить. Вот что! Но сделанного не изменить, придется смириться. А еще можно взять Риту и уехать домой к маме. Попробовать устроиться в институт нейрохирургии имени Бурденко. Там работал отец, связи какие-то остались. Может быть, защититься удастся, с готовой-то диссертацией.

Взвесив все «за» и «против», понял, что это самый крайний вариант. Сможет ли его мама полюбить Риту или хотя бы ужиться с ней, он не знал. Ведь до сих пор он так и не рассказал о существовании Риты матери. Только сейчас задался вопросом — почему. До ЗАГСа практически дошел, а от самого близкого человека свою невесту скрывает.

Ответ был прост. Мама сорвется, приедет, а тут сын без работы и невестка после трепанации с отверстием в черепной коробке и тотальной ретроградной амнезией. Одобрит ли она такой выбор сына? Увы — нет. А потому он молчит. Вот восстановит череп...

Выматерился смачно сам на себя. Как он уволенный может помочь Рите? Да никак! Чем думал, когда психовал? Почему о ней не вспомнил? Но не идти же на попятную. Надо думать, варианты должны быть, не бывает без вариантов.

Рита проснулась, села на кровати и обвила его шею руками. Она не спросила, почему он рано и что у него с настроением. Ее волновал поход в ЗАГС. И если можно подать заявление прямо сейчас, то это то, что нужно.

Толик слушал ее щебетание, настроение постепенно улучшалось, не хватало лишь малого — любви с ней, и тогда жизнь окрасится совсем в другие тона. Но... Рита отказала. Первый раз. Объяснила, что рабочий день в ЗАГСе не резиновый, а секс вполне может подождать до вечера. Толику пришлось согласиться. Он взял паспорта, деньги из самой неприкосновенной заначки, те, что откладывал на крайний, непредвиденный случай. Подумал, что ему еще только тридцать пять, да и мама особо на здоровье не жалуется. Все согласно возрасту. Успеет он заработать и отложить.

Пока Рита плескалась в душе и наводила красоту, прокрутил фарш на котлеты, почистил картошку. Вернутся — приготовит все по-быстрому.

В ювелирном его отпустило совсем, казалось, что все печали ушли, осталась радость от присутствия Риты, девочки — праздника. Она смеялась, кокетничала, примеряя то одни серьги, то другие, крутилась перед зеркалом и излучала счастье. Анатолий был благодарен

ей, ведь отвела все беды, заставила радоваться. Вместе они все смогут, все преодолению.

Была бы его воля, он бы все понравившиеся украшения ей купил, но где взять деньги? У него нет таких средств. Все не получится, однако один комплект он может себе позволить — серьги, кулон и кольцо. Это подарок к свадьбе, а еще надо обручальные взять. Рита же никак не могла выбрать между серьгами с аквамаринном и сережками с гранатом. Ей шли и те, и другие. Продавец-консультант нахваливала, уговаривала, пригласила товароведа, выпросила скидку. Рита не проронила ни слова, только переводила взгляд с одних украшений на другие. И он решил. Все равно обручальное кольцо не носил никогда, но с Верой-то покупали, и лежало оно где-то дома, надо поискать. Так что зачем на себя тратиться? Он купил обе пары сережек — пусть меняет, радуется.

Они едва успели в районный ЗАГС. Как вошли, Рита взяла Анатолия за руку, потянулася целоваться, она стремилась показать всем, что этот мужчина принадлежит ей. Анисимов не сопротивлялся, но подыгрывал с неохотой. Он не любил такое проявление чувств на людях, к тому же поцелуи его возбуждали, он захотел Риту еще дома, желание приходилось подавлять. Все это не просто раздражало — бесило. Мечталось о коньяке и сексе. Затея с ЗАГСом казалась глупостью. Зачем он согласился на этот шаг, было не понятно. Да какой согласился? Сам предложил, теперь расхлебывает, а отступить поздно.

Под одной из дверей выстроилась очередь, преимущественно из женщин, некоторые были с детьми. Анисимов спросил, где тут заявления подают. В ответ услышал: «Смотря на что», что очередь на развод, а на регистрацию очереди нет. И кабинет показали, со словами: «Все там были».

Подойдя к нужному кабинету, постучали, вошли, поздоровались. Анатолий протянул дородной женщине с мрачным выражением лица паспорта, свой и Ритин, и попросил дать бланки заявлений. И тут понеслось. Увидев в паспорте Анатолия штамп о разводе, женщина начала обвинять Риту в том, что та разрушила семью, просуществовавшую целых восемь лет. Она говорила долго и о ячейке общества, и о том, что если бы венчались в церкви, то не разводились бы совсем, что в прежние времена браки были крепче. Рита скисла, а Анатолий едва сдержался, чтобы не нахамить этой корове. Сама-то точно старая дева со стажем. Он сгрел паспорта со стола, узнал, в каком кабинете сидит заведующая, и отправился к ней.

Как только вошел, дал волю эмоциям. Нет, он не орал и не повышал голос, говорил четко и внятно, как анамнез читал. Рассказал о своей пациентке Маргарите, о предстоящей повторной операции, о диких головных болях, о непредсказуемом исходе ее болезни. Да, он хочет связать с ней жизнь, может быть, дав ей шанс на эту самую жизнь и надежду на счастье. Потому что любит!

Заведующая не перебивала. Только когда он выговорился, она встала и пошла с ним в тот кабинет.

Рита плакала, объясняла, что не разрушала семью, что познакомилась с Анатолием, когда он уже был разведен. Просила взять заявление, говорила, что любит его и не мыслит своего существования без него, что она не собака, которую в дом берут просто так, что она женщина, человек и хочет чувствовать себя женой.

— Это правда, что вам предстоит операция? — спросила заведующая.

— Я не вру, не вру! — Рита закрыла лицо ладонями.

Анатолий закипел, не помня себя, сорвал с нее парик.

— Смотрите!

Отросшие волосы не скрывали дефект черепа. Сотрудницы ЗАГСа испуганно

переглянулись, и заведующая развела руками. Рита рыдала — маленькая, жалкая, незащищенная.

— Чего вы хотите? — устало спросил Анатолий у заведующей, он вдруг остыл, исполнился жалости к своей несуразной любовнице. Похоть и ярость улеглись, осталось одно желание — поскорей увести Риту отсюда, но надо было пройти этот путь до конца. — Денег вам надо? Сколько?

— Оплатите госпошину, и, если вы готовы, мы выдадим вам документ, как только получим квитанцию, — сказала заведующая. — Маргарита, вы будете менять фамилию?

— Да, я хочу. Конечно, — Рита всхлипывала, но отвечала.

Ей принесли воды, помогли привести себя в порядок перед церемонией.

Домой добирались на такси.

По дороге молчали. Толик заговорил только когда вошли в квартиру.

— Ну вот, теперь ты моя жена. Довольна? Завтра с утра пойдем по поводу прописки и обмена паспорта.

— С утра? — женщина недоумевала. — Толя, с утра ты работаешь. Или у тебя отгулы?

— Киса, ты так хотела замуж, что не спросила, почему я не на работе сегодня.

— Почему ты не на работе сегодня? Я спрашиваю.

— У меня больше нет работы. Я уволился.

— Погоди. Как? Ты серьезно? Что значит — нет работы? И что ты будешь делать? Вагоны разгружать? Приносить копейки, на которые хлеб с молоком купить невозможно? Как ты собираешься жить дальше? А операция? Кто мне сделает операцию? Толик, ты обо мне подумал? Иди проси прощения у руководства и возвращайся на работу. Ради меня! Ради любви ко мне, Толик, ты должен, ты обещал, ты...

Она снова разрыдалась, бросилась на кровать и отвернулась к стенке.

— Ты не умеешь любить, Толик! — причитала она на все попытки ее успокоить. — Ты знаешь, что такое жить впроголодь? Ты знаешь, как болит без еды желудок? Толик, я не хочу! — Рита приподнялась, со страхом посмотрела на него, пораженная вспышкой памяти.

Он снова сидел рядом, смотрел на нее плачущую и корил себя за все. Зря подал заявление на увольнение.

— Киса, придумаю я что-нибудь! Не плачь, Киса!

— Все у тебя через жопу. Почему ты неудачник такой?!

Он хотел обнять ее, успокоить, приласкать, быть с ней, в ней, чтобы забылась и она. Ведь понимал, что память воскресила самое ужасное, что происходило с Ритой раньше — голод, и оттого появился страх.

Не те воспоминания пришли, не те.

Но не успел, кто-то настойчиво звонил в дверь.

Пришлось подойти и открыть. Перед ним стоял Курдюмов. От неожиданности Анатолий опешил, стоял молча, смотрел глаза в глаза, словно решая для себя что-то.

Первым заговорил Курдюмов.

— Анатолий Сергеевич, я к вам по делу и не только. Поговорить бы...

— О чем? Вроде бы уже все сказано и подписано.

Толик с грустной ухмылкой пожал плечами, продолжая смотреть на бывшего коллегу.

— Может быть, вам — не о чем, а я сюда приехал не просто так. Надеюсь, что выслушаете.

— Хорошо, выслушаю, проходите.

— Вы один?

— Нет, с женой.

Курдюмов растерялся.

— Я бы не хотел, чтобы нас слышали. Может, прогуляемся?

— Шпионские игры прямо. Ну что ж, давайте прогуляемся, поговорим. Я сейчас. Оденусь.

— Жду на улице.

Рита была недовольна, она не понимала, почему не имеет права участвовать в разговоре с коллегой мужа и почему надо что-то обсуждать за ее спиной. Толик опять вспыхнул — ну не осознавал он, какое отношение его работа имеет к его жене, и разговор явно мужской намечается. Одедся, обулся и, пообещав, что вернется скоро, вышел на улицу. Сигареты не взял, забыл, пришлось стрельнуть у Курдюмова.

— Так что ты хотел, Олег Александрович? — спросил, закуривая, Толик.

— Злишься ты на меня, Анатолий Сергеевич. Знаю за что, оправдываться не буду, хоть и не виноват я перед тобой. Я был готов работать под твоим началом, и уверен, что со временем так и будет. Заявление твое принес, забрал его у главного.

— Я тебя просил?!

— Нет, не просил и не попросил бы никогда, гордость бы не позволила. Но, Толя, куда ты с подводной лодки? Как жить, не оперируя, будешь? Ты сможешь? Нет! А потому я поступил правильно.

— Начальник, да? За меня решаешь?!

— А если — друг? Ты не кипи! Ты голову включи. Таких хирургов, как ты, единицы. У тебя талант, дар в сочетании с наследственностью. Ты ж лучше отца, ты даже его перерос.

— А про отца ты откуда знаешь?

— Так мне повезло у него стажироваться. Знаю, о чем говорю. Выходи на работу завтра как ни в чем не бывало. Потерпи меня в этой должности какое-то время, а потом махнемся не глядя, с высочайшего разрешения начальства.

— Друг, значит?

— Друг, Толик, не сомневайся.

— Я могу подумать?

— Можешь, до утра. Приходишь на работу — ставлю тебе сегодняшний день отгулом по семейным обстоятельствам. Нет — передаю твое заявление главному, объясню, что мои усилия по возвращению тебя оказались тщетными. Или сейчас тебе бумажку вернуть?

— Подержи до утра.

Внутри у Анисимова все ликовало. Он не показывал Олегу своей радости, но она просто переполняла его. И дело было вовсе не в заведовании, а в том, что в руках оставалось любимое дело. А должность... Да какая разница! Писанины меньше.

Прошло три месяца. Да какой там прошло — пролетело, в делах, переживаниях, заботах. Буквально через неделю после регистрации брака Анатолий положил Риту на повторную операцию. Краниопластику делал Курдюмов. Муж жену не оперирует, а потому Толика даже в операционную не пустили. Все прошло хорошо. Анисимов брал отпуск на это время, чтобы ухаживать за любимой женщиной и не отвлекаться на других пациентов родного отделения. Конечно, в первые дни он от Риты не отходил, а потом... Врач есть врач, и в стороне от людского горя он быть не может. Сначала консультировал, а затем оперировать начал. Так Курдюмов его из отпуска и отозвал.

Рита, едва поднялась с кровати, все время проводила в ординаторской, старалась не отпускать от себя Толика, капризничала, плакала, жаловалась. В общем, сотрудники отделения, начиная с санитарок и заканчивая заведующим, вздохнули с облегчением, как только Анатолий увез ее домой. Но все это очень скоро практически забылось. Ну поговорили, ну пожалели хорошего доктора, но жизнь идет своим чередом, просто та, которую он по телефону называл «Киса», обрела физическую форму, внешность и характер. Уже через месяц после выписки разговоры затихли.

Женатый доктор Анисимов от неженатого отличался разве что количеством дежурств. Их стало много больше. И это понятно — расходы увеличились.

Оперировал он с ночи. Случай тяжелый, операция длительная, устал, как собака, и поэтому, закончив в операционной, сразу пошел покурить. Спать уже не получится, сейчас бы кофе покрепче и поесть чего-нибудь. Глянул на время — почти полдень, надо идти на обход. Хорошо плановых сегодня нет. Докурить не успел, услышал рядом с собой голос Михайличенко.

— Толь, покурить дай, у меня закончились, а в свете последних событий нервы надо успокаивать.

Анатолий протянул пачку и зажигалку.

— Случилось что?

— Да ничего хорошего. Главный привел профессоршу, старую гримзу из Москвы. Сидит, кикимора, истории читает, вопросы задает.

— Проверка, что ли?

— Да вроде того... И ты понимаешь, с виду — бабка божий одуванчик, а лезет, куда не просят. Мне уже у троих больных диагнозы поменяла, дополнительное обследование назначила.

— Да кто у нас там?

— Ты автора нервных болезней профессора Зиновьеву знаешь? Я учился по ее учебнику.

— Ну и я учился. — В голове возникли смутные сомнения: а не приехала ли неожиданно мама?

— Преподавала у тебя, что ли?

— Можно и так сказать, — Толик усмехнулся. — Так кто у нас в ординаторской? Зиновьева Мария Владимировна?

— Она самая! Злобствует старуха.

— Пошел я. Сейчас злобствовать она перестанет. А старухой при мне ее лучше не

называй! Понял?

— Какие мы нежные, молодуха, что ли? Ей под восемьдесят.

Толик совсем развеселился, усталость как рукой сняло.

— Семьдесят один ей. Ладно, кури, я тороплюсь.

В ординаторскую почти бежал. Распахнул двери, увидел ее, поднял на руки и закружил на глазах у Курдюмова и двух ординаторов.

— Какими судьбами, мама? И что, предупредить не могла, я бы встретил.

— Не сомневаюсь даже. Встретил бы. Только остановилась я у Веры.

Она опустилась на диван. Анатолий сел рядом, взял ее за руку и, несмотря на то, что разговор предстоял серьезный и не очень приятный, в душе он был невероятно рад тому, что она рядом. Сколько раз просил ее переехать сюда, но она отказывалась: в Москве могила отца, а куда она от нее. Старость матери протекала в одиночестве, ни она в Питер, ни сын в Москву не собирались.

— Мама, это абсурд. Вера давно чужой нам человек.

— Зато она хорошо знает твою жену. Толик, не будем здесь это все обсуждать. Ты работай, я тебе кофе сейчас сделаю, посмотрю истории, постараюсь быть нужной. Я так скучала, беспокоилась постоянно, чувствовала, что что-то происходит...

— Я знаю, мама... Кофе в шкафу в банке, сахар там же, мою кружку ты узнаешь. Часа два подождешь?

— Конечно, а там Олег Александрович обещал тебя отпустить.

Пока Толик работал, Мария Владимировна занималась с ординаторами, указывала на ошибки, объясняла, спрашивала, Мишку даже по носу щелкнула за неверный ответ. А они радовались, как дети, не обижались, в отличие от Михайличенко, хватали знания. И Курдюмов с ними, принес ей халат, показал отделение.

Время пролетело незаметно, рабочий день подошел к концу. Толик достал из шкафа пальто матери, помог надеть. Ощутил укол совести: старое пальто, очень старое. Его бы поменять давно, мать-то профессор медицины, но ей не на что купить, на пенсию живет. Особо не разбежишься. А он, сын единственный, не подумал. Сейчас сходить — так у него тоже нет денег. Даже дорогу матери обратную оплатить нечем. Надо у Курдюмова занять. Потом отработает, отдаст.

— Мам, поехали ко мне, я тебя с Ритой познакомлю, — сказал и замерз под ее леденящим взглядом.

— Нет. Пойдем в кафе или куда-нибудь на нейтральную территорию. Сын, если бы Рита была твоей женщиной, ты бы давно представил нас друг другу. А ты молчал, скрывал, врал мне. Не потому ли, что сам чувствуешь, что совершаешь ошибку? Уже совершил. Нет, дело не в травме и не в ее последствиях, это все излечимо. Дело в человеке. Кто она для тебя? Ты ее любишь?

— Да, конечно, люблю. Мама я боялся, что ты не поймешь, у нее ретроградная амнезия, и вспомнила она только голод. Я не знаю, кто был рядом с ней. Удавил бы его своими руками! Как можно не обеспечить женщину, такую женщину?!

— Какую, Толик? Какую?! Вера мне говорила о ней. Неужели ты слеп?

— Вера говорила? А кто такая сама Вера? Ей судить можно? Так начала бы с себя.

— Про это она тоже рассказала. Ты прав, что ушел от нее. Предательство не прощают. Сын, как так случилось, что я ничего не знаю о тебе? Ты построил стену между нами, пытаюсь меня защитить. Я же чувствую все и мучаюсь догадками. Пусть я посчитаю, что ты

не прав, пусть поругаю, но я твоя мать, я люблю тебя. Кто еще так, как я, тебя любит?

Она расплакалась, а он прижимал ее к себе посреди улицы и понимал, насколько виноват перед ней. Ведь каждое слово правда.

— Мам, прости, ладно?

— Да не прощения просить, а решать что-то нужно! — воскликнула Мария Владимировна. — Толик, сын, что ты вообще знаешь о женщине, с которой связал жизнь?

Анатолий пожал плечами, сказать было нечего, но потом все же ответил:

— Она вспоминает потихоньку, сейчас вот голод вспомнила... Может, еще что вспомнит, а там решим как быть

— Толя, ты меня слышишь?! Когда вы решать собираетесь? Она уже беременна. Уже!

Анатолий ничего не мог понять.

— Кто тебе сказал?

— Рита. Я позвонила тебе, она взяла трубку, спросила, кто я. Представилась и сообщила про беременность. Спросила, рада ли я внуку. Мы долго беседовали, она ипотеку брать хочет и квартиру менять на большую.

— Мама, я не знал. Пойдем к нам, вот увидишь — ты ошибаешься. Рита очень хороший человек, она меня любит... Мама!

— Нет, сынок, проводи меня к Вере, а завтра утром я уеду.

Домой Толик пришел поздно. Расстаться с мамой было так трудно, они говорили и говорили. О работе, об операциях, о том, что здесь, в этой больнице, он гораздо более на своем месте, чем в НИИ, о необходимости защиты готовой диссертации, о том, как она живет в Москве одна, о поношенном пальто, о кошке, которая не хочет есть мясо, а только спинку минтая, а он теперь такой дорогой. Анатолий ушел перед возвращением Веры, она позвонила, что скоро будет.

Настроение было ни к черту, хотелось выпить и забыться, но он обещал маме, что больше никогда не будет этого делать. Опять в который раз просил, умолял ее переехать сюда, к нему. Потому что она должна быть рядом. Страшно порознь.

Рита не спала. Сидела в кровати, поджав ноги и обхватив руками колени, глаза зареванные.

— Что ты, Киса? Что случилось?

— Ты был у нее, да? У этой своей Веры?

— Я был в квартире Веры, Вера отсутствовала... Мама приехала.

— Старая сводница! Требовала, чтобы ты с Верой сошелся? Да?!

— Никогда не говори плохо о моей матери, слышишь?! — Анатолий поймал себя на мысли, что мог бы ударить ее в этот момент.

— Зачем она приехала? — продолжала Рита.

— Видеть меня хотела. Киса, вы с ней говорили по телефону?

— Да! Говорили, я ей про нашу свадьбу рассказала, мамой ее назвала.

— Какая она тебе «мама»? Ты что? — Он удивился и возмутился одновременно. А Рита обиделась.

— Почему, когда я хочу как лучше, ты меня ограничиваешь во всем? Я чужая тебе? Скажи? Вот скажи, не любишь меня, да? Потому и к Вере своей пошел?

— Прекрати, Киса. Ты моя жена. Ты, а не кто другой. Давай спать. Я устал, а завтра на работу. Поедешь со мной, надо анализы сдать.

— Она тебе про беременность сказала?

— Сказала. Странно, что она, а не ты.

— Я думала позже сообщу.

Анатолий не ответил. Ему стоило большого усилия смолчать и не высказать ей всего, что кипело внутри. Было паршиво от сознания ее обмана. Именно обмана, потому что он со своей стороны сделал все, чтобы эта беременность не случилась.

Ночью пытался спать, получалось плохо, мешали ее всхлипывания, но он не повернулся и не обнял.

Утром сварил кашу, налил себе кофе и позвал ее к столу.

— Киса, ешь и надо подумать, как быть дальше.

— Ты не любишь детей? Почему ты не хочешь, чтобы я рожала? Сначала женился из жалости... Ведь ты меня не любишь, прикрываешь все свои действия любовью, а на самом деле чурбан бесчувственный! Как тебя на работе-то такого терпят? Как ты больных лечить можешь, если у тебя души нет!

— Я так понимаю, что твой лозунг по жизни: «Ни дня без скандала»? Ты забыла добавить, что я и оперировать не умею.

— Ну почему, не все так плохо. Просто ты совсем не хочешь меня понять. Есть только ты, и вселенная вращается вокруг тебя, а я так — прислуживать, восхищаться тобой одним. Ты потому и ребенка не хочешь, он же отнимет время, любовь мою от тебя. И ты окажешься в пролете.

— Нет, Киса, это ты не хочешь меня понять. Я объяснял тебе, что о беременности в ближайший год не может быть и речи. Что это чревато для твоего здоровья. Я говорил тебе обо всех осложнениях и настоял на внутриматочной спирали. Как ты забеременела? Срок какой? Три месяца после операции прошло, всего три месяца.

— Ее поставили плохо, она выпала. А потом операция, не до того было, а позже и говорить что-либо стало поздно.

— Ты хочешь, чтобы я тебе поверил?

— Я думаю, что доверие — это основа брака. То есть то, что не оговаривается. Мы семья. Я вышла за тебя только лишь потому, что была уверена в твоей любви, а оно видишь как. И к матери твоей я как к родной отнеслась. Мамой назвала, а ты скандалишь. Чего стоит твоя любовь после этого?

Анатолию снова стало ее жалко, он признал правоту Риты. И попросил ее хорошо питаться, ребенку это важно.

ЧАСТЬ 24 Лаки Счастливчик

Прошло три месяца. Всего три месяца! Много или мало? И что изменилось за это время? Да все!

Александр не мог объяснить глобальных перемен в жизни, не хотел их принять, но и не находил в себе сил отказаться. Плыл по течению, подчиняясь обстоятельствам. Совершенно как та лошадь из дурацкого мультфильма про Ежика в тумане.

Нет, то, что Минин занимался не своим делом, было еще полбеды. Так он и вне рабочего времени не своей жизнью жил! Выходит, обманывал Асю?

Как же так? Разве можно? Ее? Доверчивую, чистую девочку.

Непреодолимые причины и следствия угнетали. По договоренности с партнером надо было крепко держать рот на замке и не рассказывать, что коттедж хозяйский, и все, что окружает Минина — ему не принадлежит. А сам он примерно то же, что охранник в будке у шлагбаума. Работник, нанятый соблюдать чужой интерес.

Александр раскаивался, что согласился на эту авантюру, но с каждым днем все более втягивался в собственный обман, иллюзорный мир, словно кокон обволакивал и подчинял совесть, усыплял здравый смысл. Что тут скажешь? Дьявол изощренно искушает!

Вот Минин и плыл, как Лошадь...

Да! Лошади, лошади, из-за них-то все это и произошло. Ладно, не все лошади, а отдельно взятый конь — Лакрейм...

Поначалу язык не поворачивался называть его конем. Несчастное животное, на которое не взглянешь без боли. В деннике стоять не может, ложится на солому, как собака. Минин и не знал, что лошади так умеют.

Но с того дня, как Женя к нему в денник пробралась и чуть под копытами не оказалась, все и началось.

Ася тогда у Мининых ночевала в коттедже, а наутро пошел сильный дождь. Женю на конюшню брать не хотелось, а с кем дома оставишь? И тут Татьяна Петровна ее и попросила:

— А ты, Асечка, не можешь сегодня за Женей приглядеть, пока мы с Сашей в кафе с персоналом разберемся и с документацией? Кажется, что быстро, а ведь на полдня растянется. Жалко мне Женю таскать.

— Я могу, — сразу согласилась Ася, — у меня выходной сегодня.

— Вот и хорошо, — просияла Татьяна Петровна, — просто замечательно.

Еды сама приготовь, что захочешь, продукты есть в холодильнике. В морозильной камере и мясо, и рыбка. Овощи внизу, а есть и замороженные. Молоко, творог. Пропитаетесь, а мы с Сашей к вечеру что-нибудь вкусенькое привезем.

Вот так и вышло, что Ася осталась в нянях. А Женя-то как обрадовалась! Прыгала, чуть не плясала, обнимала то бабушку, то отца, то Асю. Только расстроилась, что к Лаки нельзя, но Ася ее тут же успокоила.

— Погода исправится и пойдем, ему все равно на улицу в дождь вредно, он в деннике будет спать. Может, завтра пойдем к нему. А сегодня я тебе сказки про лошадок расскажу. Хочешь?

— Хочу, хочу, хочу...

Александр с Татьяной Петровной в кафе задержались, тем более что знали: Женя под надежным присмотром. Много чего переделали, потом еще и в Окей на Савушкина смотались — продукты закупили. На обратной дороге, в машине уже, Татьяна Петровна сказала:

— А что бы нам, Сашенька, не попросить Асю пойти в няни к Женечке? Уж больно хорошо они ладят.

— Ну что ты, мама! Ася конюшню не бросит.

— И не надо, но может же сократить. Сейчас она, бедная, и с лошадьми занимается, и денники чистит, а какой из нее конюх. Пусть катается, а остальное время у нас доработает. Не даром же. Договоримся об оплате, и ей хорошо, и нам. И жить будет у нас: до конюшни близко, и с питанием ей так выгодней получится — что мы, девочку не прокормим!

— Да ты меня что уговариваешь, мама, я двумя руками “за”. Ася согласится ли?

— А это ты мне предоставь, я смогу ее убедить, вот увидишь.

И убедила! Как ей удалось — Александр недоумевал: при Асиной щепетильности и том, о чем они говорили накануне, насчет злых языков, было маловероятно, что девушка согласится жить в коттедже у Мининых. Однако уже через день он перевез некоторые ее вещи, и Ася поселилась в одной из спален на втором этаже.

Татьяна Петровна крепко взяла дело в свои руки. Саша не противился, при матери он стал привычно ведомый, он по жизни всегда ее слушался до того дня, как встретил Ольгу. Теперь Ольги не было, и все вернулось на круги своя.

Саша понимал, что мать сводит его и Асю, должен был бы возмущаться, а напротив — радовался. Нравилась ему эта милая девушка. Только никаких особых надежд он не питал. И разница в возрасте у них была приличная, да и все остальное неправильно, потому, что со стороны Минина — вранье.

Со дня на день он откладывал неизбежный разговор, искал предлоги. Основным был запрет Игоря. Хотя, конечно, Ася никому бы не сказала, Александр ей всецело доверял. Раз уж дочь доверил, что о прочем говорить? Нет, не потому он тянул с объяснениями, а потерять ее боялся. А еще больше — разочароваться.

Вот скажет он, что нет у него ничего за душой, кроме проектов, — и шарахнется Ася в сторону. Что если она на видимость благополучия купилась? Нехорошо было так думать, но вот Ольга бы точно во главу угла поставила это.

Невольно Минин сравнивал — как говорится, на молоке обжегся, —

но тут же себя и одергивал: не такая Ася, не меркантильная, ничего ей не надо, кроме доброго отношения. И к Жене она привязалась, а Женечка к ней. Просто не разлей вода. И Лакрейм у них третий в команде. Выправляться стал конь на удивление быстро. За месяц в норму пришел, Ася стала понемногу заниматься с ним, а через три месяца в манеже почти в полную силу. Можно было подумать и о соревнованиях, но чтобы выставить Лакрейма, требовалось связаться с его хозяином. Были там организационные моменты. И, конечно, оплата, экипировка — все это Минин мог решить. Для того, чтобы вышло наверняка, он прибег к проверенному средству — пошел к начальству. Благо кафе конюшне за аренду платило немало.

Руку на пульсе всех конных и хозяйственных дел, а также и соревнований держала владелица клуба, энергичная прожженная тетка — Лариса Сауловна Чинова. За глаза ее в конюшне дразнили Чижик-Пыжик, она и рюмочку любила пропустить, и курила как паровоз, и вообще больше на мужика была похожа. Сама — чисто доска, лицо грубоватое, с крупными чертами. И материлась, как сапожник. Зато ее и конюхи, и жокеи боялись, по струнке ходили, лошади всегда были в порядке, денники чистые, манеж на высоте, фураж закуплен.

Хозяева с удовольствием своих лошадок в клубе держали. Детей привозили заниматься. Ценили порядок и чистоту и уход за животными.

Также и в смене люди покатушничали, кто победнее. Лошади для этого служили клубные, но и с ними обращались терпимо. Лошадей Чинова в сто раз больше, чем людей, любила, не позволяла перегружать и лечила вовремя, ветеринара при конюшне держала своего, так что и клубным лошадам жилось неплохо.

Вот и явился Минин к Ларисе, принес арендную плату в конверте, бухгалтерия у них своя была, теневая, по документам проходило иное. Деваться некуда: хочешь жить — умей вертеться. Не лежала у Минина душа к играм с налоговой, но и процент непомерный отдавать они с Игорем не могли. Выкручивались как все. На самом деле с новым персоналом и приятным интерьером кафе процветало, Чижик-Пыжик была довольна и Минина встречала милостиво. Даже выпить предлагала каждый раз. Александр отказывался.

— И что ты за мужик! — следовало на отказ возмущенное сетование Ларисы.

— Да уж какой есть, — разводил руками Минин и доставал из внутреннего кармана конверт, клал на стол.

Лариса не пересчитывала, убирала в ящик — верила. На том и расходились до следующего взноса. Все дела они уже утрясли и договоренностей не меняли, потому Лариса с удивлением вскинула глаза, когда Минин задержался и спросил:

— Лариса Сауловна, а можно присяду? Вопрос есть.

— Садись, — кивнула она на стул. — Может, все-таки...

— Нет, спасибо, я за рулем. Вопросы даже два, сначала по прописке. Временная у нас была, а сейчас, наверно, постоянная станет.

— Да ладно, ты, что ли, коттедж купил? На пирожках своих и мороженом заработал? — усмехнулась Лариса.

— Ну что вы, куда там коттедж. Мы на развитие деньги грохнули, теперь отбить надо. И аренда немаленькая.

— Ну уж на аренду не жалуйся! Я с вами по-божески. И где же ты прописан теперь?

— В Александровке этой, где дом. Все там же, просто компаньон мой его купил у сельсовета или дачного хозяйства — я не знаю частностей. Факт тот, что Игорь его купил и всех нас туда прописал.

— А с коттеджем что?

— Там свой хозяин есть.

— Да я знаю. В бегах он, а ты прикрываешь. Эту кухню вашу я сто лет уже как вычислила.

— Мы от вас и не скрывали. — Минин не смутился. Он принимал осведомленность Ларисы без особых опасений, потому что и она с ним была повязана неслабо, так что взаимное молчание уравнивало комфортное сосуществование. В некотором роде

симбиоз, как шутил Игорь. — Так что прописка у нас теперь постоянная и даже Петербургская, за пятидесятый километр мы не вышли.

— Это хорошо, а то все, кто в Ленобласти — им в Роцино мотаться, а то и в Выборг приходится, а городские все в Сестрорецке дела решают. Понятно с этим. Второй вопрос?

— Адрес хозяина Лакрейма есть у вас? Лучше электронный. Связаться надо.

— Зачем это? И коня, что ли, купить надумали? На пельмени? — Лариса рассмеялась своей шутке, прокуренный голос наждачкой по ушам прошелся. И подумалось Минину, какая же должна быть тяжелая жизнь у этой женщины, что она в такое антиженское существо себя превратила.

— Нет, Асю на соревнования надо от клуба выставить.

— И с чего это я должна Аську выставить, платить взнос за нее?

— Взнос я заплачу и амуницию всю, что там надо, куплю, только вы скажите, что это от клуба, а то она не возьмет.

— Это точно — не возьмет, детдомовка гордая. Что Майя была, что эта. Дом-то Майкин у вас, считай ничейный, по дешевке купили? А я не успела, Игорек твой подсуетился. Вот ушлый он, дела так и заворачивает, тебя к кафе приставил, а у самого еще фирма в городе. Я и про это знаю. А ты его откуда знаешь?

— Мы учились вместе.

— Войняшки, значит, оба. Есть такая профессия — родину защищать, — снова хохотнула она.

Минина как плетью вытянули, он вздрогнул при любимых словах отца, повторенных этой бой-бабой, но вида не подал. Дело важнее, да и субординацию он не забыл еще как соблюдать. Какая бы ни была Лариса, а начальник — она. Сколько командиров-идиотов он в армии повидал, от младших до старших, ей такое и не снилось, что там могли приказать.

— Было дело под Полтавой, — в тон ей ответил и опять за свое. — Так что, есть адрес дипломата этого?

— А, значит, ты уже всю историю знаешь, как Майка с ним по сенникам валялась. А он на нее запал. Вот дура-то, да? Могла бы сейчас в Германии жить. Все они поблядушки.

На этот раз Александр смолчал с трудом. В словах Ларисы был явный намек, да и смотрела она оскорбительно, точно на Асю намекала.

— Ася няней устроилась у нас, что такого? В конюшне зарплаты невысокие, девушка подработку взяла, или это запрещено договором?

— Какой там договор. Да она навоз жрать будет, лишь бы при лошадях остаться. Я ее в любой момент вышвырну, если захочу.

— Вот так и довышвыривались. Ладно, я и сам адрес найду...

— Ну чего ты, Саша, в бутылку сразу полез? Да, конечно, я же понимаю, запал и ты. Эх вы, мужики, одно нам женщинам горе от вас... Мой тоже блядовал. Ладно, хер с ним, а про Лакрейма я согласна, его на соревнования выставить надо, а конь, кроме как под Аськой, больше не ходит ни под кем. Так что одобряю. Бумаги выправлю и все, что надо будет. Сейчас адрес... А ты, Минин, слышь, девку не обижай, а? Нет у нее защитников. А ты женись на ней! Она работящая, молодая, еще тебе родит, и Женьке твоей мать будет хорошая. — Чижик-Пыжик рылась в столе и бубнила себе под нос. — Как на сеновал — вы все горазды, а вот в ЗАГС на аркане не затащишь. Одно слово — блядуны. А, вот он адрес, нашла! — Она выудила из ящика спутанную уздечку, потом истрепанный ежедневник. — Здесь у меня записан. Сейчас полистаем.

ЧАСТЬ 25 Скрипка

Утро началось со скандала. Рита грохнула на пол чашку, сделав вид, что случайно, но Анатолий не поверил... Вот и выходной день. Такой желанный и долгожданный. Суббота!

Сегодня Анисимов вернулся домой рано, почти в десять утра, накрыл на стол и разбудил спящую жену. Говорили так, ни о чем. О пациентах, работе, сотрудниках, о том, как Михайличенко пытается ухаживать за медсестрой Катериной, а все сотрудники наблюдают, что из этого выйдет. Анатолий говорил и смеялся над коллегой, считал, что не по зубам тому Катя, хоть он и рассказывает всякие подробности. А Катя — умница и красавица, и студентка первого курса меда. Совмещает учебу с работой, и все у нее получается. А потом сказал, что брал Катю на операцию, крючки держать, и тут Рита смахнула со стола чашку.

— И что у тебя с Катей?

— Ничего, работаем вместе, — удивленный таким вопросом, ответил Толик.

— А почему ты так много о ней говоришь? — парировала Рита. — Ты думаешь, мне приятно слушать про твою Катю?

— Киса, я просто рассказываю про хорошую целеустремленную девочку, мне в ней именно это нравится. Вот и все.

— Это упреки за то, что я не работаю? Значит, я не целеустремленная? И вот так проигрываю в твоих глазах? А потом ты скажешь, что пашешь, как лошадь, чтобы обеспечить меня. Так?

— Я этого не говорил, сказала ты, но сказала правду, так оно и есть. Пашу, чтобы обеспечить. И хорошо было бы откладывать деньги. Ты родишь, и расходы резко увеличатся.

— Так надо не пахать, а зарабатывать. Чуешь разницу?

— Интересно, расскажи, как ты себе это представляешь. — Он внутренне напрягся и в голосе появились металлические нотки.

— Не буду я ничего рассказывать! Что бы я ни сказала тебе, все будет не так. Ты видишь только себя и слышишь только себя. Ты во-от такой эгоист! — она развела в стороны руки, пытаясь изобразить невероятные объемы эгоизма мужа.

— Да? А мне кажется, что я, что бы ни говорил, нарываюсь на скандал. Мы вообще можем спокойно разговаривать? Почему ты всем недовольна? Я рассказываю о своей работе, на которой провожу большую часть жизни, и что я слышу? То не то, это не это. Я думал, что интересен тебе. А выходит — нет.

— Ты меня так заводишь, когда сердишься! Ну пойдем в кроватку мириться...

— Так ты во мне страсть разжигаешь? А я ласки хочу, Киса, любви. Я устал, понимаешь, устал!

— Кроватка нас ждет.

— Нет! Собирайся и поехали на Московский вокзал.

— Толя, что мы там забыли?

— Мама посылку передала с проводником, книги, которые я просил, и тебе подарок. Одевайся, Киса.

Она ушла в комнату, что-то бубня себе под нос. Что — он не разобрал, да и не особо хотелось. Усталость одолевала, выспаться бы, лечь и чтобы хоть пару часов никто не трогал. Мечты показались несбыточными. На ум пришла Катя. Улыбнулся мыслям и

воспоминаниям. С Катей было легко — милая, заботливая. Она бы не выясняла по десять раз на дню, любит ее мужчина или нет. Ей словесные подтверждения чувств не нужны. Жалко, что она с Михайличенко связалась.

Риту пришлось ждать довольно долго.

Но увидев ее, одетую на выход, причесанную, с очень естественным макияжем, просто залюбовался.

Анатолий поражался ее способностям и навыкам следить за собой и быть всегда неподражаемой. Он называл это искусством красоты. Удивлялся, откуда у нее все это.

Настолько не вязалась она теперешняя с той женщиной, что поступила к ним в отделение. Правда, Анисимов решил для себя, что виноват во всем мужчина, с которым она жила. Так что все произошедшее — к лучшему.

Пока добирались до метро, настроение у обоих изменилось. Ссоры как не бывало. Рита рассказывала о вчерашнем походе по магазинам, что где присмотрела и как оно хорошо бы на ней смотрелось, потом сообщила, что прибавила за неделю в весе почти килограмм, но врач женской консультации не ругалась, считает, что ей это только на пользу.

Толик же просто любовался ею и ловил завистливые взгляды проходящих мимо мужчин.

В метро было многолюдно, все куда-то спешили, но ему удалось найти для своей женщины местечко, чтобы она сидела и никто ненароком не мог ее толкнуть. Для него теперь все сводилось к ее здоровью и безопасности. Она носила его ребенка. Еще несколько месяцев, и их станет трое. Мечты сбывались. Правда, Рита утверждала, что втроем жить в такой квартирке совершенно невозможно. Просила Анатолия поговорить с мамой. Зачем той целых три комнаты практически в центре Москвы?

Но Анатолий не мог. Просто не мог заставить мать продать квартиру. Место, где он родился и вырос, да и потом она ему вовсе не принадлежала. Это родительская квартира: с огромной библиотекой, с монографиями отца и матери, с портретами и фото в рамках на стенах. А старинный комод и мебель в гостиной? Мама не расстанется со всем этим. Это ее жизнь. У него давно своя...

Они уже вышли из вагона и продвигались в сторону выхода к Московскому вокзалу, когда услышали игру на скрипке. Последнее время такое филармоническое исполнение классики в переходах и метро стало нормой, и Анатолий не обратил бы на скрипача с открытым для сбора монет футляром никакого внимания, если б Рита вдруг не произнесла:

— Молодой человек, у вас неплохая техника, но над звукоизвлечением вам необходимо поработать. Попробуйте освободить правое плечо, оно у вас немного зажато.

— Спасибо, я учту. Вы сами играете?

— Я? Дайте инструмент, я покажу.

Рита очень уверенно взяла в руки скрипку и заиграла. Анатолий поймал себя на том, что слушает с раскрытым ртом, а парнишка счастливо улыбался.

— «Мелодию» Чайковского я тоже играю, — произнес уличный музыкант. — Но у вас более проникновенно, и я понял про плечо. — Паренек восторженно смотрел на женщину. — Вы в училище учились? В каком году? Вы ж молодая еще. А у какого педагога? Может быть, я знаю?

Женщина молча отдала ему скрипку, говорить она не могла, слезы душили. Анатолий обнял ее за плечи, достал из кармана чистый платок.

— Держи, пойдем, родная. Все хорошо, просто замечательно. Пойдем, в час тридцать прибывает поезд, у нас совсем мало времени, а потом мы вернемся сюда. Молодой человек

еще не уходит. Киса, это такой прогресс. Теперь мы все узнаем, и ты будешь собой. Ты великолепно играла. Ты у меня такая талантливая умница. Я не специалист, но это просто потрясающе.

А потом он достал из внутреннего кармана пальто блокнот и записал на всякий случай координаты и домашний телефон уличного музыканта.

Рита всю дорогу молчала, всхлипывала и утирала слезы. Она наблюдала, как Анатолий забрал немаленькую коробку у проводника, как расплатился с ним. Ей было все равно. Она не захотела вернуться к скрипачу, потянув мужа к другому входу на станцию метро. Она отвернулась в поезде к темному окну и пыталась отыскать нечто утерянное и забытое в своей душе.

Оказавшись в квартире, плюхнулась на кровать и дала волю слезам.

Это была истерика. Анатолий не мог остановить ее. Заставлял пить валериану, сладкий чай, пустырник, но ничего не помогало, и лишь упоминание о скорой помощи и больнице привело Риту в чувство.

Слезы прекратились. Она поела — просто потому, что есть надо, а потом снова легла.

— Киса, так нельзя. Пойми, все хорошо. Теперь мы узнаем кто ты.

— Зачем? Толя, я была темная и счастливая. Я любила тебя, пусть и не знала, кто я. Думала, что мое предназначение — быть частью твоей жизни. Ухаживать за тобой, помогать, выслушивать. Понимаешь, у меня было будущее. Толя, я личность, не дворняжка подзаборная какая-нибудь. Я могла играть, собирать слушателей, выступать в залах, я талантлива... И где мой успех? Где мой инструмент? Разве дело в имени? Как ты не понимаешь — я никто без скрипки. И мое прошлое тут не при чем.

— Тебе нужна скрипка? Давай сходим в магазин, ну где их продают, и купим, хотя бы пойдем, сколько необходимо денег, накопим... Я не знаю, как это делается, Киса.

— Накопим? Купим в магазине? Да ты издеваешься! Хорошему музыканту необходим приличный инструмент, лучше “итальянец”, но и “немец” сойдет. Только в магазинах такие скрипки не продаются, понимаешь? Они на руках все. А еще смычок, не такое фуфло, как у того в переходе. Ты можешь мне все это дать? Верни мне жизнь, мне не нужно имя. Я согласна носить твою фамилию и рожать твоих детей. Но жизнь мне оставь мою.

— Хорошо. Я не потяну Страдивари, ты же понимаешь, найди немца», узнай стоимость, тогда разговор станет конкретным.

ЧАСТЬ 26 Поиски истины

В воскресенье Анисимов дежурил. Несколько раз звонил жене, она, как всегда, была не в настроении, сообщила сквозь зубы, что не выходила из дома, сослалась на дождь. Попросила зайти за продуктами по дороге с работы и что-нибудь вкусненькое для нее не забыть, а еще сок апельсиновый, потому что душа требует. Сказала, что телевизор смотрит, почитать-то у него нечего.

Толик обещал купить все.

На душе было беспокойно. Он думал и не мог понять, что же произошло позавчера такого, что изменило его восприятие Риты. Да и Риты ли? Она играет на скрипке... Теперь можно восстановить ее прошлое, и он этим обязательно займется. А вот Рита совсем не горит желанием узнать, кто же она на самом деле. Что тому виной? Голод? Но она давно не голодает. Боль или потеря ребенка, о котором ее мозг отказывается вспоминать? Невероятное количество вопросов, на которые у него нет ответов. Конечно, можно все списать на травму и эту скоропалительную беременность — попробуй тут не быть капризной и раздражительной. Как можно быть довольной жизнью, если вдруг потерялась в этом мире, когда нет элементарного самоопределения, кто ты есть?

От дум спасала работа.

В понедельник отчитался о прошедшем дежурстве на общей планерке. Обошел палаты, проверил назначения и записи в историях. А затем попросил отгул у Курдюмова по семейным обстоятельствам. Тот его отпустил.

Времени на расследование было в обрез, но поехать в училище и поговорить, показать фотографию, предусмотрительно взятую с собой, он успевал. А там — как Бог даст.

Анатолий вышел из метро на Канале Грибоедова. Громада Дома книги поманила современным фасадом. Пойти бы к книгам, полистать новинки, хороший там отдел научной литературы, учебников. Но некогда... Дальше-то куда? На Театральную площадь вроде? Толик смутно представлял, где это училище находится. В справочнике глянул — переулочек Матвеева. От Дома книги шли в сторону Театральной автобусы. Пока ждал свой, Анатолий все думал, вот зачем он едет? Нехорошее предчувствие скреблось, зудел внутренний голос "не надо, не надо", но не из тех был Анисимов, чтобы от задуманного отступать. Лязгнули раздвижные двери автобуса номер двадцать два, поднялся на подножку доктор Анисимов, оплатил за проезд и покатил по Невскому, мимо мрачного Казанского собора. И погода дрянная, и настроение херовое...

На Театральной вышел у Мариинского театра. Нормально. А училище где? Напротив Консерватория, памятники по бокам. У театральной кассы у подъезда народ роится, билеты хотят купить. А он-то сколько в театре не был? С мамой сто лет назад...

Так, спросить надо, язык до Киева доведет. Выбрал подходящую театральную старушку в белом берете и длиннополом пальто и приступил к ней.

— Добрый день!

— Добрый?! Никакой не добрый, пенсионерам по квоте билеты положены на балет! И не дали... у-у-у, — старушка воинственно погрозила кулаком зданию театра, — коррупционеры! Жалобу напишу! Художественному руководителю! Я ветеран труда, блокадница...

Толик стоял обескураженный этим потоком красноречия и не знал, как ему перейти к

сути своего вопроса.

— Да, несправедливости много сейчас, и с квотами беда, люди по полгода операции ждут.

— Да! — обрадовалась она. — Именно! Особенно тяжело с зубами и коленями. А вы доктор?

— Да.

— Не проктолог, случайно?

— Нет, нейрохирург...

— Жаль... Вот бы я у вас проконсультировалась, моему мужу надо... А вы что-то спросить хотели?

— Хотел, — с облегчением выдохнул Анатолий. — Училище мне надо при консерватории. Музыкальное. Не пойму, куда...

— А я вам расскажу! — Старушка ухватила Анатолия за локоть и потащила направо, вокруг театра. За ним обнаружился мост, за мостом круглое здание — ротонда. — Это у нас ДК Первой Пятилетки, говорят, сносить будут, а вот там, во-о-он за ларьком через дорогу, видите, направо и есть Матвеев переулок. Прямо идите по нему и смотрите на вывески, там будет доска. В середине там неврологический диспансер, туда не идите, вам дальше. Во двор под арку тоже не идите — там театральные мастерские и поликлиника театра. А вам все прямо.

— Спасибо, — кивнул Анатолий, но старушка не отцеплялась.

— Раз уж вы мне попались, то я, пожалуй, с вами через улицу перейду. А то там движение.

По дороге она ему начала рассказывать про простатит мужа, но не успела во всех подробностях, у ларька отцепилась от локтя Толика и попрощалась.

— Вот туда вам. Все прямо... Такой приятный молодой человек, — услышал он вслед.

Переулок был мрачен, все точно, как сказала театралка: диспансер с занавешенными окнами первого этажа, потом арка и наконец входные двери. Первая — музыкальная школа-десятилетка при ЛОЛГК, вторая — музыкальное училище при ЛОЛГК им. Римского Корсакова. Серое здание, похожее на фабричное, и второй этаж — окна под самую крышу на три этажа, как будто цех. Ни за что не подумал бы, что там могут учиться музыканты, если бы не приглушенные звуки. Еще на улице даже сквозь закрытые окна были слышны трубы и пицание флейты. Они сливались в неприятный хор. "Вот так если дома начнут за стеной, так с ума сойдешь, — с тоской подумал Анатолий, — придешь с дежурства, а тут..." Представил себе, ужаснулся. С музыкой у него отношения были не самые близкие. Слушал, конечно, по радио, в институте в походах чего-то пели под гитару. Эстрадных певцов знал: Пугачеву, Кобзона — те в телевизоре мелькали. Ну, а чтобы классику... Постоял еще под окнами, размышляя об этом. Не несли его ноги внутрь!

При входе пост вахты, налево гардероб. Без пропуска дальше него не войти. Анатолий изложил вахтеру суть дела, показал фото Ольги. Тот недовольно выслушал и сказал:

— Не знаю куда вам с этим. Звоните по местному, вон на стене висит.

— А куда звонить?

— А на чем играла эта ваша... девушка?

— На скрипке.

— Вот и звоните струнникам. Струнный отдел...

Анисимов нашел в списке номер, позвонил и снова пересказал все женщине, которая

ему ответила. По благоприятному стечению обстоятельств она оказалась заведующей струнным отделением. Впрочем, радоваться было рано: как и вахтер, она не горела желанием оказывать содействие Анисимову. Он настаивал, и в конце концов она рассердилась.

— Ничего не поняла, ждите, сейчас спущусь.

По ее тону стало ясно, что хорошего ждать нечего.

Анатолий так примерно и представлял ее — подтянутая седая, коротко стриженная дама в крупных бусах и серьгах с огромными камнями. Строгое платье, ну прямо как концертное для филармонии. Толик даже опешил под пристальным пронизательным взглядом.

— Это вы про девушку спрашивали?

— Да.

— Покажите фото, — приказала дама. Но как увидела, руками всплеснула и продолжала другим тоном: — Это же наша Ольга! Идемте со мной, расскажите все подробно. Он по делу, — обронила она вахтеру и пошла вперед. По широкой лестнице на этаж, где обитали струнники, Анатолий за ней. Дама завела его в класс. Там стоял рояль и несколько виолончелей в футлярах, а в раскрытом на рояле лежала скрипка.

— Так вот она какая теперь, Оля Моцарская. Красивая! Всегда была красивой, поразительно красивой. Знаю я ее. Конечно, знаю. Сейчас мы с вами пройдем к ее педагогу Лидии Александровне, у нее должен быть перерыв. — Посмотрела в расписание. — Так и есть. Жалко Олю, талантливая была, себе цену знала. Говорите, травма с потерей памяти? Какой ужас! Может быть, мы можем чем-то помочь? Если нужны деньги, то...

— Нет, деньги не нужны. Она вспомнила скрипку, вот я и решил разузнать, чтобы определить тактику лечения. Ну вы понимаете, мозг имеет слишком тонкую организацию...

— Да, конечно, согласна с вами.

Они снова шли по длинному коридору Она впереди, он сзади. Из-за дверей каждого кабинета раздавались звуки, и если по отдельности они были мелодией то, смешиваясь друг с другом, все вместе казались просто музыкальным шумом.

Анатолий погрузился в свои мысли.

Итак, его Рита оказалась Ольгой. Сейчас он все узнает, а дальше что? Может статься, что она, обретя себя, просто не захочет быть с ним и уйдет в свою прежнюю жизнь. Но отпустить ее не представлялось возможным. Анатолий любил ее и любил их будущего ребенка. Теперь он не может себе представить существования без своей жены, просто боится ее потерять.

Может, зря затеял все это расследование? Жили бы и жили. Она носит его фамилию, и их сын — а он был уверен, что у них будет сын, — тоже будет Анисимов. И какая разница, Ольга она или Рита? Для него — Рита. И скрипку он ей купит! Неужели мать его ребенка не заслужила?! А деньги можно заработать, взять кредит, в конце концов, вот говорят же, что талантливая, так пусть играет. И ребенку полезно. Вспомнил, как его брали в театры родители, редко, правда, слишком заняты были, но водили же. И пластинки были. Сколько раз в детстве, будучи один дома, слушал Иоланту. Как переживал за слепую девушку, которую можно было вылечить путем несложной операции. Отец делал в тысячу раз сложнее. Сам так говорил, отвечая на вопросы сына про тактику лечения Иоланты. Она тоже была очень красива...

— Вот мы и пришли, — голос заведующей струнным отделением вернул его в реальность. — Сейчас вы с педагогом Ольги поговорите. Они близки были. — Она

распахнула двери и пригласила Анатолия войти в кабинет. — Будьте знакомы, Вишняк Лидия Александровна, наш лучший преподаватель, она о своей ученице вам больше меня расскажет. — А затем обратилась к педагогу: — Лидия, это доктор Анисимов, он Олей Моцарской интересуется, там такая трагедия, вы не представляете. Но Ольга жива и идет на поправку. Помогите, чем сможете. До свидания, доктор, держите нас в курсе Олиных дел.

С этими словами его провожатая покинула кабинет.

Лидия Александровна взглянула на него строго сверху вниз. Пригласила сесть, а сама устроилась напротив.

— Говорите, что вы лечащий врач? Ну-ну... Предположим, что я поверила. Первый раз вижу чтобы врач занимался расследованием жизни своей пациентки. Так что конкретно вас интересует?

— Все! Где жила Ольга, с кем, как училась, кто родители? Абсолютно все, что вы о ней знаете.

— Вы думаете, что я могу вам, незнакомому мне человеку, доверить конфиденциальную информацию?

— Мне уйти? — Анатолий начал приподниматься со стула.

— Нет, просто скажите правду.

Анатолию было неловко, но он предпочел рассказать все как есть. Она слушала внимательно, не перебивая, сохраняя невозмутимое, спокойное выражение лица, лишь живые пытливые глаза смотрели заинтересованно. К концу повествования ее взгляд заметно потеплел. Она покачала головой, развела руками и произнесла:

— Что такое жизнь! Каждому воздастся по делам его. Ну хорошо, я расскажу, только чем оно вам поможет, не знаю. Оля пришла ко мне после восьмого класса. Конкурс у нас всегда очень приличный, да и тогда был немаленький. Она уверенно победила. Девочка всегда знала, чего хочет, и добивалась своего легко. Божественно красива, талантлива. Она умела кружить головы мужчинам, даже не осознавая того, что творит. По ней сходили с ума, а она была еще ребенком. Приходила ко мне, спрашивала: что, зачем и почему. Оля была хорошей девочкой, пока не случился тот скандал с ее отцом.

— Так ее родители живы?! И где они? Здесь, в Питере?

— Давайте по порядку. — Лидия Александровна замолчала ненадолго, задумавшись, и продолжила: — Отец растил дочь один, баловал сильно. Ольга не нуждалась ни в чем, он по мере сил пытался заменить ей мать. Не скажу, насколько преуспел, должность при Союзе занимал не мелкую, начальник снабжения области, так что возможности были. Вещи ей дорогие, импортные покупал. Одевал как куклу. Инструмент хороший приобрел, о таком на курсе никто даже мечтать не мог. Нежности между ними не хватало, это да. Да и откуда! Музыкальную школу она окончила, живя в интернате для одаренных детей. Рассказывала, что на лето ее отец в Крым отправлял закаляться, в санатории. Сами понимаете: мужчина один да при деньгах — многие на него виды имели. Но он не женился, пока Оля маленькая была. А тут, как только ей шестнадцать исполнилось, так он ее с мачехой и познакомил... Вот такие дела. Оля ее не приняла, а отца не простила. Из дома ушла, у меня жила какое-то время. Она тогда же и с Сашей встретилась. Будущим мужем. Как он ее любил! А какой парень! Высокий, фигура настоящая мужская, в форме, подтянутый, письма каждый день писал. Так она говорила, я не видела и не читала. А она хвостом крутила. Да только знаете, молодой человек, Оля всегда знала, с кем и как можно.

— Так что отец? Где? — нетерпеливо спросил Анатолий.

— Уехал, — вздохнула Лидия Александровна. — Квартиру дочке подарил и с молодой женой эмигрировал то ли в Польшу, то ли в Чехию. Не скажу, не помню. Да правильно он сделал: чем меж двух огней маяться — лучше так.

— А Саша?

— Поженились они. Он училище бросил, не хотела она за ним по распределению. Она рассчитывала сделать карьеру, концерты играть, а он в бизнес пошел. Что дальше — не скажу. Как диплом получила и замуж вышла, так мы и не виделись. Другие ученики приходят или на афишах мелькают, а Оля — нет.

— Адрес квартиры не знаете? Подскажете? И фамилию мужа Ольги хотелось бы...

— Сейчас в записной книжке посмотрю. А вот фамилию нет. То ли Гранатов, то ли Солдатов... Военная какая-то фамилия, не помню.

— Лидия Александровна, еще у меня вопрос к вам есть. Сколько скрипка приличная стоит может?

— Смотря для чего она вам, молодой человек.

— Рита, то есть Ольга, хочет инструмент. Говорит, что нужен «немец» или «итальянец». А я так далек от этого. — Он улыбнулся. — Понимаю, что недешево, но в каких пределах? Я заработаю, конечно. Кредит возьму и куплю.

— Для начала вы должны понимать: в больших музыкальных магазинах продаются скрипки самого низкого качества, что бы вам не рассказывали продавцы. Достойная скрипка продается без смычка. Смычки делают другие мастера или на особых фабриках. Главное в «старой» скрипке — это ее состояние. Бойтесь трещин. Современные тоже купить непросто. Многие мухлюют: покупают заготовки, доделывают и продают в разы дороже. Но если вы положите рядом две скрипки такого мастера, то увидите, что они абсолютно идентичны. Длина шейки, мензуры, корпуса — все один в один. Старый инструмент лучше покупать со специалистом. Договоритесь под залог полной стоимости поиграть на ней пару дней, и все будет ясно. Подходит она или нет. Повторюсь, отсутствие серьезных дефектов — это основной критерий. На верхней деке могут быть небольшие, аккуратно заклеенные трещины, они особо на звук не влияют, в отличие от повреждений нижней деки. Царапины или потертости лака неизбежны при эксплуатации и на качестве не сказываются. Если на скрипке написана известная фамилия, будьте уверены, что этот мастер ее не делал. Она «сделана по модели Страдивари (Гварнери, Штайнер и так далее)». Вы меня понимаете? — Лидия Александровна заметила растерянность Анатолия, но продолжала: — Глупо покупать скрипку дорого только потому, что она «старинная». Немецких мануфактурных скрипок конца девятнадцатого — середины двадцатого века очень много. Разница в звуке, качестве работы, выборе дерева, лака — велика. Разброс цен тоже. От тысячи до двух тысяч долларов достаточно широкий выбор инструментов. Скрипки современных известных мастеров могут стоить и тридцать тысяч, а старинные мастерские инструменты и пятьсот и сто тысяч долларов, разумеется. В Петербурге найти что-то выдающееся можно.

— Пять-десять тысяч долларов? — Анатолий ужаснулся. Из всего сказанного он понял только это, остальное как будто на иностранном языке Лидия Александровна проговорила. Шейка, дека... — И как я смогу отличить одну скрипку от другой? Рита не помощница в этом деле. И вообще, мне очень хочется сделать ей подарок, такой, чтобы на всю жизнь. Не могли бы вы мне помочь? Побудете тем самым специалистом консультантом? Уж кто-кто, а

вы в скрипках разбираетесь.

— Попробую помочь, Анатолий Сергеевич. Давайте обменяемся телефонами, и как только я что-то узнаю — сразу позвоню.

По времени Анатолий успевал съездить на Васильевский в квартиру Ольги. Вдруг он там Александра этого застанет?

Но судьба ему не улыбнулась. Квартиру он, конечно, нашел, только жили в ней совершенно посторонние для Ольги люди, въехали всего лишь год назад, да и купили ее вовсе не у Александра. Соседи двери не открыли, и Анисимов ушел ни с чем.

ЧАСТЬ 27 Просто работа

Из операционной Анатолий с Курдюмовым вышли только после обеда. Даже разговаривать друг с другом не было сил. Устали невероятно. В ординаторской молча сели на диван, облокотились на спинку и вытянули ноги. Со стороны казалось, что спали.

Молодой ординатор Петя появился несколько позже. На операции он присутствовал, смотрел. Пока ему даже крючки держать не доверяли, только теорию отвечать заставляли и учить так, чтоб от зубов отскакивало.

— Что там было-то? — спросил сидевший за своим столом Михайличенко. — И начали во сколько? Я думал, что сегодня в отделении один работаю. Ни отчета дежурного врача, ни сводки по отделению и приемному покою. Пришел как в пустыню.

— Что вы, там такая операция! Это ж фантастика!

— Вот чего-чего, а фантастики у нас хватает: что ни день, то фантастика. А пациенты наши такие изобретатели, только диву даешься, сколько дураков по земле ходит. Давай про операцию расскажи да чай организуй сладкий для ведущих специалистов в коматозном состоянии.

Он засмеялся в голос, довольный своей шуткой, совершенно не заботясь о том, что может разбудить коллег.

— Так дежурили мы с Олегом Александровичем, когда уже под утро привезли эту, с подозрением на инсульт. Парализовало ее. Правосторонняя гемиплегия, короча. И лицевой нерв того — разобрать, что говорит, трудно. И все б ничего, а у нее беременность двадцать четыре-двадцать пять недель. Ей все риски Олег Александрович объяснил, а она только про ребенка думает, «Сохраняйте беременность, даже если я умру» говорит. Ну вот пока ей снимок делали да анализы, я Анатолию Сергеевичу дозвонился, и он приехал. Пять с половиной часов шла операция. Так там еще гинеколог присутствовал, за ребенком следил, чтобы тот наркоз пережил.

— Идиоты! — Михайличенко только руками развел. — Ну нафиг на поводе у бабы-то идти?! Беременные ж вообще соображают плохо. И что ребенок?

— Да норм вроде. Только, представляете, никакого инсульта у нее не было, череп вскрыли, а там опухоль. Ну на том самом месте, что рентген показал.

— Матерились крепко?

— Да нет. Даже говорили мало, зато как работали! Ладно, пойду чай ставить, им точно сейчас покрепче да с сахарком нужно.

Он поднялся и побежал.

Анатолий проснулся и не понял, где он, повернул голову в сторону и увидел спящего Курдюмова. Вот тогда вспомнил все. Тело болело и не слушалось, но надо встать, определить, сколько времени спал, и пойти в реанимацию узнать состояние беременной. Почему их никто не разбудил, сразу и не понял. Ординатор Петя присутствовал в операционной, нос свой любопытный совал везде. Только операция слишком сложная, не до него. Голова просто раскалывалась, да и мышцы ныли — столько отстоять и в таком напряжении. Чайку бы.

Петя материализовался как из ниоткуда.

— Анатолий Сергеич, я вам чай с сахаром налил. Три ложки хватит?

— Покрепче сделал?

— Как вы любите, я ж выучил уже, какой чай кто из врачей пьет.

— Ты мне завтра височную кость сдавать будешь, выучил он. Олегу тоже неси, сейчас разбужу его. Ночью спали, пока дежурили?

— Да нет, не пришлось, пациентов кого привозили, а кто и своими ногами пришел. Человек тридцать с вечера приняли. Я шил кожу, представляете?

— Швы ты мне тоже сдавать будешь, надо нам вместе дежурить в следующий раз.

— Да я только за! Честное пионерское!

— Нет давно твоих пионеров, значит, и слова такого нет. В реанимации был?

— Был, она в себя еще не пришла, но живот проверила рукой правой. Так анестезиолог просил вам это сразу сказать.

Анатолий рассмеялся, выпил чаю и блаженно зажмурился. На душе светло стало, хорошо, хоть и неясен еще результат. Мало ли как отразится операция на состоянии больной в дальнейшем. Но ближайшие результаты обнадеживали.

— Вот ради таких новостей жить стоит и работать. Понял? — Анатолий внимательно смотрел на счастливого парнишку. Давно ли сам таким был? Восторженным, умеющим радоваться каждой победе.

— Что говоришь, Толь? — Олег открыл глаза.

— Рука действует у беременной.

— Рука — это хорошо, это замечательно просто. Ей обе руки с младенчиком нужны. — Курдюмов потянулся. — Давно я так не уставал. Спасибо, что приехал, Толь. Я б без тебя не справился. Теперь твой должник.

— Можно подумать, что ты на моем месте не приехал бы...

После чая оба отправились в реанимацию, а затем на крыльцо подышать свежим воздухом и покурить.

— Толь, а зачем ты в детской нейротравме дежуришь? — Спросил вдруг Олег.

— Деньги мне нужны, а что? И как узнал? — Анисимов усмехнулся.

— Благодарность тебе написали, переслали из детской главному. Тот спросил, почему у них берешь дополнительные часы, а не у нас.

— Думал не дадите. Я и так на полторы ставки.

— Толь, тебя в детстве разговаривать учили? Спросил бы — дали. Или у тебя к детям особое отношение?

— Нет, как раз мне там не кайф, поубивал бы этих непутевых родителей. Ну страна идиотов, ей-богу.

— Благодарность от какой-то Козловой была. Такую помнишь?

— Козловой? Ее забудешь... Ты знаешь, что эта коза вытворила?

— Расскажешь?

— Отчего же не рассказать. Муж подарил дамочке машинку-автомат, чтобы пеленки стирать легче было. Вот работает у нее машина, а этой стрекозе на улицу приспичило с ребенком трехмесячным, она его туго спеленала, в одеяло завернула, только чепчик и шапочку не надела, чтоб не перегрелся. Положила она сына на верхнюю крышку работающей стиралки, а сама глаза подкрашивала перед зеркалом. И тут включился отжим. Машинка неуравновешенная. От вибрации ребенка выкинуло в ванну. Результат — вдавленный перелом черепа. Ребра и все остальное цело, а вот голова... Олег, он здоровым родился, понимаешь?

— Понимаю, но башку родителям свою не поставишь. Да и не желала твоя коза такой участи своему сыну. Все ошибки совершают, только каяться поздно бывает. Моему вон сыну сегодня четырнадцать, пойду поздравлю, если на порог пустят. Что подарить — не знаю. Деньги дам, а еще? У меня девочки во втором браке, они со мной, я как домой попадаю, так их вижу и не задумываюсь над подарками, наперед знаю, что которая хочет. Разве я думал, что сын без меня расти будет?

— Вот как... Не знал, конечно. У меня не было детей в первом браке.

Анатолий достал пачку сигарет и предложил Курдюмову, понимал, что выговориться надо человеку, а некому душу излить. Жене нынешней про бывшую — не поймет, еще и ревновать начнет, как его Киса. А носить в себе и молчать тоже не дело. Проговоренная проблема решаема, а если ее внутренне крутить да перемалывать, ничего кроме пробуксовки не выйдет. А хирург должен быть свободен от всего такого, ему думать и решения принимать быстро надо, не отвлекаясь ни на что. Олег очень хороший хирург — с головой, с руками. Зря тогда на него бочку катил. Он, как заведующий, на своем месте, да и человек хороший. Курдюмов взял сигарету, затянулся.

— Понимаешь, моя бывшая считает, что я виноват в разводе. Вот если бы работа у меня была нормальная, то жили бы и жили. А так дома не ночевал, супружеские обязанности выполнял неисправно по причине усталости, мало зарабатывал, и любовницу еще мне приписала. А такому аморальному типу общаться с сыном противопоказано. Представляешь, в суде заявила: «При такой работе ты и пить скоро начнешь! Какой из тебя отец?» Это все оттого, что к медицине она никакого отношения не имела. А ведь пока учился, жили душа в душу, на шестом курсе проблемы появились. Потом я работал сутки через сутки в больнице, а то и двое через сутки. То есть в месяце дома я бывал десять ночей. Думаешь, она понимала, насколько я устал? Ей то в гости, то в кино, то в театр. Я уснул как-то на спектакле, так скандал она мне, знаешь, какой закатила. Типа я чурбан неотесанный, позорю ее только. Толя, я люблю театр. Но чтобы вникнуть в то, что происходит на сцене, надо выспаться, а в филармонии на концерте не думать, как там твой послеоперационный больной в реанимации. У нас же время иначе движется, не как у людей. Глянул в окно стационара, а там снег, зато когда в следующий раз посмотрел — лето уже на исходе. Я привык, что на меня обижаются все друзья, потому что или не приходишь на встречи, на которые тебя зовут, или приходишь и тихо засыпаешь в уголочке. И все — все, кто не понимает, осуждает, смеется над тобой, уходят из твоей жизни. Около тебя остаются только такие же, как ты, медработники. Они понимают твой график, твои шутки, твой цинизм, понимают, когда ты не берешь трубку домашнего или просишь перезвонить, потому что отдыхаешь, ты лечишь своих детей по телефону, и уроки проверяешь так же. Иногда бросить все хочется и с дочками рвануть на природу, показать, рассказать. Книжки обсудить, в кино сводить их, чтоб не с бабушками они росли, а со мной, понимаешь?

— Конечно понимаю. Только говоришь ты все время, что дочки с тобой бы пошли. А жену, мать их, вы с собой не возьмете?

— Ее возьмешь, как же! У нее ж то роды, то кесарево. Ты думаешь, она из своего роддома вылезает? Кстати, мать твоя говорила, что в школе стихи писал. Сейчас пишешь?

— Что, стенгазету выпускать некому, так ты на меня повесить это решил? Я пока дома жил, всю библиотеку родительскую прочел, а многое и не по одному разу. Знатная библиотека у них. Редко у кого такую встретишь. Прошное — прошлому. У меня первая жена врачом была, и общность интересов имелась по работе так точно, а жизни без любви не

получилось...

— А сейчас? С этой у тебя нормально?

Анисимов заметил тень сочувствия, мелькнувшую во взгляде Олега.

— Ребенка ждем. Или ты про амнезию? Вспоминать она стала, фрагментарно, но уже хлеб. Я даже личность ее установил. Осталось найти семью, оформить развод, восстановить документы. Чтобы по-человечески все и законно. Я ложь не люблю, а тут... — Он замолчал. Поднял глаза на Олега. — Ну что ты так смотришь? Не надо мне сочувствовать. Все ж хорошо.

— Толь, если ты с ней счастлив, то все действительно хорошо. Но счастливым ты, мой друг, не выглядишь.

Олег выкинул бычок в урну, похлопал Анисимова по плечу и произнес:

— Пошли в отделение. Нас ждут великие дела.

— Сейчас приду, я быстро, в прозекутуру мне нужно, срочно. Минут двадцать, и я на месте.

Курдюмов пожал плечами и вошел в приемное отделение.

Анисимов же поймал себя на мысли, что разгадка его Риты была всегда очень близко от него. Только он ее не видел или же упускал из виду. Прозектура! Вот где была вся необходимая информация. О чем он думал столько времени! Мог же сразу по свежим следам узнать. Ту, которая поступила вместе с его Ритой-Ольгой, кто-то забрал и похоронил. Есть адрес. В прозекутуре есть адрес.

Конечно, и эта ниточка может быть ложной, но чем черт не шутит.

ЧАСТЬ 28 Расследование продолжается

Два санитаря курили на улице около морга. В патологоанатомическом отделении тишина и покой: если б муха пролетела — ее бы слышно было. Вскрытий нет, в лаборантской колдуют над срезами, а врачи все в ординаторской, микроскопией заняты.

Толика встретили удивленно.

— Анатолий Сергеевич, с чем пожаловал? Мы СТО-биопсию во время операции дали. Там все норм. Опухоль вы всю убрали. — Зав отделением не мог понять причину появления Анисимова.

— Да я по другому вопросу, Владимир Владимирович. Поговорим?

Заведующий встал из-за стола, выключил подсветку микроскопа и вышел вместе с Анисимовым в коридор.

— Давай тут покурим, только окно открою. А то на улице холодно, а у меня радикулит.

— Приходи, блокаду сделаю, все легче будет. А вообще, лечиться надо, ты это как никто понимать должен.

— Приду, сейчас биопсии отвечу, и к тебе. Ни стоять, ни сидеть не могу. Состояние полного нестояния, в прямом смысле этого слова. Так что ты хотел?

Толик протянул Владимиру сигареты. Тот взял, закурил.

— Володя, меня интересует адрес трупа, моего трупа, за четырнадцатое февраля этого года.

— Типун тебе на язык! — тот расхохотался. — Надеюсь твоего трупа не видеть никогда, живым быть лучше. Ну насмешил.

— Да ладно, ты понял, что я сказать хотел. — Толик тоже смеялся.

— Понял. Так зачем тебе адрес?

— Цепочка у меня осталась, в столе нашел, нехорошо, отдать нужно.

— Врешь же. Ну дело твое. Худого ты ничего задумать не мог, не тот человек. Так я тебе помогу, за блокаду новокаиновую. Давай журнал поднимем.

Журнал с верхней полки пришлось доставать Анатолию, Владимир поднять вверх руки, а тем более потянуться никак не мог.

Листать пришлось много, пока нашлась нужная запись.

Ольга Минина, двадцать четыре года, номер истории болезни, диагноз. А расписку в получении трупа писал... Вот еще, Игорь Николаевич Васильев, потому как Александр Минин, муж покойницы, находился на стационарном лечении. А вот адреса не было, поступила-то с улицы.

Это объясняло многое, но не все. Оставалось поговорить с лечащим врачом Минина. И там в истории болезни списать адрес. Анатолий задумался. Если бы сразу, пока Рита лежала в стационаре, он занялся этим вопросом, то не было б у него сейчас жены, и сына в проекте бы тоже не было...

Игру какую-то затеяли с ним боги. Доказать свое существование ему неверующему пытаются. Ну да ладно, еще непонятно, кто кому что докажет.

С такими мыслями Толик возвращался в родное отделение. У двери ординаторской его поджидали родственники беременной.

Пришлось объяснять и доказывать. Анисимов каждый раз поражался, как люди не понимают и извращают сказанное. Когда-то давно, когда он только начинал, пытался

изъясниться по-научному, даже любовался собой, а потом понял, что переживающему, плохо соображающему от страха родственнику нужно говорить просто и доступно, даже о самых сложных моментах. Повторять одно и то же, пока не дойдет. Вот и сейчас отец женщины возмущался неоправданным риском, связанным с сохранением беременности, а муж благодарил за спасенного сына. Каждый знал только свою правду и свой страх. О прогнозах Толик пока не говорил, завтра будет все яснее.

В ординаторской узнал, что ему несколько раз звонила жена.

Пришлось перезвонить, поинтересоваться, что там у нее. Долго ждать ответа ему не пришлось.

— Ну вот, наконец-то. Я сколько раз тебя набирала, забыли передать, что ли? — Ее тон был скорее нетерпеливым, чем возмущенным, и голос такой нежный.

— Киса, я только в ординаторскую вошел. У тебя все в порядке?

— Я так устала сегодня, милый, если бы только знал, как долго бродила по улицам твоя Киса. Ты же сам сказал, что мне нужно много гулять. А еще я поела, Толечка, у меня даже не было сил разогреть еду, но и так все было вкусно. Я откусывала котлетки маленькими кусочками и думала о тебе. Знаешь, что я представляла?

Толик вздохнул: время неумолимо шло вперед, и он мог опоздать в пульмонологию. У терапевтов гораздо более фиксированный рабочий день. Но выслушать Риту надо. Она одна дома, ждет его, ей одиноко.

— Киса, если у тебя все, то я перезвоню тебе с дежурства из приемного отделения. Я рад, что с тобой все хорошо, и что ты много гуляла тоже, ребенку это нужно, он дышит вместе с тобой.

— Толечка, перезвони, я должна рассказать тебе что-то радостное и важное. А после душа я сонный киселек и даже ничего внятного тебе сказать не могу. Поцелуй свою Кису, она по тебе скучает.

— Он уже шевелится? — Толик решил, что Рита рассказывает ему о ребенке, по срокам при повторной беременности первые признаки шевеления плода уже могли быть.

— Не знаю, я просто не знаю, как я должна его ощущать. Все может быть. Ну давай, перезвони обязательно. Я буду ждать, а пока вздремну немножко.

Толик положил трубку на телефонный аппарат. Зачем ему звонила жена, да еще срочно просила перезвонить, он так и не понял. Судя по голосу и тому, что она рассказывала, с ней абсолютно все в порядке, а еду не разогрела просто потому что лень.

Надо внимания ей уделять побольше, но с его работой... А еще расследование это затеял. Может быть, и зря, но вернуть имя человеку надо, и развод оформить, и зарегистрироваться снова по-настоящему. Не устраивал Анатолия брак по фиктивному паспорту. Ребенок будет, его сын. Все бумаги должны быть исправными, чтобы комар носа не подточил.

Пока заполнял истории, его снова позвали к телефону. На этот раз звонили из терапии.

— Анатолий Сергеевич, добрый день, профессор Боярчиков беспокоит. — Толик улыбнулся, вот так бывает, что на ловца и зверь бежит, а в трубке продолжали: — Не почтите за труд, дорогой мой, есть у меня подозрения по поводу невриномы слухового нерва у некой гражданки Семеновой, вы бы подошли на консилиум, компьютерную томографию одним глазком бы глянули и решили б — возьметесь оперировать или нет.

— Я? Почему я? — В голосе сквозило удивление.

— Потому что случай интересный, а вам бы я доверил. И статью бы вместе в журнал

подали. Когда у вас последняя публикация была? Пару лет назад? Вот то-то же! Не отказывайтесь и не передавайте никому уникальный случай.

— И чем же он уникальный?

— Тем, что ко мне попал, а я вас позвал, Анатолий Сергеевич. Жду через двадцать минут.

Анатолий положил трубку и усмехнулся. Весь разговор Курдюмов слушал очень внимательно. Слышал, может, и не все, но достаточно, чтобы сделать выводы. Телефон-то на его столе стоит.

— Толь, что нам Боярчиков подсовывает?

— Шванному слухового нерва. Статью хочет, значит, случай атипичный. Ладно, пошел я.

— Защищаться тебе надо, а не статьи для Боярчикова писать, хотя врач и диагност он хороший, — услышал слова Курдюмова, пока двери закрывал.

Анатолий понимал, к чему клонит коллега из терапии. Конечно, все заслуги диагностики опухоли были его, а Анисимову достанется техническая часть, то есть достаточно сложная операция и написание самой статьи, в которой первой будет красоваться фамилия Боярчикова. Но это ничего, в данном случае все честно, а публикаций у него действительно давно не было. Будет статья, пошлет журнал матери, она хоть порадуется.

С Ритой Мария Владимировна все так же не общалась. Жила одна-одинешенька, даже домой сыну больше не звонила, иногда на работу. А междугородние звонки-то дорогие, накладно ей с пенсии. Обо всем этом думал Анатолий по дороге из одного корпуса в другой. За мать сильно душа болела. Мало того что живут врозь, так и надежд ее он не оправдал. Может, и вправду поднапрячься и защититься — ради матери?

Боярчиков встретил радушно, чаем напоил, конфетами угостил. Поговорили, обсудили и больную, и статью будущую. С больной побеседовали, уговорили оперироваться, подробно все объяснили: и перспективы, и риски. Договорились о переводе в нейрохиргию на следующий день. Толик как только консультацию в историю записал, о своем вспомнил.

— А у меня к вам, Сергей Николаевич, тоже дело имеется.

— Говорите, помогу, чем смогу, все, что в моих силах, сделаю.

— В феврале больной у вас лежал, мне бы информацию о нем. Не подумайте ничего плохого.

— Да я и не думаю. В феврале? Давненько. С чем лежал?

— Понятия не имею, у вас спросить хотел. Минин его фамилия.

— Минин! Минин, говорите... — Боярчиков задумался на мгновение, а Потом вспомнил: — Минин Александр, в люксе с пневмонией, помню. Я еще туберкулез подозревал. Худой, истощенный такой парень, и кашель застарелый у него хронический. Но, слава Богу, туберкулез не подтвердился, выздоровел ваш Минин и выписался.

— Истощенный больной лежал в люксе?

— Да, его друг привел, знаете, такой из братков. Оплатил люкс, лекарства дефицитные купил, дочку приводил на свидание, уж больно о девочке Минин беспокоился, так я разрешил посещение с ребенком. Сам-то он с криминалом вряд ли связан. По внешнему виду сужу, по разговору. А что вдруг вы о нем беспокоитесь? Не заболел ли?

— А нет, здоров. Его историю увидеть можно?

— Распоряжусь, поднимут из архива.

По дороге в свой корпус Толик думал о дочке Минина. Жив ребенок. Вот странность какая: голод его Рита вспомнила, игру на скрипке тоже, а дочку? Ладно мужа забыла, может, он бил ее, хотя со слов Боярчикова человек этот Александр положительный, но несчастный. Он о дочери вспоминал и беспокоился. А Ольга, то есть Рита, ее забыла.

Очень хотелось поговорить с ней, обрадовать, рассказать, что жив ее ребенок. Для матери это так важно.

Но Анатолий понимал, что делать этого пока не следует. Рано. Вот доведет до конца свое расследование, а там...

=====

(1) — Биопсия — метод исследования, при котором проводится прижизненный забор клеток или тканей из организма с диагностической или исследовательской целью.

— Толя, у вас тут так дурно пахнет! — Рита вломилась в перевязочную, где Анисимов накладывал косметический шов на кожу лба женщине, на которую упало стекло с книжной полки.

В коридоре сидело несколько пациентов в очереди, а в смотровой лежал под капельницей парень в алкогольной коме, но он вышел на улицу с третьего этажа через балкон, а потому являлся профильным больным нейротравмы.

— Киса! Что ты здесь делаешь? — Анатолий был вовсе не рад видеть ее сейчас на работе.

— У меня к тебе срочное дело! Я звонила, между прочим! Тогда не могла говорить, устала слишком, а потом можно было и поинтересоваться, зачем я тебя разыскивала. Но тебе все равно. Да меня, блин, тошнит от этих запахов, неужели нельзя проветрить помещение!

— Рита, я работаю. Сейчас медсестра проводит тебя в ординаторскую, и ты там меня подождешь, хорошо?

— Сколько ждать прикажешь?

— В идеале, пока я не вернусь с работы завтра вечером. Но раз ты уже пришла, то посиди в ординаторской. Как только, так сразу.

Рита осталась недовольна, и еще эта девушка рядом с ее мужем. Они всего на мгновение встретились взглядами, но Рите показалось, что в глазах медсестры был упрек.

«Да кто она такая? Как она смеет?» — Рита не понимала почему какая-то медсестра может ее в чем-то упрекнуть. Да, пришла, а что оставалось, если вопрос надо решать срочно, а Анатолию до него никакого дела нет. Вот пришлось ей, беременной женщине, по темникам тащиться к мужу на работу. Дома-то его не застанешь, все отсутствует где-то, говорит, что работает. Когда люди работают, то у них есть деньги, а этот...

Ей стало себя невероятно жалко.

Как же так получилось, что она такая молодая, красивая, умная и талантливая осталась за бортом жизни? С первым мужем не повезло, чуть не померла, в аварию такую попала, теперь второй — не рыба не мясо. Разве такой судьбы она достойна? Разве рождена она для того, чтобы жить затворницей в однокомнатной квартире, из которой ее могут вышвырнуть в любую минуту, терпеть тошноту и все неудобства беременности? Ее ж разнесет вот-вот, и похожа она станет на каракатицу. От грустных мыслей из глаз полились слезы.

Вот такую заплаканную, с красными глазами, всхлипывающую и застал ее Толик.

— Киса, ну ты что? — Он подошел и обнял ее, а она его оттолкнула.

— Толя, меня тошнит от этих ужасных запахов, сядь подальше и окно открой.

Он приоткрыл окно. Сел напротив нее на стул. Внутри все кипело: незачем было являться к нему на работу, еще и выговаривать про не те ароматы. Не французский дом тут, а больница.

— Рассказывай, что привело тебя на ночь глядя в это ужасное место с противными запахами. Хлоркой пахнет, спиртом, перегаром, кровью и табаком. Людьюми пахнет. Тут тебе не розарий. Киса, тебя никто не звал сюда, и все твои «Фу! Фу! Фу!» совершенно неуместны.

— Толь, но дело правда срочное. Ты сам заварил эту кашу. Я знаю, что ты был в музыкальном училище, знаю, что просил подыскать скрипку для меня. Я тронута твоей заботой. Если бы ты еще начатое до конца умел доводить... Так вот сегодня позвонила та женщина, с которой ты договаривался, и сообщила, что она нашла инструмент. Его нужно было срочно посмотреть, ты оперировал, тебя не было, а ехать одна я не решилась, попросила парня из перехода, и мы ... Короче, это то, что надо. Завтра нужно дать ответ, мы не одни претенденты на эту скрипку.

— «Та женщина» учила тебя музыке, это твой педагог. — Толик не мог унять раздражения.

— Я не помню ее! Я ей благодарна, но вот тыкать мне моей проблемой вовсе не надо! Толечка, почему мы все время ссоримся? Я все бросила и пришла к тебе, а ты сидишь напротив, как истукан... Кто я для тебя? Только вместилище для твоего ребенка? Почему я больше не волную тебя? Вот и сейчас, я привела себя в порядок, я оделась как в театр на премьеру, я сижу в этой ужасной прокуренной ординаторской и ощущаю от тебя только негатив. Ты даже не хочешь меня, я располнела, знаю, и грудь увеличилась, но ведь тебе нравилась моя грудь.

— Сколько стоит скрипка?

— Толя, это «немец», настоящий «немец», домануфактурного периода, сделанный мастером в восемнадцатом веке, предположительно, одним из учеников Матиаса Клотца. «Grand Amati». Если бы ты слышал ее усиленное звучание при невероятной мягкости и нежности тембра! Толя, это полный восторг, мечта всей моей жизни.

— Сколько стоит скрипка? — Анатолий пытался сдержать раздражение.

— Они продают ее дешево, потому что не хотят оплачивать экспертизу.

— Сколько стоит скрипка?! — Толик уже выходил из себя.

— Семь тысяч условных единиц без смычка.

— А смычок сколько стоит?

— Я этим еще не занималась. Но, примерно, долларов двести. Толя, если у меня будет инструмент, я смогу работать. Ну уж по крайней мере на свои нужды я заработаю всегда.

— Может быть, ты сначала родишь? Киса, я не понимаю... На роды, на ребенка нужны деньги, ты же вытаскиваешь мои зачатки, я не могу покрыть расходы на все твои “хочу”. С твоей амнезией надо тоже что-то делать. Я не готов вот так сразу выложить деньги за скрипку. А кредит — это кабала.

— Поговори с мамой. Пусть раскошелится. Толик, ты сам просил ту женщину помочь тебе купить инструмент для меня. Она согласна дать несколько уроков, направить, и я смогу играть. Я понимаю, что твой интеллектуальный уровень не позволяет понять мои потребности, ты и прекрасное несовместимы. С чем ты работаешь! Дрели, пилы, ну какая уж тут музыка... Да не сердись, шучу я, шучу.

Внутри у Толика кипело. Нет, не мог он разговаривать с ней дальше, а потому все это надо немедленно прекратить и решения оставить на потом. В конце концов, она носит его ребенка. Весомый аргумент, чтобы не взорваться.

— Я сейчас вызову такси, и ты поедешь домой, а когда я завтра вернусь с работы, мы поговорим и про скрипку, и про твои уроки. Дай мне время все обдумать. — Он старался выглядеть спокойным.

— Вот так-то лучше. Толечка, ты же любишь свою Кису? А он правда уже толкается, — она улыбнулась и показала на свой округлый живот. — Я не замечала, а после того, как ты сказал мне днем по телефону, стала наблюдать, и все точно так. Наш сын. Вот приложи руку, приложи, может быть, и ты почувствуешь.

Анисимов проводил жену до дороги, поймал попутку и, записав номер, расплатился вперед.

Только скрипки за неподъемные деньги ему сейчас и не хватало.

Вспомнил пору, когда он жил один, работал не так, как теперь, на износ, время оставалось на саморазвитие, на чтение специальной литературы, на кино, пусть раз в полгода, но все же.

Вспомнил, как приходил в тихую квартиру и мог спать столько, сколько требовал организм. И никакой постоянной стирки, уборки, готовки не было. А еще мама приезжала, и звонил он ей, когда хотел, и в отпуск в Москву ехал. А теперь, отпускные он попросит деньгами, а сам работать, работать и работать. Вон в поликлинику на полставки невропатологом зовут, так надо брать. И корректировать расписание в стационаре. Хорошо, что заведование Олегу досталось, теперь к месту не так привязан. Что ни делается, все к лучшему.

Это ж если кредит брать, то надо квартиру закладывать, а если не выплатит? Ну, допустим, продаст он ее, а сам с Ритой и ребенком к маме... И тут же понял, что к маме никогда с Ритой не поедет. Надо узнать у зама по хирургии, есть ли общежитие при больнице. Так сказать, запасной вариант.

Вернулся в приемный, а там Катя.

— Анатолий Сергеевич, вы бы прилегли, пока тихо. А я разбужу, если что.

Смотрит на него улыбается. Вот интересно, некрасивая же девчонка, а столько обаяния и взгляд теплый, доброта у нее в глазах. Невольно улыбнулся в ответ.

— Да, Катюша, сейчас лягу. Покурю только, подумаю, чаю выпью и... Надо мне решение одно принять. Ты лучше расскажи, как у тебя учеба?

— Ой, не знаю, Анатолий Сергеевич, может, и зря я в институт пошла, трудно. Теории много, зубрю, зубрю, а потом раз, и в голове пусто. Физколлоидная химия вообще мрак. Анатомия — это ужас, как можно все выучить, не пойму, в училище намного проще было.

— После третьего курса станет легче. Гарантирую. А если что непонятно или помочь нужно — обращайся.

— Спасибо, только у вас своих проблем хватает.

ЧАСТЬ 30 Тупик

Ночь для Анатолия была длинной, поспать бы ему не удалось при всем желании, уж больно душа ныла, потому поступление тяжелого пациента после аварии он воспринял как благо. Тут уже не до копания в собственной жизни и не до жалости к себе самому. Его проблемы — мелочь, в сравнении с человеческой трагедией.

Так что ночь он провел за операционным столом, а утро встретил в реанимации, наблюдая за пациентом.

А потом все как всегда: планерка, отчет дежурного врача и рабочий день.

После обхода засел за заполнение историй болезней.

— Толь, — услышал голос Курдюмова, — может уйдешь после обеда, отдохнешь, выспишься?

— Уйду, только не спать, дело у меня есть одно. Его бы решить. Вру, два дела. Олег, ты можешь стать моим поручителем?

— Кредит берешь?

— Да. Понимаешь, Рита моя оказалась музыкантом, скрипачкой. Вот хочу инструмент ей купить.

— Толь, ты меня за наглость прости, а Рита твоя Ритой оказалась? Или, может, кем-нибудь другим?

— Неважно, Олег, кто она есть на самом деле. Она мать моего ребенка, для меня это много значит.

— Ну-ну! — Олег ухмыльнулся и погрузился в заполнение своих историй. А через несколько минут продолжил: — Я буду твоим поручителем, Толь. Всегда можешь на меня рассчитывать, в любом деле.

— Спасибо. Не ожидал, если честно, сумма-то не хилая. Но я должен купить ей эту скрипку.

— Делай как знаешь. Если уверен, то покупай. Хотя я лучше автомобиль взял бы, стоимость наверняка сопоставимая.

Договорить они не успели, так как посыпались приветы от профессора Боярчикова. Сначала перевели к ним больную с шванномой. (1) Поставили в график операций, обсудили план ведения пациентки. Как только закончили, старшая сестра терапии принесла историю Минина, поднятую из архива.

Анатолий ее читал и перечитывал. Фантастика: молодой мужчина с прекрасными антропометрическими данными, с неоконченным высшим образованием, с дефицитом массы тела, не употребляющий алкоголь и не курящий был госпитализирован с тяжелой запущенной двусторонней пневмонией и признаками обморожения обеих стоп.

Рентгеновские снимки легких в динамике в истории вклеены. Все соответствовало тому, что написано. Да и не стал бы Боярчиков врать. Он врач старой гвардии, которые денег с пациентов не берут, а пахнут как на передовой.

Жалко, что в медицинские документы фото пациентов не вклеивают. Уж больно хотелось в глаза этому человеку взглянуть. До ручки семью довел.

Анисимов проштудировал карту Минина в последний раз. Нет, ничего нового для себя не нашел. Адрес списал. Сейчас сдаст ее обратно в архив, потом в банк сходит, кредит оформит или узнает, какие бумаги для его оформления требуются, затем поедет по этому

адресу. Увидит мужа своей жены собственными глазами. Про ребенка узнает. Нехорошо ж получается — девочка с матерью жить должна. Тоже проблема. Еще какая проблема. Нет, не для него, он примет ребенка и отцом ей стать постарается, дело в Рите, она не помнит дочь. А как можно забирать ребенка, если мать в таком состоянии, для нее-то девочка практически чужая.

Или помнит? Вот о чем он думал вчера после ухода Риты: не врет ли она ему? Уж больно хорошо в жизни ориентируется. И так все складно у нее получается. И парня этого из перехода она вызвонила, и об уроках договорилась. И скрипку уже присмотрела, хотя он ей ничего не говорил. Ничего. Лучше б она с таким же энтузиазмом ребенка своего искала.

И тут он понял, что просто ревнует. Его женщина ездила куда-то с совершенно чужим мужчиной — вот и вся проблема. Не станет же она ему изменять? Решил, что нет, не станет, и со спокойной душой отправился в банк.

Конечно, никакой кредит ему сразу не оформили, потребовав чертову кучу документов и справок. Но самое главное — деньги давали только под залог квартиры. Но давали, а значит, в течение ближайших нескольких дней надо все эти справки собрать и банку предоставить. Решил вечером поговорить с Ритой, может, покупку скрипки можно на год отложить. Ведь переплачивать тогда не придется. Деньги скопят, ребенок родится. Все равно ей не до скрипки будет. Чтобы музыкант был в форме — он должен постоянно заниматься, много заниматься по несколько часов каждый день без перерывов и выходных. А в однокомнатной квартире с малышом не до занятий. Да и работы у нее пока все равно никакой нет.

Вот так погруженный в раздумья Толик подошел к дому, где раньше проживала его жена. Время после семи, Александр по его расчетам должен уже быть, дочку из садика же до пяти, ну на крайний случай до шести забрать надо.

В подъезде, видимо, никто не убирал, валялись окурки, да и грязи чуть ли не по колено. Дом, старая хрущевка, ничем от его собственного не отличался, ну кроме грязи в подъезде. На нужном этаже площадка была чистой, к перилам прикреплена баночка для окурков, пустая. Дверь в квартиру хорошая, железная, массивная такая, крашенная в темно-коричневый цвет. А вот звонка не было, пришлось стучать. Но ему никто не открыл. Толик подождал немного и постучал сильнее. Ничего.

Спустился по лестнице, посмотрел в окна. Все темные. Решил еще раз подняться и постучать к соседям. Но дверь квартиры напротив оказалась приоткрытой на цепочку, и старушечий, дребезжащий женский голос спросил:

— Что шастаешь туда-сюда, я сейчас милицию вызову, будешь знать, как шуметь!

— Да я к соседям вашим, но, похоже, не застал. А что шумлю — простите, звонка у них нет, а дверь железная гремит уж больно.

— К соседям? А почему мне знать, что ты не вор? Вон в сводках новостей про воров каждый день рассказывают. Говорят, они тоже с виду приличными людьми кажутся. Вот как ты прямо.

— Был бы я вор, вскрыл бы двери так, что вы и не услышали бы.

— Ай! Обижает! Я всегда все слышу!

Анатолий понимал, что бабушке просто скучно, и он в данный момент для нее невероятное приключение и возможность поговорить, а значит, это надо использовать в своих интересах.

— Так, может, и где соседи ваши знаете? И скажите, стоит мне их ждать или в другой

раз прийти лучше?

— На работе, где им быть. Саша охранником в ночном клубе, он с час как на работу ушел. А жена его к маме рожать поехала. Родит, поживет там на всем готовом, оклемается, а потом уже с дитем домой к мужу вернется.

— А дочка где?

— Чья дочка? Ты что мне голову морочишь, а, милоч? Первого ребеночка они ждут.

— Саша Минин — первого?!

Бабушка отступила вглубь квартиры, прикрыв дверь. Анатолий уже испугался, что больше ничего не услышит, но оказалось, что его собеседница сняла цепочку и, распахнув вход, пригласила его к себе в дом.

— Не Минин это, другой Саша, — говорила она, пока Анисимов разувался и вешал пальто на крючок. — Минин съехал давно. Давай мы с тобой, мил человек, чаек выпьем, да я на все вопросы отвечу. Вот у Минина да, дочка Женечка, пять лет ей, а может, уже шесть. Ты сам кем ему приходишься?

— Жили в одном городе, мамы наши общались. А тут думаю, дай-ка я заскочу, проведаю его.

— Золотой человек у него мама, как трагедия эта с Ольгой случилась, так приехала и порядок в доме навела, и ремонт не бог весть какой, но сделала. Квартиру неплохо они продали. А мне что, только плюс. Эти-то не шумят и не ругаются.

— Обижал, что ли, Сашка жену? И что с ней случилось?

— Он ее обижал? Скажешь тоже! Ты в чай больше двух ложек сахара не клади, врачи говорят, что вредно это. Сахар — это белая смерть. А еще от него бывает диабет, так-то такая болезнь, что врагу не пожелаешь. У Клары с третьего подъезда был этот самый диабет, ей ногу отрезали, она и слегла, недолго мучилась, померла бедная. — Бабушка достала из кармана платок и промокнула глаза. — Алевтина Никитична я, а то нехорошо, чай распиваем, а не познакомились еще. Тебя-то как звать?

— Анатолий.

— Так вот, лентяйка была Ольга, в доме бардак, за ребенком не следила, только дергала дочку и орала. Туда не ступи, то не делай. А ребенку-то и побегать охота, и в снежки зимой поиграть, и по лужам потопать. А она ругала Женечку, чтоб не запачкалась та, а то стирать некому. Это при матери живой стирать некому! И на мужа тоже все наговаривала: и тут он не такой, и там не вышел. И не поздоровается никогда с соседями, королева же. Вначале они неплохо жили, в Турцию отдыхать летали, а потом... Клара Женечку подкармливала, если та с отцом была. А он на любую работу соглашался, и бутылки собирал, и вагоны разгружать ходил, а толку — все прахом, все. Не хозяйка она и не женщина, одно слово — королевщина. Саша-то красавец, и дочка прелесть, только от худобы светится. Вежливый парень, воспитанный, и сумки донесет, и прибить что, подсобить никогда не откажет. Довела его Ольга до ручки, но Бог сжалился и прибрал ее. Теперь, может, жить начнут они с дочкой по-человечески.

— Съехали давно они? — Анисимов расстроился. Как теперь искать? Где? Как он мог сразу не подумать тогда же, после аварии. Почему тянул до сих пор? Ведь знал, что рожала его... Поймал себя на мысли, что не может назвать ее Ритой.

— Давно так, в мае где-то или в апреле даже. Не помню я, Анатолий. Не помню. Как новые соседи въезжали — помню, а вот когда? Стара стала.

— Ни адреса, ни контактов не оставляли?

— Нет, с ними этот был, товарищ ваш, Саша его другом представил. Игорь звали. У меня память на имена хорошая. Так Игорь и поминки делал, всех соседей позвал, а пришла только я одна. Ольга ж не дружила ни с кем. А не прийти нехорошо, соседка все же. Хоронили-то из морга прямо, чтобы Женечку не травмировать.

Это был тупик. Самый настоящий тупик. Где теперь искать мужа и дочь Ольги, Анисимов не знал. По дороге домой зашел в участковый пункт полиции, но и там ему не повезло. Бывший участковый уволился, а нынешний ничего не слышал об аварии.

Анатолий не пошел сразу домой, решил пройтись, обдумать все, что услышал и принять решение. Что-то сломалось у него внутри. Только что, он понять не мог.

Почему? Почему все, кто знал его жену в прошлой жизни отзывались о ней холодно, а об ее муже тепло. То есть, о человеке, которого Толик практически ненавидел, обвинил во всех смертных грехах, говорили хорошо, считали его порядочным и несчастным. Но из памяти было не вычеркнуть ту женщину, изуродованную автомобилем, в чужой мужской куртке и без обуви. Он же ее за БОМЖиху принял, да что он, все приняли. А Рита алкоголи просто не переносит и не пьет никогда. Почему Минин этот жену содержать не мог? Как допустил, чтобы красивая молодая женщина так опустилась. Она же не просто красивая, она королева, перед ней преклоняться хочется, достойным ее быть...

Толик остановился, достал беломорину закурил, на лавочку присел, уж больно тошно на душе стало.

Вспомнил, как мать первый раз запах табака почувствовала, как лекцию о вреде курения ему второкурснику читала, а он спорил, утверждал, что пары формалина в анатомке гораздо вредней никотина. И обещал ведь не курить, а сам...

Почему именно тот скандал на ум пришел, не понял, но сердце сжалось, катастрофически стало не хватать воздуха. Выкинул в урну недокуренную папиросу. Вот с кем поговорить надо — с мамой. Она поймет и подскажет как быть. Это для других она профессор и фанатик неврологии, а для него то просто мама.

Господи, как она там одна в Москве? На что живет, как? Пальто ее старенькое в последний приезд вспомнил... Сам то чем лучше Минина? Почему позволил матери родной, уважаемому человеку в таком пальто ходить? Что люди о нем думают? Как его судят? Да сам он, сам про себя бы со стороны что сказал? Не оправдывал бы свое поведение наличием молодой, беременной жены, которой скрипку за семь тысяч баксов покупать собрался. Значит жене скрипку, а матери кукиш!

Нет, так не пойдет. Сейчас он вернется домой и поговорит с мамой, надо жить вместе, это на два города сложно, а вместе совсем другое дело, да и внук скоро родится, подумаешь, каких-то четыре месяца осталось.

Толик собрался с силами. Решение было принято. План созрел. Конечно, надо перевозить маму в Питер. Позвонить, убедить, может быть даже заставить.

Завтра же собрать документы для банка и оформить кредит, купить Рите скрипку. Мало ли что про нее кто говорит, он живет с ней сколько, жена она ему. Так кто ее лучше знает, сплетники соседи бывшие, или он сам.

Стыдно стало ему за свою слабость, за мысли, за сомнения. Свою семью защищать надо. А его семья — это мать и жена с сыном еще не родившимся. И найти дочь Риты, он должен ради самой Риты. Вот если отступит сейчас, прекратит поиски, она ему не простит.

Дом встретил темными окнами и тишиной.

На кухонном столе записка: «Толя, милый не волнуйся пожалуйста, я у Кира! Восстанавливаю навыки игры на скрипке. Буду поздно, Кирюша меня проводит. Целую, твоя Киса».

Господи, он уже и Кирюша! Мысль пролетела, не задев самолюбия Анатолия. Ни о каком флирте между беременной женщиной и молодым парнем, младше ее по возрасту лет на пять, быть не могло. Вот ездили же они скрипку смотреть, теперь он ей свою заниматься дает. Все в порядке.

Готовой еды в квартире не оказалось, то, что оставлял, было съедено, видимо вместе с Киром. Но ничего, обошелся бутербродами с килькой в томате.

Звонок телефона выдернул из дремы у включенного телевизора. Ага, это он пытался дождаться жену и не заснуть, не вышло. В трубке слышался голос матери.

— Толя, сынок, прости, что поздно и домой, я на работу звонила, Олежек сказал, что ты ушел, дела у тебя.

— Да, дела. Я думал о тебе сегодня, мама. Ты как почувствовала.

— Так мама же. Чему удивляться.

Анатолий улыбнулся. Как хотелось сейчас обнять ее, прижаться, получить свою долю покоя и любви. Того неуловимого, но прочного чувства защищенности, которое бывает только рядом с матерью.

— Mam, ты прости, что деньги не шлю. Я исправлюсь. Я... — замолчал, сказать было нечего.

— Да не надо, я справляюсь, мне хватает. Сейчас пенсию каждый месяц давать стали, вот уже второй раз вовремя. А еще я бизнесом занялась, не поверишь, сынок.

— Бизнесом? Как много я о тебе не знаю.

— Да мне предложили комнату девочке аспирантке сдать. Вот, живу не одна. И платит, и продукты приносит, хорошая девочка. Толковой ее конечно, назвать сложно, но хозяйственная. Помогает мне по дому. Так что у меня все хорошо. Расскажи о себе.

— Да я думал в Питер тебя забрать. Хватит уже жить вот так на два города. Я скучаю по тебе, волнуюсь, понимаешь.

— И я скучаю, сынок. Но до мая никуда двинуться не могу, а там видно будет.

Положив трубку на аппарат, Толик понял, что никогда не пожалуется матери. Она все, что могла для него уже сделала, теперь, он ей обязан. Только на деле не выходит. Стыдно.

Так и уснул сидя с мыслями о том, как заработать больше, только честным путем.

На ум пришли бутылки. А что, если бы негде было взять денег, то и он пошел бы собирать. А может они ему снились.

Встал с будильником, Рита спала. Когда она пришла домой он не знал, ну да ладно. Приготовил завтрак, разбудил ее и заставил поесть. Затем побежал в домовый комитет за справкой о прописке и членах семьи. Просил жену не уходить никуда, если успеет — собрать бумаги, в банке будет нужна ее подпись при оформлении квартиры в залог.

Рита проводила до дверей, поправила шарф и поцеловала на дорогу.

=====
(1) — Шваннома — доброкачественная опухоль мозга.

ЧАСТЬ 31 Воспоминания

“Женись на ней...” — вертелись в голове Минина дурацкие слова Ларисы. Что за глупость, в самом деле. Какая может быть женитьба? Начать с того, что Асе это совершенно ни к чему. Вдовец с ребенком, чужие проблемы. У девушки своя жизнь, судьба, как можно взять и использовать трудное положение Аси? К тому же Лариса точно знает, что Минин к коттеджу, в котором живет, никакого отношения не имеет. И потому это в глазах окружающих он для Аси завидная партия, а на деле... Да что за черт! Какая партия? Александр даже головой закрутил от возмущения на самого себя.

Он бесцельно водил стрелкой мышки по экрану компьютера — полчаса сидел над письмом этому своему тезке из Германии и ни слова не смог написать дальше “Здравствуйте, Александр Сергеевич”.

Что он может сказать этому незнакомому человеку, схожему с ним самим не только именем, но в какой-то степени и судьбой, потерей. Минин подумал о девушке Майе, и ее он не знал, так же как и хозяина Лаки. Ничего не знал, кроме того, что Майя и Александр любили друг друга, а потом она умерла. И Ольга умерла. Женя без матери осталась. Виноват кто?

Полезли воспоминания о начале отношений с Ольгой, о влюбленности. А была ли любовь или нет, кто же теперь скажет.

Ольга, Ольга... Красавица, королева. Про себя он именно так ее и называл. Да на что угодно был готов, чтобы с ней быть. Вокруг Ольги поклонники роились, не чета Минину, такие все из музыкальной и театральной элиты, сыновья артистов, многообещающие таланты. А она почему-то выбрала его. Он спрашивал и не раз, на это Ольга лишь смеялась и шутила: “С бумажек бутерброды есть не хочу всю жизнь”.

Знала бы, что придет время, и бутербродов не будет! Но тогда-то Минину казалось, что он горы свернет! Проектов было громадье и вполне осуществимых. Если бы он меньше тратил на удовольствия, а вкладывал заработанное в дело, так и поднялся бы. Не в Турцию надо было ехать купаться и загорать, а за партией товара. Не шмотки покупать дефицитные втрисорога, а пускать деньги в развитие, в недвижимость мог вложить в конце концов. А он и то, что было, с молотка пустил. Потерю материнской квартиры Ольга ему не простила. Но это все потом было: и слезы, и упреки, и горькие слова, что могла бы и с тем, и с этим, один дирижер известный, другой в Ла Скала стажировался, третий скрипач с мировым именем... Это все потом.

А сначала безумный угар любви, или как это назвать? Бесконечных совокуплений. Страсти, вожделения, неутолимого желания. Первое время ничего, кроме этого, Минин и не воспринимал. Окружающий мир как в пропасть ухнул в его безумный секс с Ольгой. Не было случая, чтобы она отказала, не раскрыла для Саша объятия и не развела бедра.

Разве не было это свидетельством любви?

Сходил он по ней с ума. В первый раз у них было на съемной квартире одного старшекурсника, Ольга сама туда Сашу пригласила. Он и не помышлял, что у них дойдет до этого, такой неприступной она в компаниях казалась. А тут как будто другая девушка. И шампанское в квартире нашлось, и презервативы. Белье на постели свежее. Оно чистым и осталось — Ольга не была девственна. Но для Минина это уже не имело значения. Он получил такой шоковый разряд от первого сексуального опыта с ней, что стал покорным, как

волоокий теленок.

Минин не в состоянии был думать, он потерялся в угаре их горячего романа. День, два, неделя — сознание застлало пеленой, и хотелось только одного: быть с ней, быть в ней, ощущать ее ответные движения, содрогаться в судорогах оргазма.

Близость с Ольгой превратилась в зависимость настолько быстро, что Минин даже не успел понять, когда стал заложником этой связи. Возможно, и желание избавиться от казарменной жизни было обусловлено в первую очередь этим — свободно и в любое время иметь доступ к телу девушки. А все прочие аргументы вроде быстро подняться, раскрутить бизнес — все прилагалось к главному.

После свадьбы сомнения пришли не сразу. Накатом и бизнес успешно развивался, Игорь много помогал. Ольга его терпеть не могла, он мешал тем, что отвлекал Сашу, занимал его чем-то еще, кроме восхищения, обожания и удовлетворения капризов молодой жены.

Они прожили в любви и согласии недолго, так же быстро, как вспыхнула страсть, пришло и отрезвление. Причем с обеих сторон. Ольга поняла, что Минин не совсем тот, вернее совсем не тот, на кого она рассчитывала, и лучше бы она выбрала венгра-дирижера, например. Или сына первого скрипача оркестра Мариинского театра. Или... Да много было претендентов, в поклонниках она недостатка не испытывала. Замужем так же, но там страх останавливал ее. Минин был патологически ревнив. В состоянии болезненного раздражения мог даже ударить. Ссорились они постоянно, из-за ерунды, мелочей. Потом бурно мирились в постели. Ольга даже любила ссоры.

Заподозрить неладное можно было бы еще до того, как она забеременела, Минин начал уставать от бесконечных сексуальных игр. Он насытился и стал искать чего-то еще, что могло бы связать их. Безуспешно! Ничего, кроме секса, их не объединяло. Александр стал раздражаться на бытовые мелочи. Тогда еще жизнь не поворачивалась к ним спиной, бизнес шел, денег хватало, не было причин раздражаться. А Сашу уже коробило от невозможной привычки Ольги шумно прихлебывать чай. Он возненавидел завтраки из-за ее самозабвенного “вс-с-с-с-с-сывр-р-р”. И она постоянно ластилась, как кошка, трогала его, терлась, выставляла напоказ грудь, требовала ласк. Бывало, серьезный разговор вдруг прерывался ее капризами, что Саша недостаточно внимания проявляет к ее титечкам и ножкам. Или не заметил, какие сегодня красивые на ней трусики. Ее ничто не интересовало, кроме музыкальной тусовки, сплетен и развлечений. Хождение по ресторанам, шумные компании, отдых за границей. Она хотела все больше и больше, а Минин не мог дать желаемое.

Зачем он вспоминает это сейчас, когда ее нет? Сравнивает с Майей, которую знает только по рассказам Аси. Или он с Асей Ольгу сравнивает? С какой стати?

Надо просто написать этому дипломату и попросить разрешение на участие Лакрейма в соревнованиях. Ничего больше.

Минин быстро набрал письмо, кратко, по-военному изложил суть. Дал все свои координаты для связи. Отправил. Отодвинул в сторону размышления об Асе и занялся текущими делами. Надо было все уладить тут и перенести внимание на городской офис Игоря. Уже который раз Минин собирался поехать туда, познакомиться, разобраться на месте что к чему — Игорь просил взять на себя руководство этой фирмой. Минин упирался, опасался, что не справится, но в конце концов уступил, сказал “да”.

Резко зазвонил мобильный, Саша принял вызов не глядя и услышал незнакомый мужской голос.

- Здравствуйте. Это Александр?
- Да, это я, — отвечал Минин.
- Я получил ваше письмо...

ЧАСТЬ 32 Александр Сергеевич Данилов

Александр Сергеевич Данилов еще раз осмотрел кабинет перед тем, как положить ключи в пустой ящик письменного стола. Сдержанная, но богатая обстановка, призванная внушить уважение посетителям. Дорогая дубовая мебель. Массивный письменный прибор на зеленом сукне стола, плотные шторы на окнах, родное кресло с высокой спинкой, диван кожаный...

Все надежно, удобно, знакомо до мелочей, до половины шага. И вот, невероятно, но факт — многолетняя дипломатическая миссия Данилова в Генеральном консульстве России в Гамбурге завершилась, ничто больше не держит его в Германии.

Заявление об уходе по собственному желанию. Просьба освободить...

Если бы можно было повернуть время вспять, стал бы он так цепляться за работу, превращаясь в заложника регламента и обязательств? Вероятно — да. Инерция срабатывала, привычка.

Крепко повязанный чувством долга и подписками о том, чего нельзя, он не тяготился этим. Год за годом выполнял работу на том месте, где оказался. Многим оно показалось бы пределом мечтаний, Александр спокойно относился к своему положению.

За годы пребывания юристом Гамбургского консульства он привык к ограничениям в личной жизни. Не слишком часто вспоминал о России и вполне доволен был всем, что происходило. Никакой ностальгии или мучений по поводу романтической любви. Нет ее и ладно, можно найти в жизни другие цветы, как говорил Франциск Ассизский.

У Данилова была крепкая положительная семья, красивая умная жена, послушные дети, стабильный доход. По всем анкетам он выходил исключительно правильный служащий дипломатической миссии.

Гамбург в какой-то степени стал ему родным. Или не стал? Жаль уезжать?

Александр всегда считал, что где живет — там и дом, была бы уверенность в завтрашнем дне. Но это раньше. На данный момент не было у него никакой уверенности даже в дне сегодняшнем. Ни работы, ни семьи не было. Одно с другим связано — об этом Данилов прекрасно знал, когда согласился на расторжение брака. Сожалел он только об одном — поздно произошло все это, слишком поздно.

Память о несостоявшейся любви жила в нем. Нет, не тревожила, не мучила угрызениями совести. Это была тихая безнадежная любовь, обиженная на то, что ей не дали раскрыться.

С того дня, как Александр познакомился в конном клубе с девушкой по имени Майя, прошло меньше года, а как изменилась жизнь! Можно сказать, она обрушилась.

Но какое это имело значение, если Майя умерла.

Уезжал он ниоткуда, направлялся в никуда. Вещи уместились в машине, ничего, кроме одежды, ноутбука и внешних накопителей с личными файлами, он с собой не взял. А что и нашёл? Квартира казенная была, обстановку перевезла к новому мужу бывшая теперь уже жена. И остался Данилов Александр Сергеевич ни с чем. Ну разве что “Круизер”, тот самый на котором он ездил в Россию, на него был записан.

Да, наделал он тогда с “Круизером” шуму в поселке Майи. Грустная улыбка скользнула по лицу Александра — не думал он о Майе как о мертвой.

Странное было у Данилова чувство, будто звала она его настойчиво. Снилось часто.

Он мог бы ничего не менять, закрыть глаза на дурацкую интрижку жены, не доводить до

развода, сохранить работу. Об этом, желая сохранить опытного работника, не просто намекал, а открыто говорил Александру генеральный консул. Но Данилов не слушал. Странное и необъяснимое стремление гнало его неизвестно куда, но прочь от привычного. И он использовал первый же предлог, чтобы разрушить свою устоявшуюся жизнь.

Сначала он не собирался в Петербург. Думал, что поедет к друзьям в Финляндию. Но письмо от незнакомого человека, каким-то образом связанного с Майей, решило дело.

Данилов не был суеверен, не читал “знаки”, но, получив вест из России, сейчас же перезвонил по указанному для контактов номеру.

Ответил мужчина, тот самый что и писал. Говорил сначала по деловому спокойно, про Лаки. Потом занервничал, Данилов понял так, что это сотрудник конюшни. Лаки будет участвовать в каких-то соревнованиях и надо разрешение владельца. Мужчина, которого тоже звали Александр, готовился уговаривать и убеждать. И почему он так был уверен, что Данилов откажет? Вопрос выеденного яйца не стоил — достаточно было факсимиле, переслать электронную подпись, но Александр Сергеевич сказал, что приедет сам и на месте будет разбираться.

В чем разбираться? И так все ясно... или он повод ищет, чтобы поехать туда?

Чувство вины не оставляло его, а сейчас когда он дал себе волю, то захлестнуло все остальные. Ну как можно было не понять? КАК? Оказаться настолько слепым. Снова и снова он прокручивал в памяти те дни, что провел с Майей. Час за часом, минуту за минутой. Во всех подробностях восстанавливал их и все больше находил подтверждений о своей слепоте и глухоте. Бледность, оцепенение, замкнутость — все это было от боли! И от страха смерти. Как же он не понял и оставил девочку один на один с темнотой небытия.

Глухое беспросветное отчаяние отупляло все прочие чувства Данилова. Исправить можно все, кроме смерти, а Майя умерла.

Александр хотел одного — поехать туда, прийти к ней, рассказать все. Как он жил, о чем думал. Прощенья попросить и остаться рядом.

Выходит, кто-то там наверху услышал его? Письмо это про Лаки, предлог ехать не просто в Россию, а туда, к Майе. Хоть это и больно будет. А ей-то было больше...

В зеркале заднего вида ничего не просматривалось, давно стемнело, а Данилов все ехал. Дорогу помнил на такие вещи у него память хорошая была. Добираться до Петербурга на машине почти сутки, самолетом — два часа, но сам процесс, пребывания в пути как бы приводил к общему знаменателю разрозненные счета, что жизнь выставляла. Александр Сергеевич уезжал, оставлял прошлое в Германии. То прошлое, которое было без Майи.

Гамбург, Берлин, Познань, дальше вся Прибалтика, ночевал в Латвии, где-то в районе Тарту. На границах почти не держали, досматривать у Данилова было нечего. Рано утром опять поехал, рассветало медленно, уже и ноябрь, на траве изморозь — чем дальше на Север, тем холоднее.

Йыхви, Нарва, Кингисепп... вот и Ленинградская область пошла. Деревни-развалюхи на дома смотреть страшно. Запустение, грязь, обочины захламлины. Унылость, тоска.

Это вполне созвучно было мрачному настроению Данилова.

Мерный гул мотора, дорога бежит под колеса и это странное чувство — что едет к Майе. А ее уже нет, нигде нет. И не доедешь, и не долетишь...

Александр в эти сутки почти не спал и не ел. Не то, чтобы он спешил, скорее бежал от привычного. Не хотел его больше. Что там дальше — кто его знает, главным для Данилова

было доехать и... вот здесь обозначалась разделительная черта. Что там за ней Александр не знал. Уверен был в одном: перешагнуть надо, начать жить иначе.

В Петербурге мог бы остановиться у матери — но не стал, ни друзей, ни сослуживцев видеть не хотел. И на ночь глядя упорно ехал в сторону Выборга. Приморское шоссе, побережье, дом...

Фары осветили ворота, Данилов не заглушая мотор вышел, отомкнул замок, развел створки, заехал во двор. В последний раз он был здесь с Майей.

В доме холодно, не топлено, сыро, затхло — не заночуешь. И дров нет, печь не растопить. Александр вернулся в машину, запустил двигатель, включил грелку. До утра как-нибудь, а потом он пойдет в конный клуб к Лаки. Что дальше? Пока ничего.

* * *

— Святые угодники! — Чижик Пыжик воззрилась на Данилова не просто с изумлением, а даже и со страхом, — Случилось что у вас?

— Почему обязательно случилось? Я по делу, здравствуйте, Лариса Сауловна. Может присяду?

— Садитесь, конечно.

— Сотрудник ваш мне написал. Я и решил заехать, вопрос решить.

— Какой сотрудник? Какой вопрос, — Чижик Пыжик начала нарочито внимательно переключать бумагу на столе, изучать Данилова с пристрастием было неприлично, не того уровня клиент, а глаза предательски так и лезли в его сторону.

— Про соревнования.

— А! Так это Минин тебя к нам высвистал. Можно было и не ехать, по телефону все утрясли бы. Неужели только из-за этого?

— Не только. На Лаки посмотреть.

— “Посмотреть”, — сердито передразнила Чижик Пыжик, вы бы на него три месяца назад посмотрели, мы думали копыта жеребец отбросит. Если бы не Ася не знаю что с ним было. Выходила она его. На соревнования ее хочу выставить, вот для этого согласие надо.

— А оплатить?

— Ничего, — покачала головой хозяйка клуба, — Минин все оплатил уже.

— А кто это Минин? — Данилов понял, что речь о том человеке, который писал ему.

— Тезка ваш, он у меня на паях с еще одним мужиком кафе арендуют.

— Понятно. Хорошо, все нужно для соревнований этих я готов подписать, оплатить и прочее. А теперь хотел просить — тренер... Майи, она все еще тут работает?

Данилов запнулся, голос у него пресекся. Так трудно оказалось произнести ее имя. Просто имя...

— Конечно работает, куда она денется. А вам зачем?

— Спросить хотел.

— А ну... там в ангаре, как обычно, она в каптерке тренерской, наверно, или в манеже поищите.

— Спасибо. Вот телефон мой новый, если что по нему я всегда отвечаю.

Александр записал номер на визитке и положил на карточку стол.

— Ладно, если что — наберу. Соревнования на той неделе начинаются, точное число сообщу, пока сама не знаю. На сайте тоже есть. Ну бывайте, если у вас все, а то завал тут у меня с бумагами. В том числе и кафе это, на кой хрен я его только открыла!

Чижик Пыжик махнула рукой в сторону двери и Данилов пошел в указанном направлении. Из домика администрации по центральной аллее, к ангару, по коридору мимо денников в каптерку тренеров.

И ведь не забылось ничего — как будто вчера он был здесь. Голос Наташи Данилов узнал, грубоватый, прокуренный. Почти мужской. Отчитывала тренер кого то за попоны:

— Я тебе сколько раз повторяла в кучу не бросать, надо было развесить, просушить. Что тут помойку устраивать, вот есть бы... — Тут она увидела Данилова и на полуслове замолчала. Спросила с недоверием: — Александр Сергеевич?

— Да что же вы все как будто привидение меня встречаете? — рассердился он, — Ну я это, да, что такого страшного?

— Простите. Неожиданно... ладно, ты иди уже попоны суши! — это она кому-то в глубь каптерки рыкнула, а сама вышла и дверь прикрыла. — Насчет Лаки?

И почему-то тревога в голосе. И еще такое... как будто не вовремя тут Данилов оказался. Помешал.

— Да и насчет Лаки тоже, но я просить хотел.

— Что?

Данилов молчал, собирался с силами чтобы сказать ЭТО. Неужели так и не верил все время, а сейчас только?

— Я когда уезжал. Когда мы в последний раз виделись. Вы мне предложили... — и снова голос не слушался и слова не те... “предложили” — Я... к Майе приехал, мне надо к ней. Сейчас.

Наташа смотрела на него как-то странно, с таким глубоким состраданием. Данилов не мог понять почему. Его она за что так жалеет?

— А поседел весь, — только и сказала Наташа, — подождите пять минут, я только переобуюсь и пойдем.

— Я на машине, можем доехать.

— Я на парковку приду.

Ехать оказалось недалеко, минут за пятнадцать добрались. Кладбище было в сосновом лесу, километрах в трех от городка, под мост железнодорожный, немного по шоссе, а потом сразу направо и в лес.

Типовая чугунная ограда, перед ней какие-то женщины продают искусственные цветы, часовня и ворота. На парковке еще три машины, “Круизер” Данилова — четвертый.

— Я и цветов не купил, — с запоздалым сожалением сказал он

— Там у нее все хорошо, и цветы, и крест, мы с Асей досматриваем, недавно были, — успокоила его Наташа. Она стояла у машины и ждала, — сначала в часовню пойдете, или к ней?

— А как надо? — Данилов поражался идиотизму своих вопросов, косноязычию и тупой бесчувственности. Ничто в нем не отзывалось, чувства были, как вон эти аляповатые пластмассовые ромашки и розы. А сосновый лес поднимался к небу стройно. И сильные живые деревья мерно покачивались из стороны в сторону, кроны будто мели низкие ноябрьские тучи. Было пасмурно.

— Кто его знает как надо. Как душа просит, так и...

— Не надо тогда в часовню, пошли сразу к ней, — попросил Данилов.

С широкой центральной аллеи они свернули на ту что была поуже, потом пошли совсем уже по тропке между оград и вот...

— Это здесь, — Наташа открыла калитку, заперто было на палочку просунутую в ушки для навесного замка. — Все не соберусь попросить мужиков щеколду приварить... Ну... я пойду тогда, а вы тут сами. Я на автобусе вернусь, там остановка рядом.

Данилов был благодарен ей, что поняла: сейчас ему только одно нужно — остаться с Майей.

В сердце, как кол забили, Александр и вдохнуть не мог, сел на лавку, что была приткнута у самой ограды и смотрел на могилу.

Федорова Майя Константиновна — значилось на табличке в перекрестье. И годы жизни. На крест веноч надет, не выцветший еще, дорогой, в середине футляр с живыми цветами в вакууме. Белые розы. И лента тоже белая, на ней надпись золотым. Могила без урны — просто холм, вся цветами усажена, не по сезону цветы, долго не проживут, померзнут. Нелепые они тут, в ноябре и зачем им тут умирать, чего ради?

— Ты прости меня, что так долго не шел, — с трудом разлепил губы Александр, — не мог я поверить. Я и теперь не верю. Все думаю — почему ты мне тогда сразу не сказала? Я бы попытался помочь. Нет я не упрекаю, как бы я мог? Только мне как жить то с этим, скажи? — Данилов замолчал надолго. Сидел и слушал как сосны шумят над ним. Плакать хотел и не мог. И что еще сказать ей не знал.

Могильный холм отделял его от Майи, не той что под землей лежала, там уж и не было ее, а другой, что звала. Ведь он слышал все это время. По ночам просыпался, искал ее в комнате. Лечился, к врачам ходил, таблетки пил, а не проходило. И все равно ему было, что там в его собственной жизни творится. Одно знал — надо ему сюда, к ней. И вот он здесь и что? Все это как в кино показывают, на коленях у могилки ползать, землю ногтями рыть. Да нет же... ничего такого. Вот сосны шумят, они тут с ней, живые.

Почему-то вспомнилось ей письмо. Данилов его при себе держал, мог бы и достать но зачем — он и так помнил.

“Здравствуй, Саша, раз ты читаешь это письмо — значит меня уже нет.

Прости, что не сказала тебе правду, я хотела, много раз пыталась в те дни, что мы были вместе, но так и не смогла. Я думала, что потом будет хуже, если ты узнаешь...”

— Куда уж хуже, Маечка, куда уж хуже, — закрыл лицо ладонью Данилов. Посидел так, еще помолчал, а потом вздохнул глубоко и просто без надрыва стал рассказывать ей все, что с ним было, начиная с того дня, как он уехал из России. Подробно, припоминая мелочи, повторяясь. И про то как ждал ее звонка, про смс из больницы, про развод, и про работу, и про то что не вернется в Германию. — Может здесь в посольстве стану работать, или не знаю где... Лаки я не продал, он так и живет в конюшне, не ходил еще к нему. Морковки нет, надо купить. Может он меня вспомнит.

Пошел снег похожий на дождь, похолодало. Александр не чувствовал холода и того что руки совсем застыли. Из оцепенения его вывел голос Наташи.

— Александр Сергеевич! Вы еще здесь?! А я... ой... да что с вами? Я ведь не уехала, у меня тетка тут, я пошла убирать у нее, завозилась, возвращаюсь смотрю машина ваша стоит... я бегом сюда... Думала может вам плохо стало, или еще что. Вы же замерзли совсем и без шапки! Александр Сергеевич!

— Ничего, ничего, Наташа, я сейчас пойду...

Он поднялся и побрел обратно, мимо оград, по тропинке, по аллее, в ворота. В часовню заходить не стал, чем бы ему бог помог? Уже ничем.

Федорова Майя Константиновна — вот как оно, полное имя. Девятнадцать лет прожила Майя Константиновна...

Данилов запустил мотор включил обогрев и только тут понял, как сильно замерз.

И еще понял, что куда ехать — не знает. Или знает? Раз он ответов на кладбище не нашел, так может быть они дома... там где она жила...

Дорогу в Димитровку Данилов помнил хорошо и доехал быстро. Но уже стемнело, в свете фар вот и двор знакомый, ворота те самые. Заехать надо, не посреди улицы машину оставлять, парковки нет.

Александр вышел, развел ворота и только тут заметил, что во дворе еще одна машина стоит. Тоже не из дешевых, иномарка. И в окнах домика Майи свет горит. Значит все-таки живут здесь... может родня? Она говорила, что никого, но мало ли, нашлись, когда наследство засветило, уж он то знал.

Данилов постоял в нерешительности — к людям ему не очень хотелось сейчас, придется объясняться кто он, зачем он пришел, откуда Майю знает. Данилов уже решил вернуться в авто, но тут какой-то человек его окликнул.

— Добрый вечер, не скажете, это улица Германа?

Данилов развел руками.

— Не знаю, я не здешний, может и Германа. Тут по моему всего одна улица и есть.

— Мне пятнадцатый номер, это какой номер дома?

— А это... кажется пятнадцатый. Вы к кому тут?

— К Минину Александру.

— К Минину? — Данилов никак не мог связать это. Минин заплатил за соревнования, но почему его тут ищут? Или это другой Минин? Мужчина прошел в дом, Данилов за ним.

И сейчас же навалились воспоминания. Потому что Александр увидел ту самую кухню и стол, и полки, и рукомойник. Плитку газовую. Вот здесь Майя чай заваривала, там в буфете у нее травы всякие душистые, на другой полке чашки. Оказывается он все помнил!

Трещала печь, жарко горели сухие дрова. Тепло сразу охватило, разморило, сбросило тормоза с эмоций. Все, чего Данилов не позволял себе, сдерживал — рвалось сейчас из души. Тоска по Майе, глубоко запрятанная, на десять засовов запертая, пробила все преграды и полностью завладела Александром. Так, что выть хотелось! И да — могилу бы разрыл руками...

— Господи, ну за что же ты так, зачем ее-то забрал? — мысленно спросил Александр, а может и вслух...

Он стоял посреди кухни, никуда не хотел уходить отсюда.

И казалось невероятное — сейчас она ему навстречу выйдет. Майя... Живая и здоровая...

В доме в комнате были люди, о чем-то говорили. Голоса мужские и женский, Александр на них не обращал внимания. Открыл дверцу буфета, хотел касаться предметов, которые трогала она, передвинул чашки и в одной заметил свернутый квадратом лист бумаги. Что-то было в нем. Данилов достал, вытащил на свет и прочел.

“Для Саши”.

Это был ее почерк! Он столько раз перечитывал письмо Майи, что узнал бы из сотни

других. Осторожно развернул бумагу, внутри было маленькое фото и розетка с голубой ленточкой — наверно приз Лаки на соревнованиях.

На фото Майя была с Лакреймом. Обнимала его за шею, улыбалась. Тут Александра и пробило, он сел на табуретку за кухонный стол, положил на него бумагу, расправил, на него фото и розетку и все смотрел на Майю, а слезы текли по щекам. Данилов не чувствовал что плачет.

Люди что были в комнате перешли в кухню. Тот мужчина, который спрашивал номер дома и улицу тоже был с фотографией в руках. И такой растерянный вид, зачем то к Данилову подошел, подал ему фото спросил:

— Может быть вы видели...

— Откуда он мог видеть? — другой мужчина, подтянутый спортивный говорил раздраженно, почти кричал. — Это вообще посторонний. Что вы тут делаете? — наехал он на Данилова.

За мужчинами из комнаты вышла Ася.

— Постой, Саша, не кричи! Это же... Александр Сергеевич! Господи! Да как же...

Она узнала Данилова, но отреагировала странно — смотрела на него с ужасом. Потом заметила его слезы, спохватилась. — Простите не узнала сразу. Как же вы тут?

— На кладбище был, заехать решил, а тут... Она мне оставила...

И Данилов не стыдясь, что в комнате люди закрыл лицо руками и зарыдал. Ася кинулась к нему обняла.

— Она в больнице все вас вспоминала...

— Ася! Я ничего не знал...

Минин смотрел то на них, то на незваного гостя. Мрачнел лицом. Сказал сухо.

— Вы идите, пожалуйста, видите тут у нас...

А тот с фоткой все не уходил, смотрел на Данилова. Что-то хотел видно еще сказать. Потом махнул рукой безнадежно, да и вышел.

Никто особо на это внимания не обратил, заняты другим были. Ася Данилова успокаивала, а сама поверх его головы на Минина смотрела с таким отчаянием. Саша головой покачал, сделал ей знак “молчи” и сказал:

— Давайте мы отсюда поедem уже. там у меня мама волнуется и Женька наверно на ухах.

— А печка, как же, Саш?

— Соседку сейчас попрошу, чтобы закрыла. Пойду к ней, подождите тут.

Минин вышел, оглядел двор, увидел вторую машину — оценил статус Данилова, да и так наслышан был. Что же теперь делать? И все в один день, как по заказу. И снег наконец пошел!

— Снег это хорошо, — развернул плечи Минин и почему-то счастливо улыбнулся. А радоваться особо нечему было. Этот мужик с фоткой Ольги явился, он же не остановится, дальше пойдет ворошить! Жива Ольга... невозможно поверить, но зачем ему врать доктору этому? А второй тут по Майе рыдает... раньше надо было плакать, когда бросил ее тут... Но жалко его, ведь и не знает. Ничего он не знает — это верно. Зато Минин все знает и голова от этого знания кругом идет. Почему же сегодня-то, именно сейчас? Ладно бы раньше.

Раньше... а что было раньше с ним самим? В эти несколько месяцев. Конец лета, начало осени, работа напряженная но успешная. И все хорошо дома. Можно сказать счастье. Даже

странно, но факт — именно счастье! Так он это ощущал. Мама, Женечка и Ася. Все они с ним. Только Ася не знала тогда, что она его счастье, Минин это всячески скрывал. А сам с каждым днем все больше привязывался к этой славной девушке, смотрел на нее, слушал.

Татьяна Петровна все делала, чтобы Ася у них и ночевать оставалась чаще, комнату рядом с детской так за “няней” и закрепила. По сути Ася не няней стала, а мамой. Это для Жени. А вот для Минина могла ли стать женой? Вернее он ей в мужья годился ли, или как Ольге жизнь бы испортил?

Он видел, что нравится Асе и сам дышал неровно, когда она близко оказывалась. И это не день и не два тянулось. Чтобы сбросить напряжение Минин стал часами в тренажерном зале пропадать.

В училище Александр легкой атлетикой занимался, бегал, плавал. А тут в коттедже и тренажеры на выбор и бассейн — сам бог велел. Да и помогало. Чтобы по ночам хоть иногда спать, а не ворочаться с боку на бок, прогоняя крамольные мысли — если бы только о поцелуях. Минин отчаянно хотел Асю и ничего не мог с собой поделаться. А тут еще Чижик Пыжик со своим “женись на ней” как сказала, так у него в мозгу и засело.

И мама на это сто раз намекала. Но с Асей он еще не говорил. И черт его дернул принять эту авантюру Игоря, притворяться хозяином коттеджа. Ася же не знает! С каждым днем врать становилось все отвратительней, а страсть скрывать — все труднее.

Оно бы так и еще тянулось до второго пришествия, если бы дачный трест не решил домик Майи к рукам прибрать. Насчитали каких-то долгов левых и подали иск. С какой стати не понятно, дом никогда собственностью треста и не был, когда — то давно, еще при жизни брата Майи его сдавали в аренду, вот тогда то все это через трест и оформляли. Потом Майя сама тут поселилась и договор этот сам собой аннулировался. Теперь же дачный трест уверял, что договор сам собой пролонгировался. Был бы Игорь — он бы их быстро заткнул, но партнер пропадал на Севере и Минину пришлось заниматься всем этим самому. Ася знала немного бухгалтершу из дачного треста и вызвалась поехать с ним. Ничего они от чинуш не добились, те трясли бумагами и мычали свое партикулярными фразами. Минин злился, Ася успокаивала. Она его всегда успокаивала в самых критических ситуациях. Стоило ей положить руку ему на рукав — и все, Минин приходил в норму и начинал здраво мыслить. Это в делах, а вот в желаниях... там было все с точностью до наоборот. И в геометрической прогрессии.

Одним словом ничего они в дачном тресте этом не добились, тогда Ася и предложила в домик зайти. Во-первых, посмотреть что там делается, может уже несанкционированно кого-то заселили.

— Они могут, а что ты думаешь, — говорила она.

— Да я знаю, — соглашался Минин. Он чуть было не брякнул, что знает не понаслышке, а его самого с семьей три раза чуть из квартиры не выселили за неуплату. Да вовремя спохватился, что Ася не поймет. Вернее поймет, что он ей врет. И он ничего не сказал.

А к Майе они пошли. В доме было холодно, сыро, неудобно. Задерживаться не хотелось.

— Саш, давай протопим, — предложила Ася, — Просушим дом немного и чаю выпьем. У Майи тут запасы такие... она любит... — Ася осеклась, поправилась, — Когда жива была, она любила травы всякие собирать в чай добавляла.

— Мама тоже любит.

— Да! Татьяна Петровна мастер! — обрадовалась Ася, что Минин не стал тему про смерть Майи развивать. — смотри вон даже тут дрова есть и в сарае их полно.

— Ну давай, — согласился Минин, он с Асей не спорил. Хотя и не очень понимал почему им не сесть в машину и не поехать уже домой, к маме и Жене. Мысль, что Асе хочется побыть с ним в удаленном месте, наедине — ему в голову не пришла.

Печь разгорелась быстро, в доме набралось тепло. Минин пошел за водой, он крутил ворот, ведро звякало, капли стекали обратно в глубину, гулко там шлепались. Стемнело рано, уже и сумерки. Как тут эта Майя жила одна?

Вернулся Александр в дом и на самом деле обрадовался. Что они сейчас вдвоем, без мамы, без Жени. Наверно так им и не приходилось еще быть?

Да сам же он избегал, в тренажерном зале по вечерам отсиживался — железо до одурения кидал. Так не помогало. Все равно снилась ему Ася и сны горячими были. Как вот этот огонь в печи.

— Вот хорошо, водичка свежая, сейчас вскипятим. — хотела принять ведро Ася, но Минин не дал.

— Куда лить показывай. Тяжелое оно...

— Я что ли ведер не таскала? Вот сюда, — Ася улыбнулась, сняла с закопченного пузатого чайника с узким носиком крышку. И опять нахмурилась, — Неужели отсудят дом, Саша? Жалко!

— Не думаю. Там конечно Игорь намудрил, то ли за клубом конным недвижимость, то ли за ним самим. Но это все разрулить можно, в конце концов, взятку дать. А дом этот что жалеть? Его сносить надо да новый строить.

— Да, сейчас это просто, что угодно можно купить, — Ася почему то погрустнела. — А сносить... тогда... не знаю, захотела бы Майя.

— Ася, ну ты чего? Из-за этого расстроилась? Майи нет, спрашивать не у кого, а тут все само скоро развалится.

Минин сел за стол, где Ася уже все накрыла.

— Тут хорошо тепло, я люблю печку, — она протянула ладони к плите, а Минин перехватил ее руки. Почему он должен отказываться? Почему? Чужой жизнью жить? Сам что ли не сможет устроить так, чтобы и Асе и Жене и маме хорошо было?

— Ася, ты знаешь что, я сказать тебе должен. Давно надо было. Вернее сразу.

— Ты о чем, Саша? — она смутилась, но рук не отняла. А Минин не отпустил. Так и держал ее ладони в своих, в детстве игра такая была “сердечко-сердечко, выйди на крылечко” там также руки складывали и передавали “секретик” или не передавали. Откуда он это знает? Девчачья игра. А, с Женей играл, а теперь вспомнил. — Я о том, что... — и стало страшно, что вот сейчас скажет правду, а Ася, как Ольга. Посмеется — зачем ты мне такой никчемный нужен, без коттеджа. Да лучше пусть скажет, чем врать ей! — о том, что нравишься ты мне очень. Ничего не могу сделать с этим! Я уже и так и эдак пытался, а не могу, запал на тебя. Он потянул ее к себе на колени. А хотел же поговорить, признаться, теперь другого хочет — поцеловать, а все остальное потом.

Ася не противилась, на руки к Минину пошла, прижалась и смотрела на него, глаза в глаза — близко.

— И ты мне нравишься, — сказала тихо.

Они не произнесли слова “люблю”, потому что не к месту было. Какое-то высокопарное что ли. А здесь все просто оказалось, как будто ждали этого оба. И Ася сама Александра поцеловала. Неумело, смущенно. Он замер, весь отдался легкому прикосновению ее губ.

— Пойдешь ты за меня? — вдруг спросил между поцелуями, а потом только добавил: —

Дом то не мой, я не про этот, про коттедж где мы живем с мамой.

— А чей? — Ася не отстранилась, не напряглась. Услышала и все.

— Не знаю, Игорь там договаривался, а я только свадебный генерал.

— Свадебный генерал, — Ася засмеялась, откинула голову, распущенные волосы почти до пола достали. И снова обвила шею Минина руками, — Что мне твой дом?

— Так нет его, он в дело вложен, в кафе. И еще в другое. Мы с Игорем раскрутить хотим. Ася...

Он целовал уже по настоящему, глубоко. Она закрыла глаза...

Минину крышу и сорвало. Не думал он больше ни о чем. Только о близости. Осторожно Асю на пол поставил, сам поднялся, дров в печку подложил. Куртку с вешалки снял, бросил на кровать и Асино пальто туда же — прямо поверх покрывала, чтобы не на сыром лежать. Потом ее за руку потянул за собой.

— Иди сюда, не бойся.

— Я не боюсь, Саша, я думала ты не захочешь со мной.

— Почему, — он говорил шепотом, путал ее волосы, расстегивал блузку, сдвигал с плеч бретельки лифчика.

— Думала не нравлюсь...

— Очень нравишься!

— У меня никого не было, Саша...

— Я знаю.

— Откуда?

— Целоваться не умеешь, — засмеялся он, — и остальное тоже...

— А ты умеешь?

— Да...

— Саш, у Майи тут белье есть, чего мы так? Давай простыню застелим сверху?

— Давай

— Я достану сейчас, я знаю где... — Ася высвободилась из рук Саша, распахнула шкаф, сразу нашла что хотела, прикрыла одежду простыней. — Отсырела конечно, но так же лучше будет? Я хочу, чтобы тебе хорошо было.

— С тобой по любому хорошо будет... — он уже разделся совсем. Ася краснела, но смотрела. Видела, что Саша ее хочет. И он смотрел на нее. Красивая, еще совсем девчонка, даже плечи угловатые. Грудь маленькая, волосы и грудь и плечи прикрывают, удивительные длинные волосы. — Давай ляжем, — выдохнул Саша, все его ночи томные, бессонные, в одно желание сейчас переплавились — лечь с ней рядом. Так часто он это представлял, и ведь не далеко Ася была там, в коттедже, в соседней комнате, за стеной. Но ни разу не решился войти. Почему же здесь то... в чужом доме, на сырой постели... кто ж его знает почему...

Ася сидела на краешке узкой кровати, раздетая, а не стыдилась. смущалась только и сама же сказала чего.

— Ты не сердись, если я что-то не так сделаю... ты взрослый, сам знаешь...

Он знал, что все это пройдет, когда они снова обнимутся и лягут рядом. Сейчас надо было перестать думать, мысли мешали. Они потом придут, может быть и сожаления, а сейчас только близость. И поймал он себя на том, что не было раньше у него желания уберечь. А только скорее взять.

И тут же отбросил он сравнения. Новая жизнь, что в прошлом — то в прошлом и Ольга в

могиле, а оттуда не поднимаются.

Ася не боялась, она доверяла и потому Минин был особенно осторожен. Не хотел причинить ей лишней боли, или наругать. А желал сильно и никуда это было не деть.

Кровать жалобно скрипнула, когда Саша лег рядом с Асей, обнял и снова стал целовать. Он не спешил, но и не играл с ней. Это была желанная близость, которой он долго ждал. И сейчас прежде чем взять Минин хотел почувствовать Асю, губами и руками, грудью, бедрами, тесным сплетением рук и ног — больше, чем объятиями. А когда уже не мог больше ждать, то лег на нее и вошел осторожно, оставался так, давая ей привыкнуть, чувствуя преграду девства. Потом толкнул резко, Ася вскрикнула.

— Прости, — он накрыл ее губы своими и только тогда прошептал в них, — Я люблю тебя...

Было влажно и горячо. Минин с прежней осторожностью вошел еще несколько раз, потом чаще и со стоном вышел оберегая Асю, прижался к ней, смешивая кровь и семя на ее бедрах. Знал, что она ничего не почувствовала кроме боли и сейчас вряд ли сможет кончить. Она не умела.

— Саша, — Ася обнимала и целовала его, — Мы теперь...

— Мы теперь муж и жена, — ответил он, — и будем вместе. И свадьба у нас будет настоящая, с красивым подвенечным платьем и обручальными кольцами...

“И обручальными кольцами...” — Минин поежился на крыльце, не достучаться было к соседке, а ехать нужно скорей. Что-то предпринимать срочно. Что — Александр не знал. Не готов он был к такому дикому повороту. Только что с Асей они были близки, и сказать ей так много надо, а тут явился мужик этот с Ольгиной фотографией. Как же мог Минин при Асе сказать, что да, это его жена. Он не хотел, чтобы это было правдой. Это не могло быть правдой! Сегодня уже нет...

Выходит что же, он Ольге смерти желает?

— Эльвира Ивановна! Откройте! — у соседки наконец засветилось окно и Минин перестал колотить в дверь.

— Чтой случилось то? — раздался испуганный тонкий голосок и соседка сначала штору с уголка окна отвела, выглянула, потом по дому прошаркала и дверь приоткрыла.

— Извините, Эльвира Ивановна! Это мы, соседи ваши, домик Майи. Мы там печку растопили, а закрыть не успеваем, срочно надо возвращаться. Вы не могли бы...

— А что там, никак покупатели понаехали? Машина вроде знакомая, я еще как заезжала присмотрелась. Майкин хахаль что ли? — Эльвира растворила дверь и явилась на пороге, замотанная в платки, кругленькая, аккуратная. — Явился все-таки.

— Да, там ее знакомый, верно, он хозяин Лаки, лошади, которую Майя выезжала. Но не покупатель он. Он к ней на могилу ходил, потом сюда.

— А сюда зачем?

— Не знаю. Эльвира Ивановна, мы торопимся очень. За печкой присмотрите, дом закройте и ворота, хорошо? Машина одна тут останется, потом заберут ее.

— Хорошо, хорошо... все торопятся... ежайте уже, всю улицу взбаламутили.

— Спасибо! А ключи у вас так пусть и будут. А вот еще... тут никто не приходил про жильцов новых спрашивать?

— Нет, никто не появлялся. Так дом пустует. Сколько времени простоял. Только по весне приезжал парень, он вроде хозяин новый, а потом уже и никого.

— Это Игорь приезжал. Дом его, да. А не дачного треста. И заселять сюда никого мы не дадим.

— Ну это вы там сами с директором треста и решайте, а я что?

— А то, что не открывайте кому попало. Игорь придет с Севера — разберется. ну все, мы поехали тогда. Спасибо вам большое.

— Да не на чем, не на чем...

Минин, видя состояние Данилова, предложил ехать на одной машине, и заночевать в коттедже, а “Круизер” Александра оставить пока во дворе у Майи.

— Так лучше будет. А еще с соревнованиями может какие формальности. Утром разберемся, тогда я вас сюда подкину машину забрать.

Данилов согласился. Выглядел он плохо и все молчал. Минин с разговорами не лез. да и не до этого ему было, свои проблемы давили.

До коттеджа добрались быстро, охранник ворота открыл и сообщил.

— Дозвониться не могли до вас. Игорь Николаевич приехал. В клуб ходил с директором поругался.

— Игорь! Ну как почувствовал! — Минин обрадовался. Игорь единственный наверно мог эти проблемы разрешить. Или хотя бы выслушать, посоветовать — ему можно было рассказать.

Но стоило Минину из машины выйти как Ася его в сторону отозвала.

— Саша! Мне с тобой поговорить надо! — девушка тянула его за собой. — Это срочно!

— Ася, я сейчас, только гостя устрою.

— Пусть Кирилл устроит, он проводит к Галине Петровне, а мне с тобой надо сейчас!

Лицо у Аси растерянное, глаза испуганные. Минин подумал, что она из-за того, что у них в домике Майи было расстроилась, все-таки обидел! Наверно сожалеет. Он сказал охраннику

— Кирилл, в дом проводи Александра Сергеевича и проследи, чтобы там его мама приняла. Дальше она уже сама. — Когда Данилов ушел он развернул Асю за плечи, поставил перед собой и заговорил горячо: — Ася, родная, прости. Я не должен был, не так все, да? Но я же сказал там и сейчас повторю — мы с тобой вместе. Ты мне жена, не важно что там...

— Саша я не про это! Я не знаю даже как тебе сказать. Это ужасно!

— Что?

— Откуда же мы могли знать что Александр Сергеевич так убивается. И что он разводится будет. И вообще...

— Кто “мы”, — не понял Саша.

— Я и Майя!

— Асечка, ты что говоришь? Майя умерла.

— Нет, — отчаянно замотала головой Ася, — Не умерла! Она в коме была, а потом... ой я не знала ничего! Не сразу узнала. Только когда она ко мне пробралась на конюшню. Саша у нее ни документов нет, ничего. И вот это все со смертью — она из-за брата своего. Я там не знаю точно, но страшное что-то, может они искали ее, но главное из-за Данилова. Майя не хотела семью его разрушать, думала если он не узнает, что она жива, так постепенно то и забудет. А он вон какой стал, на себя не похож, седой весь, я ужаснулась, когда увидела. Саша, что делать? — она заплакала. Минин ее обнял, он не в состоянии был уложить в голове информацию о стольких воскресших. Мало того что Ольга, еще и Майя...

— Ничего не понимаю! — Они стояли у шлагбаума, у будки охранника, в свете не выключенных фар машины Минина.

— Саша! — от дома к ним шел Игорь, — Сашка! Ты чего тут во дворе да еще и девушку такую красивую держишь на улице в снег и холод. — Игорь подошел ближе, посмотрел на Александра и Асю и спросил, — А что случилось у вас? Лица такие, как будто кто-то умер...

— Да нет, Игорь, в том и дело что жив, — ответил Минин, — пойдём в дом, поговорите надо срочно!

Много позже, когда Данилова вынудили поужинать и устроили в гостевой, когда Ася провела Женю и ушла спать Игорь и Саша остались в кабинете Минина. Он запер дверь и только тогда еще раз насколько мог подробно все рассказал Игорю.

Начал спокойно, а потом все больше горячился и впадал в отчаяние одновременно.

— Ты понимаешь, Игорь, я же только жить начал без нее по человечески. И с работой устроилось и вот Асю встретил. Женька ее любит и мама. И она их. И мы... я с ней...

— Трахались уже что ли? — присвистнул Игорь, — ну ты даешь. Времени зря не теряешь.

— Ты не понял. Люблю я ее, жениться хотел, а как же теперь, я с Ольгой не разведен! А этот мудака, он дотошный такой, пришел и сует в нос фотку, не знаете ли такой? Я не признался. Игорь я сказал что не знаю ее!

— Ну и правильно сделал.

— Так она Женина мать.

— Какая она ей мать, Мина? Ты сам то думаешь головой, или чем? — Игорь расхаживал по кабинету, Саша стоял у стола. — сядь, что ты стоишь как пень, — Игорь указал на диван. Мужик этот откуда?

— Из больницы куда ее увезли тогда.

— Но у тебя же свидетельство о смерти на руках! Я сам Ольгу хоронил, гроб венки покупал, сам на кладбище договаривался и своими глазами видел как ее в землю закопали!

— А в гробу ты ее видел?

— Нет. То есть прощания не было. Она же сколько пролежала в морге, прикинь, да там ей полголовы снесло...

— А мне мужик этот свежую фотку показал, на прошлой неделе сделанную! И это Ольга. Что делать, Игорь? Не могу я с ней, не хочу! — Минин схватился за голову.

— Ну а что ты так сразу? Жива так жива. Разведешься.

— Не даст она мне развода. Ты Ольгу не знаешь. Или Женку заберет... Что же делать?

— Истерику не устраивать. Про вторую расскажи.

— Вторая — Майя, хозяйка твоего домика в Димитровке. Она там с братом что-то, история мутная, то ли погиб он, или его заказали, или убили потому что задолжал. Короче ее преследовали. А еще Данилов — она с ним в отношениях не была, а он запал, а потом уехал в Германию. Майя болела, порок сердца, плановая операция, кома. Дальше тоже туман, как ей удалось мнимые похороны устроить. По документам все настолько чисто, что теперь она и без паспорта и без имени, и без жилья. К Асе пришла, где живет — не сказала. И я так понял, что не брат главное, а из-за Данилова она мертвой сказала, думала забудет он ее...

— Ну дела! — Игорь взъерошил волосы пятерней, — Ну делаааа...сериял мексиканский. Ладно, с Ольгой твоей, вернее не твоей мы решим, я это сам утрясу. ты даже и не дергайся. А вот с Майей пока не знаю. Много народа на эту фальсификацию подвешено.

И больничка, и морг, и кладбищенские.

— И что же делать?

— Будем решать проблемы по мере их поступления. Сначала с Ольгой. И давай завтра я начну, а сейчас поспать бы.

— Конечно. А с домом?

— А с домом я кишки выверну дачнотрестовцам. Они у меня попляшут, — взвился Игорь. Он терпеть не мог, когда его интересы ущемляли, — Я специально приехал из-за этого! И ни за что им дом не уступлю. Из принципа! Ладно, утро вечера мудренее. Пойду спать.

— Спасибо, Игорь.

— Пока не за что и лучше деньгами, — засмеялся Васильев, — ну ты чего, Мина? Я же тебя сколько знаю? Какие еще спасибо?

Минин пошел было к себе в комнату и передумал. Нет, теперь уже нет, он остановился перед Асиной дверью. Стучать, не стучать? Может и не закрыто. Он повернул руку, дверь подалась. Открыто.

— Саша! — услышал Минин, — Сашенька, — и руки Аси обвили его шею, — все хорошо?

— Да, все хорошо, Игорь обещал Майе помочь. — Минин обнимал Асю, гладил по плечам и спине, поправлял волосы. — Все хорошо, ну что ты опять плачешь?

Про Ольгу он Асе решил не говорить.

* * *

Данилов был благодарен и Асе и этому парню, своему тезке Минину, они как-то смогли растормошить Александра, развеять разговорами, вывести из тяжких дум. Вроде и не утешали, а не давали скатываться отчаяние.

Но сейчас, когда он остался в комнате один, тоска навалилась, сердце, как стальной лапой сжала. И невыносимо было среди ночи в пустоте сопротивляться ей.

Данилов оделся и пошел вниз, сначала во двор, потом и за ворота. До конного клуба было рукой подать, Александр Сергеевич знал с кем в эту ночь станет говорить о Майе.

На территории было пусто и темновато. Никакой охраны — Чижик Пыжик сэкономила на ночных сторожах. Ворота запирали, но Данилов помнил где в ограде прутья раздвинуты и можно пробраться.

Он шел к деннику Лаки: по тропинке, мимо душевых, в ангар, по коридору и вот пятый денник, если Лакрейма не перевели в другое стойло. Нет, не перевели, Данилов узнал горбоносую морду жербца — Лаки высунул голову из денника, прядал ушами, трепетал ноздрями. И почему это верхняя часть двери была откинута и свет внутри. Наверно Наташа?

Данилов вошел, Лаки переступил, подался в сторону и Александр услышал:

— Лакрейм, ты что? — этого не могло быть, но было! Он узнал голос Майи. И увидел ее! Денник освещала лампа-переноска, подвешенная на крюк. В электрическом свете, как обычно сияли ангельские кудряшки Майи. Александр хотел сказать ей что он приехал к ней, насовсем и...

Свет расплылся, стена надвинулась, в глазах пошли круги и погасли. И гул в ушах, как океанский прибой. Потом сквозь него пробился голос.

— Саша... Сашенька...

Данилов чувствовал на лице прохладные капли. Вода... ему прыскали в лицо водой... и свет вернулся. Александр увидел ноги и брюхо жеребца, ощутил осторожные прикосновения чьих-то рук к лицу, а потом тот самый, давно знакомый ему Ангел в золотистом ореоле нимба склонился и сказал голосом Майи:

— Что же ты все падаешь, Сашенька? — и стал целовать Александра быстро и часто. В губы, подбородок, щеки... Разве ангелам можно целоваться с подопечными?

Данилов закрыл глаза и боялся открыть, чтобы происходящее как-нибудь не оказалось сном и не исчезло.

— Саша, очнись, — Майя трясла его за плечи, Лакрейм фыркал и беспокоился, — вставай, слышишь? Не пугай меня...

Данилов сделал усилие и заставил себя посмотреть на Майю. Она не исчезла. Тогда он поднялся резко, обхватил ее, крепко прижал к себе.

— Майя! Жива...

— Жива, Сашенька, жива... прости... я думала что лучше тебе не знать... я дура... дура... Саша... ты седой весь! Господи! Откуда же ты здесь?

— Приехал сегодня...

— Вставай... пойдём, — она тянула его за руку, помогая подняться.

Они встали, снова обнялись. Данилов наклонился, зарылся лицом в волосы Майи, вдохнул ее запах и сказал.

— Фото нашёл, что ты мне оставила там... в доме... Я вернулся, Майя, не смог жить без тебя.

Игорь шел к приемному покою через больничный двор. Миновал пандус, толкнул разболтанную дверь. Надо же что за совпадение — он тут бывал. С огнестрелом. И доктор злополучный этот, с неумеренным любопытством тоже здесь. В принципе закономерно. Минин же сюда пришел Ольгу свою опознавать. Кого же ему подсунули? Левую жмуриху. Вот дела! Каким же образом Олька выжила, да еще и пристроилась к кому то? Игорь ничего не мог понять в этой странной истории. Он быстро раскопал концы и узнал, кто наводил справки про Женю Минину. Но дальше — мрак. С какой стати врачу из взрослого хирургического, или какого там отделения? Да, хирургическая травматология что ли. Надо к заведующему, он доктора укажет, а дальше с тем ребята Игоря поговорят и все разъяснят популярно. Чтобы сам он уже никому ничего сказать не мог членораздельного. Следак хренов. Сашке жизнь портить! Тот только вздохнул свободно, мамку Жене нашел, а себе жену нормальную. И на тебе — жива оказывается змеюка эта Ольга. Это еще Татьяна Петровна не знает, а то побежала бы и сама невестку придушила. С такими мыслями и явился Игорь сначала в приемный покой, потом и на отделение к заведующему. В дверь кабинета стукнул, вошел и...

— Ба! Доктор! До начальника отделения доросли? Поздравляю.

Игоря встретил несколько удивленный доктор Курдюмов. Нельзя сказать что визит бывшего пациента его порадовал. Он помнил все обстоятельства их первой встречи, в том числе и вырванную страницу с фамилией и анамнезом. А так же и сумму, которая сделала возможным такую потраву журнала.

Но вида Курдюмов не подал, даже улыбнулся радушно.

— Здравствуйте, здравствуйте. Чем обязан? Беспокоит рука?

Он вспомнил и рану. И пострадавшего. Огнестрел там был...

— Нет, залатали прекрасно, я сегодня по другому вопросу. С доктором вашим мне надо встретиться. Анисимов Анатолий... отчество забыл

— Сергеевич. Он как раз сейчас дежурит. Могу пригласить. Только по какому поводу? Обязательно с ним решать?

— Обязательно! Личный вопрос.

— Хорошо, сейчас я его приглашу, тут у меня и обсудить можете свой личный вопрос. А то на отделении там суета-маета.

Курдюмов напрягся — Игорь заметил это. Видно и правда не чисто тут было дело с Ольгой. Надо Анисимова прессовать. А заведованием медлил. Хмурился. Хотел уже выйти из кабинета, но вернулся и снова сел за стол напротив Игоря.

— Хочу просить вас. Мы, конечно за тот раз в расчете, но чисто по человечески. Я тогда пошел вам навстречу, хоть права не имел и рисковал местом. Так вот — Анисимов лучший мой хирург. Если у него проблемы — вы мне скажите, я попробую решить.

— Не решите вы, доктор. Там проблема с головой, которая создает их всему прочему организму. Зовите Анисимова, на первый раз попробую с ним поговорить. Только с глазу на глаз. Так и для вас лучше.

Анисимов Игоря вспомнил не сразу. Но когда вспомнил — сначала заперся. Как разведчик на допросе.

— Нет смысла молчать, — убеждал Игорь, — я же все равно узнаю.

— Хорошо, я скажу, — стукнул по столу Анатолий, — раз так я скажу! Один мудака довел свою жену до суицида, но она не покончила собой, ее машина сбила. Осталась сиротой маленькая девочка Женя. А потом оказалось что женщина жива но получила травму головы и потеряла память. А родных никого. никто к ней не пришел.

— Потому что ее как бы и нет. Ее же в умершие записали. Видите, доктор, я осведомлен.

— Не в умершие, а в живые!

— В любом случае подлог — записали не под ее именем, потом и из больницы так выписали и паспорт такой выдали. Откуда паспорт? — Анисимов молчал, а Игорь продолжал, — но устроив все так успешно вы зачем то ходите с фото этой мнимой умершей и разыскиваете ее мужа.

— Я дочку ее искал.

— Это одно и то же, вы искали концы и нашли. Теперь вопрос, что делать собираетесь? Жену ему возвращать? А ему она не нужна.

— И не была нужна, — Анатолий вспыхнул, как и всегда случалось, когда ему казалось, что обижают Риту, — Вы бы ее видели, до чего ее этот ваш Минин довел.

— А вы бы, доктор, знали кем он был и должен был стать, если бы с этой сучкой не встретился. — не стерпел Игорь, — Кадровый офицер! А она кто? Пиликалка бездарная. только ноги и разводила, сначала перед завкафедрой в училище, потом перед дирижером в Ленконцерте. — И уже совсем другим тоном с угрозой закончил: — Так вот что доктор Анисимов. Не лезьте в чужую жизнь.

Анатолий возмутился, что этот бандит расселся тут на месте Курдюмова и указывает!

— А вот не надо мне угрожать! Я не боюсь.

— Меня чего бояться? Не я же в гости приду... Надоело мне разьяснять, — Игорь навалился на стол и приблизился к Анатолию, — на самом деле тебе сегодня по дороге с работы только потому в подворотне башку не проломают и кости не перемелют, что с огнестрелом меня Курдюмов латал. И просил тебя болезного не обижать. А у нас долг платежом красен и понятия есть. Слышал про понятия? Так вот, по хорошему говорю тебе, от этого дела подальше отойди, второй раз прикрывать не стану. Измордуют и пальцы переломают так, что ложку не удержишь не то что хирургическую иглу. А если за себя не боишься, то за бабу свою побойся, дернись еще в сторону Минина и его сделают реальным вдовцом, уже без ошибки. Понял что ли? — Игорь отодвинулся, встал, взялся за дверь, но оглянулся и бросил с порога: — Слепой ты, что ли? Зажирает она мужиков, прорва ненасытная! Минин из-за нее чуть на морозе не околел, как собака. А сейчас у него жизнь счастливая! Поганить не дам! Женьке повезло, мать нашли другую, а эту стерву жаль машина не насмерть сбила, для всех было бы лучше. В том числе и для тебя. Бывай здоров, доктор Анисимов, поговорили!

Игорь вышел и грохнул дверью на все отделение.

Анатолий вздохнул с облегчением. Возможно, расследование его на этом действительно завершилось, но жизнь то не закончилась. И Рита осталась с ним — остальное какнибудь устроится.

Больше книг на сайте - Knigoed.net